

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

*Память огненных лет
К 60-летию Великой Победы*

Г.А. Касьян

БОЕВЫЕ ДОРОГИ СОЛДАТА

Воронеж 2005

К К 28

Г.А. Касьян
«Боевые дороги солдата»
(документальная повесть)

подг. 14/IV -
1979г.

«Боевые дороги солдата» — это повесть о военном времени. Она автобиографична. В ней рассказывается о ратном пути в годы Великой Отечественной войны отважного офицера — Андрея Петровича Простояна, по сути — автора книги. Г.А. Касьяна. Повесть учит молодое поколение мужеству, беззаветному служению Отчизне, даёт яркий пример веры в силу русского народа.

Повествование дано в авторской редакции без нарушения стиля изложения.

0705184

Государственное учреждение культуры
Воронежская областная
универсальная научная библиотека
имени И.С. Никитина

D(a)

Память огненных лет

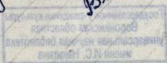
К 60-летию Великой Победы

Г.А. Касьян

БОЕВЫЕ ДОРОГИ СОЛДАТА

Библиотека
им. Ульянина
Уважаемые сотрудники
библиотеки! В память
о Дне Победы, дарю Вам свою
книгу, изданную к 60-летию
Великой Победы над коварным врагом.
Жизнь пугливый друг человека. Ветра в
книгой, всегда праздник. Пусть она послужит
Вам, Вашим читателям, родным и близким
на радость, вдохновение и эстетическое удовольствие.
С глубоким уважением к Вам.
Ветеран войны. Автор книги
Июль 2008 год

Воронеж
2005

0702184

Содержание

Глава I. Крутые перемены.....	5
Глава II. Роковая ночь	30
Глава III. На Карельском перешейке	37
1. В новом гарнизоне	37
2. В неравном бою	47
3. Отряд особого назначения	50
4. Мертвая зона	51
5. Ночная встреча	57
6. Через охраняемый мост	60
7. Моторазведка противника	64
8. Случай в доме с мезанином	65
9. В расположении противника	68
10. Через линию фронта.....	70
Глава IV. Этапы больших сражений	72
1. У стен Ленинграда.....	72
2. Прорыв блокады	84
3. Под Красным Бором.....	91
4. Освобождение	121
5. На Нарвском плацдарме.....	154
6. Разгром Фашистских войск в Прибалтике	161
7. День Победы	164
Глава V. На Дальний Восток.....	165
1. Эшелон в пути	165
2. Встреча безвести пропавших	175
3. Освобождение Сахалина и Курил	184
4. Возвращение	187

Автору книги суждено было пройти три войны — Финскую, Великую Отечественную и на Дальнем Востоке, против японских милитаристов.

Автор жил единой жизнью с армией, начиная от момента призыва в её ряды из школы, где он работал учителем. Службу в армии прошел в боевой обстановке на передовых позициях.

Чтобы читатели лучше почувствовали дыхание сражений, тревожную напряженность боевых огненных лет, силу и величие подвигов воинов, они должны быть как можно больше знакомы с фактическим материалом из истории борьбы нашей армии и нашего народа против коварного врага, о чем и рассказывается в этой книге.

Показывая развитие хода театра военных действий, как шли кровопролитные бои, которые требовали неслыханной стойкости наших воинов, оперируя в начале войны малой техникой против вооруженного до зубов противника, мы видели, что сражения шли напряженными до предела.

Получив воинское звание там же на фронте, на армейских курсах офицеров, я вел в бой вверенных мне солдат.

О том, с чем мы встретились в первых боях и как мы действовали, я пытался высветить как можно более подробно, так как я попросту лучше знаю то, что происходило со мною и с другими. Именно о том, как начиналась для нас война, как мы себя проявили в первых боях под Ленинградом по прорыву блокады, мне удалось высветить более подробно. О том, как мы действовали, о моих первых подвигах со своей ротой, а затем и с батальоном, лучше всего и достовернее писали корреспонденты армейских газет. Этот материал я предоставляю моим читателям.

Ощущение остроты страданий и мучений, ощущение горя человеческого особо фиксируется в памяти именно в то самое время, в которое все это происходило с тем или иным живым человеком, на долю которого выпала историческая миссия: победить или умереть в борьбе за свою Родину.

Моя книга является свидетельством человека, который не входил в «высшую сферу», а находился этажом ниже, соприкасаясь с глазу на глаз с противником, что дает возможность доподлинно воспроизвести в памяти то, что в действительности было в ходе боя. Я высветил те годы, которые минули давно. Короткие, сжатые записи фронтового блокнота позволяют мне воспроизвести в памяти такие яркие моменты и детали солдатской фронтовой жизни, что порою кажется, что человеку невозможно было совершить такие подвиги, такие поступки и действия в борьбе и выжить, и победить.

Чтобы все это пережитое не так быстро стиралось в памяти, нужны будут всегда аргументированные напоминания только истинными фактами. А этот подлинный удел может принадлежать только тому, кто, пройдя весь ад, все ужасы войны, чудом уцелеет и сможет воспроизвести в памяти людской те слагаемые, всю ту правду, именем которой одержана великая Победа над врагом.

Я не придумал ни одного эпизода и ни одного героя — все это отображено с подлинных событий и живых людей.

Мы — живые свидетели. И пусть наши свидетельские показания лягут в общий короб этой чудовищной войны, которая закончилась нашей Победой.

Г. Касьян

Боевые дороги солдата

Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день за них идет на бой!

И. Гёте

Глава I Крутые перемены

За окнами Новоселовской образцовой средней школы стояла хмурая осень. По небу плыли тяжелые свинцовые облака. Шел второй месяц работы на новом месте Андрея Простояна. Сегодня он объяснял материал по физике в восьмом классе "Б".

Закончив рассказ по новой теме, перед тем как дать задание на дом, Простоян, как правило, отводил несколько минут на вопросы учеников и на проверку степени усвоения ими нового материала.

Время урока истекло, а звонка на перерыв не было. Андрей удивился, посмотрел на свои карманные часы и покачал головой. Это означало для учащихся, что уроку уже конец.

— Что-то произошло с нашей техничкой, — чуть слышно, сказал он. И едва еще раз посмотрел на часы, как тут же зазвенел звонок. Все в классе засмеялись. А кто-то из остряков-юмористов вдобавок сказал:

— Андрей Петрович, надо было чуть раньше посмотреть на часы, и зазвенел бы звонок вовремя.

Андрей ценил шутки и юмор, так как считал, что они иногда помогали, а иногда сглаживали ту или иную ситуацию. Он на ходу заметил, что звонку передалось бы по индукции? И, взяв классный журнал, ушел к себе в учительскую.

Идя по коридору, он встретил старосту седьмого класса "А", где был классным руководителем, который спросил его, будет ли сегодня работать кружок художественной самодеятельности? Андрей Петрович ответил, что все, что намечено по плану, должно быть.

В учительской Андрею, не успевшему положить классный журнал на полку, несколько учителей, находившихся здесь, чуть ли не хором сообщили, что директор школы просил Андрея срочно зайти к нему. Это сообщение Андрея насторожило. Чтобы это могло значить, подумал он? Идя в директорскую, он не мог себе представить, зачем его вызывают и, к тому же, срочно. Все он перебрал в голове, но не находил причины вызова его в это время, когда еще идут занятия. Подойдя к двери, Андрей как-то нерешительно постучал, приоткрыл ее и вошел в кабинет.

— Добрый день, Василий Андреевич! Вы вызывали меня? — с недоумением спросил Простоян.

— Садись, Андрей Петрович. Есть серьезный разговор.

- Даже серьезный? – переспросил Простоян.
- Да, серьезнее уж и быть не может, – ответил директор.
- Тогда я вас слушаю весьма серьезно, Василий Андреевич.

И серьезный разговор был начат. Но начал он был окольным путем. Для смягчения ситуации и снятия напряжения директор школы спросил:

– Как прошел урок физики, уложился ли он в запланированное время? Простоян ответил, что, по его мнению, урок прошел на уровне и закончил он его точно минута в минуту, но звонок сегодня запоздал.

– Да, это верно вы заметили. Техничку мы посылали в дирекцию совхоза, и вот она действительно опоздала со звонком. Но вам школьные звонки уже больше не понадобятся.

– Как так? – насторожился Андрей.

– Отныне мы с вами расстаемся. Директор школы открыл ящик письменного стола, достал оттуда небольшую бумажку, размером с почтовую открытку, и подал Простояну.

Это была повестка РВК. В ней возвещалось о том, что гражданин Простоян Андрей Петрович, рождения 1919 года, 23 октября 1939 года должен явиться на сборный пункт Петропавловского райвоенкомата к 9 часам утра.

– Вот тебе и художественная самодеятельность, – промелькнуло в голове у Простояна, хотя повестку о призыве в армию он воспринял спокойно и хладнокровно. Он понимал, что рано или поздно это должно было произойти. Все знали, что в стране идет интенсивный призыв в армию. Его беспокоило другое. Связано ли это с беспокойной международной обстановкой, или это идет очередной призыв в армию?

В любом случае Простояну приходится сожалеть только об одном: учебный год только начался, он начал работать в столь прекрасной обстановке, и вдруг, все это надо прекращать. Поначалу все это как-то не укладывалось в голове. Внутренне Простоян чувствовал, что военная жизнь, строгий режим и дисциплина его интересовали. Ему нравилась военная форма, зеленые костюмы цвета хаки. Подтянутость, строевая выправка – все это выделяло военных от остальных.

Хотя об армейской жизни Простоян толком еще ничего не знал, кроме рассказов некоторых военных с которыми он встречался, Все же это его привлекало. Особенно он запомнил рассказ офицера-танкиста, который выступал прошлый год перед учащимися Николаевской НСП, в которой тогда работал Андрей Простоян.

Танкист приезжал в село в отпуск на побывку с Дальнего Востока, где участвовал в боях против японских самураев, и за отличие был награжден высокой правительственной наградой – орденом «Красного Знамени».

За сравнительно короткое время учительской работы Андрей Простоян успел сильно полюбить свою профессию, полюбил школу и своих ребят, хотя и сам был еще юношей допризывного возраста.

Ему казалось, что со школой сейчас просто невозможно расстаться, так

как он еще не успел развернуть своей учительской деятельности так, как это себе представлял. Он выражал свою любовь к школе, к ее ученикам не только тем, что к каждому уроку готовился с большой тщательностью, пытался находить такие формы изложения материала, с помощью которых всем была бы понятна изучаемая тема, но и тем, что он обращал особое внимание на применение наглядных пособий: схем, диаграмм, приборов и аппаратуры, имеющихся в физкабинете или изготовленных им собственноручно. Выражал он свою любовь к ученикам еще и тем, что тратил очень много времени на воспитательную работу. Часто встречался с ребятами своего класса, где он был руководителем, общался с ними в личных непринужденных беседах, рассказывал им о том, что их особо интересовало. Нередко читал ребятам интересные рассказы из книг и журналов о героическом прошлом и настоящем.

Андрей Простоян был уверен в том, что в ходе учебного процесса и воспитания можно добиться желаемых успехов и в учебе, и в поведении учащихся, как в школе, так и вне ее стен.

Если один или другой ученик его класса плохо подготовились к тому или иному уроку и ему об этом жаловались учителя, то Простоян не огорчался. Часть вины он переносил на самого этого учителя, часть — на себя, как на руководителя класса, и на самого ученика. Он понимал, что сам еще не все сделал, чтобы ребята поверили в себя, в свои силы и способности, а главное, чтобы они поняли, для кого и для чего учатся в школе.

Как только Простоян узнавал о том, что кто-то из учеников стал плохо готовиться к занятиям, он этого не оставлял без внимания. Он заходил в класс в удобное время, находил этих ребят и беседовал с ними по душам, уточнял причины, которые мешали готовиться к занятиям.

Выяснялось, что чаще всего это получалось оттого, что дома родители не содействовали детям в учебе, нередко привлекали их ко всякого рода домашним работам, а особенно в осеннее время, когда всегда у крестьян было много хлопот по уборке урожая в огородах, садах и на колхозных полях. Такая работа не исключалась и была очень полезной для ребят, но когда допускались порой перегрузки, что мешало нормальной учебе, то оставлять без внимания эти бытовые домашние вопросы было нельзя.

Узнав об этом из разговора с тем или иным учеником, Простоян садился на велосипед, и ехал к родителям этих ребят.

В тесном контакте с родителями, в задушевной беседе с ними, удавалось нередко выправлять дела в классе, в повышении качества учебы тех ребят, которые действительно были вполне способными, но отставали.

То, что учитель Простоян действительно любил свой труд, свою школу и детей, сомнений не было ни у кого из учителей, так как о нем на педсоветах нередко упоминалось с положительной стороны. И оставалось только загадкой для самого Простояна то, как сами дети, его ученики, относятся к нему, есть ли у них чувство любви и уважения к нему, как учителю и воспитателю?

В назначенный день на пункт призыва из деревень, сел и поселков в райцентр съезжались допризывники.

Ровно в 12 часов дня по улицам райцентра шагали новобранцы в колоннах по четыре человека. Одни были в гимнастерках с туго затянутыми ремнями, другие были в пиджаках самого разного покроя и разного цвета, третьи в рабочих фуфайках. Колонны были построены не по росту, как положено в армейском строю. Маршируя, одни шли в ногу, другие сбивались с ритма. Андрей Простоян маршировал в одной из колонн, находясь на правом фланге, в третьем ряду. На нем была форменная гимнастерка защитного цвета под ремнем с двумя нагрудными карманами, которую он надевал, как правило, по праздникам или другим торжественным дням. Гимнастерка, подпоясанная светло-коричневым кавказским ремнем, придавала ему вид подтянутого военного человека.

После маршировки по улицам райцентра, все колонны были заведены в огромное помещение бывшей церкви, которая пустовала. Командиры колонн допризывников произвели перекличку по списку. Фамилии вызываемых эхом отдавались под сводами божьего храма. Вот прозвучало знакомое слово — Простоян, а до Андрея эхом донеслось только окончание его фамилии — ян... ян! Услышав эти знакомые родные звуки, он так же, как и все, во весь голос прокричал: «Я! Я!»

Закончив перекличку, командиры колонн доложили военному комиссару о наличии допризывников в строю.

Приняв рапорт, военком вышел на середину построения, оглядел всех, и сообщил следующее:

— Весь состав допризывников будет отправлен к месту назначения эшелоном завтра утром, за исключением группы, которая будет задержана «до особого распоряжения». Сейчас капитан Привалов зачитает список тех допризывников, которые останутся до особого распоряжения. Все названные допризывники должны выйти из строя на два шага вперед и повернуться лицом к колонне.

С напряженным вниманием все слушали, кто в какую команду попадет, кому выпадет какой жребий. Кто поедет уже завтра, а кто останется до особого распоряжения.

Перед строем уже находилось около 30 человек. Совсем неожиданно прозвучала и фамилия Простояна.

Что означало это «до особого распоряжения» Андрей не имел никакого понятия. Но из всего было ясно, что в тот эшелон, который уходит завтра, он не попадает, а это значит, что не исключена возможность ему перед отъездом в армию встретиться со своими родными.

Учитывая то, что в армии придется служить длительное время, Андрей решил обратиться к военному комиссару с просьбой разрешить ему съездить домой в город Бердянск, чтобы проститься со своими родными перед отправкой в армию. Разрешение, полученное от военкома, обрадовало его как никогда.

Поздно вечером Простоян ехал в свою школу из района уже в качестве новобранца. Его мысли, словно молнии, переносились из одного конца в другой. То он представлял себя где-то в казарме, то снова в школе, среди своих учеников и учителей в прощальные минуты, то среди своих родных.

В этот день в школе, где работал Андрей, все учителя ожидали его с новостью. Весть о призыве в армию Простояна дошла и до учащихся школы. Дошла она и до его класса, где он был руководителем.

После возвращения из РБК, Простоян доложил директору школы о том, что он мобилизован в армию, но попал в команду «до особого распоряжения», и по его просьбе райвоенком разрешил ему съездить домой, в родной город Бердянск, где живут его родные: отец, мать, брат и сестра.

На другой день вечером в школе собрались учителя и учащиеся его седьмого класса. Все они горячо и сердечно провожали Андрея в добрый путь. В прощальных напутствиях были и горечь разлуки, и добрые душевные пожелания хорошо отслужить и побыстрее вернуться в свою родную школу, но уже героем.

Такого торжества, таких теплых, искренних проводов Андрей еще не переживая в своей жизни. Особо трогательными были проводы учениками его седьмого класса. Только теперь он получил ответ на вопрос о том, как к нему относились, и относятся не только учителя, но и ученики. Они его любили за многое: за честность, простоту и откровенную душу, за трудолюбие и неутомимость в деле обучения и воспитания. Эти проводы запомнились Андрею Простояну на всю жизнь.

После устроенных проводов, Андрею Простояну предстояло завтра рано утром выехать на станцию Брагиновку. По договоренности с директором школы его туда повезет на совхозной подводе-одноконке завхоз школы. И хотя обо всем договоренность была твердой и определенной, Андрей все же чувствовал себя как-то беспокойно. Он долго не мог уснуть. Одни мысли сменялись другими. От них невозможно было избавиться.

За окном уже рассветало. В дверь Простояна постучали. Он быстро поднялся, оделся и вышел на крыльцо. Увидев не завхоза школы, а учительницу Валентину Ставцову, которая подъехала на тачанке с кучером директора совхоза, на территории которого находилась школа, то Андрей не поверил своим глазам.

Валентина сообщила, что ей удалось уговорить директора совхоза выделить свою тачанку с парой лучших рысаков, чтобы учителя школы, Андрея Простояна, с почетом доставить на станцию.

Дело это житейское, важное, и Ставцова решила таким образом выразить свою симпатию и привязанность к Андрею. Ведь они крепко сдружились. Дружба эта зародилась еще с начала учебного года, при их первой встрече, в день работы учительской конференции района.

Дружба между Андреем и Валентиной росла и развивалась, как нечто само собою разумеющееся между людьми, симпатизирующими друг другу. Никто никого не торопил и не склонял к заключению союза совместной

жизни, к заключению брака.

Но никто не думал и не знал о том, что вдруг Андрея именно теперь призовут в армию. А сейчас, когда его уже вызвали в райвоенкомат и зачислили в команду «до особого распоряжения», всем стало ясно, что работать учителем физики и математики он здесь теперь уже не будет.

Все эти обстоятельства и побудили Валю Ставцову проявить внимание и инициативу, чтобы организовать эту поездку на станцию и проводить его лично на побывку к своим родным.

Они симпатизировали друг другу и считали, что само время совместной работы будет способствовать укреплению их дружбы. И вот теперь, когда Андрей уезжает в армию, назрела необходимость обменяться друг с другом своими мыслями и чувствами перед предстоящей разлукой. Провожая на станцию Андрея, Валя Ставцова спросила, будет ли он писать ей письма? Она готова стать его верной подругой, и ожидать Андрея до конца службы в армии.

В ответ Андрей сказал, что он рад за то, что у него есть такой хороший и верный друг жизни, как она, Валя Ставцова.

На станции Андрей поблагодарил совхозного кучера за доставку, а Валю крепко обнял и поцеловал, пожелав ей всяческих успехов в школьных делах.

Перед поездкой в Бердянск Андрей дал родным телеграмму о том, что он призван в армию, и приедет домой на побывку, чтобы проститься с ними.

Андрей договорился с Валей Ставцовой о том, что как только из райвоенкомата будет известно, когда допризывникам «до особого» для отправки в армию необходимо прибыть, то она немедленно даст ему телеграмму.

В Бердянске, получив телеграмму от Андрея, родные забеспокоились. Их одолевало двойное чувство. С одной стороны — радость предстоящей встречи, с другой — грусть предстоящей разлуки на долгое, неопределенное время. Армия есть армия. Свой долг по защите Родины он должен отбыть, сколько полагается, в зависимости от того, в какой род войск попадет. Это все понимали.

Понимали все и ту международную обстановку, которая складывалась в мире к этому времени, а особенно на Европейском континенте в таких государствах, как Германия, Италия, Финляндия и ряде других.

По прибытии домой, в свой родной город, Андрей ощущал особую радость при встрече с родными. Он не мог знать, сколько времени будет в его распоряжении, а поэтому в своих беседах пытался говорить о самом главном, самом важном.

Андрей, в беседах с родными, не обходил и острых углов. Он старался дать понять о том, что над миром действительно нависла угроза, и поэтому не исключена возможность, что война может разразиться, как гром среди ясного неба, что битва с врагом разразится тогда, когда мир людской ее не желает. Может случиться так, что войну навяжут, и тогда в битву с врагом могут быть втянуты те народы и те государства, которые никогда не помышляли о

настоящей войне, подобно войне империалистической, развязанной в 1914 году.

Находясь на побывке, Андрей старался посетить заветные уголки городского курорта с его чудесными здравницами и пляжами на море. Андрей несколько раз побывал в своем пединституте, где он учился, и получил профессию учителя. Неоднократно он встречался с теми молодыми учителями, которые остались работать в родном городе.

Не раз Андрей вспоминал о том нелегком пути, по которому ему пришлось пройти, чтобы пробить себе дорогу в жизни, приобрести профессию. Как приходилось работать и учиться на рабфаке, чтобы не обременять своих родителей, которые растили, учили и воспитывали троих детей.

Особенно Андрею запомнилось то самое напряженное и ответственное время, когда он готовился к последним экзаменам, чтобы обрести право стать учителем, свою самостоятельность.

В конце второй недели пребывания Андрея в Бердянске пришла срочная телеграмма: «Выезжай срочно Ставцова».

На другой день, рано утром, Андрей поспешил к городской кассе продажи билетов на поезда дальнего следования. В чемодан сына мать положила в дорогу съестного не менее чем на неделю. И как он не отказывался от всего этого, мать настояла на своем, и спорить было бесполезно.

В дорогу Андрей надел свое поношенное пальто и костюм, так как в РВК на призывном пункте сообщили, что нецелесообразно брать в армию новые вещи, так как там всех обмундируют в военную форму.

Андрей Простоян прибыл на станцию Брагиновку рано утром. На запасном пути в тупике уже стояло несколько вагонов-теплушек. Простоян догадывался, что это вагоны-теплушки не иначе как для допризывников. Он подошел к ним поближе, чтобы в этом убедиться, и, что возможно, там уже кто-то есть из допризывников.

Когда Андрей начал открывать одну за другой двери вагонов, то тут же услышал чей-то голос:

— Вы что там ищете?

— Я ищу кого-нибудь из допризывников, — ответил Андрей.

— Допризывники скоро будут прибывать на станцию, а к 16 часам подойдет эшелон, прицепит наши вагоны и повезет по назначению.

Это был капитан Привалов. Андрей подошел к нему поближе и доложил, что он по разрешению военного комиссара ездил домой на побывку и прибыл сюда для отправки.

— Я знаю об этом, — сказал капитан и добавил: «Это очень хорошо, что вы прибыли на станцию несколько раньше. Вы, кажется, учитель?»

— Да, я учитель Новоселовской средней школы, — ответил Простоян.

— Ну, вот вы мне и нужны. Будете помогать.

— Я готов, товарищ капитан! Хотя понятия не имею, что нужно делать. Капитан Привалов сообщил, что предстоит нехитрое дело, и добавил, что необходимо будет составить списки с распределением допризывников по

вагонам, чтобы в каждом вагоне их было примерно равное количество — 30-35 человек.

Через некоторое время на станцию начали прибывать допризывники, кто на машинах, кто на повозках.

В назначенное время офицер Привалов приказал всем допризывникам построиться на перроне в колонну по четыре человека в ряд. Он зачитал списки групп и сообщил, кто в каком вагоне будет размещаться. Кроме того, представитель РВК в каждой группе назначил старших по вагонам, назвал их фамилии. Он приказал: всем старшим по вагонам выйти из строя, получить списки и ознакомиться со своей группой, за которую он будет отвечать во время всего пути следования, а по прибытию на место назначения должен будет сдать свою команду представителям от воинских частей.

Когда капитан Привалов объявил о назначении старших по вагонам, он тут же приказал Простояну выйти вперед. Перед всем строем он сообщил:

— Призывник Простоян Андрей Петрович назначается моим помощником на весь путь следования. В ходе движения эшелона он будет поддерживать связь со мною и со всеми старшими по вагонам. Кроме того, он назначается агитатором нашей команды. На крупных станциях он будет получать или покупать газеты и журналы и снабжать всю команду. Я нахожусь в первом вагоне, он в шестом, а при необходимости и в первом.

А теперь хочу сообщить о главном: с сегодняшнего дня для всех вас начинается служба в армии. Армия — это дисциплина и порядок. Поэтому во время следования эшелона вы все подчиняетесь мне и своим старшим. На остановках без разрешения старших никто и никуда не имеет права отлучаться, выходить из вагонов, чтобы не отстать от эшелона.

Так, с 29 октября 1939 года для бывшего учителя Андрея Простояна началась служба в армии.

К 16 часам на станцию Брагиновка прибыл эшелон с допризывниками из других районов. К нему были прицеплены и наши вагоны. Паровоз дал несколько протяжных гудков и медленно начал набирать скорость.

Куда он держит путь, и, сколько времени будет находиться в движении, никто из новобранцев знать не мог. Об этом мог знать только представитель РВК. Но все понимали, что о таких вещах у командиров не спрашивают. Существует понятие: «Военная тайна». Все только могли гадать и прикидывать, учитывая то, что в мире уже давно не спокойно.

Стояла серая осень. Шли дожди. Было неуютно. На грунтовых дорогах непролазная грязь, повсюду вырисовывались лужи самых замысловатых форм и размеров. В малоприспособленных вагонах было прохладно.

Несколько дней и ночей эшелон шел в северном направлении. Прошли по территории Украины, затем оказались на белорусской земле, которая уже была покрыта первым снегом. Когда эшелон остановился на одной из узловых станций близ Гомеля, кто-то из нетерпеливых допризывников спросил местных железнодорожников, простукивающих длинными молотками по колесам, куда дальше пойдет эшелон? Они без особых

затруднений сообщили, что эшелон пойдет через Могилев на Оршу. Ну, а дальше? А дальше никто не знает. Там путей много в разные стороны.

В каждом вагоне были самые разнообразные люди по специальности, образованию и кругозору. Но всех их объединяла одна солдатская судьба. Одни ехали и все спорили, гадали: куда эшелон путь держит? Другие никакого внимания на это не обращали. Некоторые открывали свои сумки и чемоданы, и с особым аппетитом поглощали съестные запасы. Некоторые угощали друг друга своими пожитками, а некоторые забирались подальше в угол, вытаскивали куски сала, масла, хлеба и в одиночестве наслаждались своими пожитками. Многие часами сидели молча, стиснув зубы и раздумывая о своей будущей службе, о солдатской судьбе.

На продпунктах крупных железнодорожных станций для допризывников выдавали продукты питания: сухари, сахар, копченую колбасу или сухую, вяленую рыбу.

Сопровождающий допризывников капитан Привалов наверняка знал маршрут движения эшелона и конечный пункт назначения. Это все заметили, так как на тех станциях, где эшелон делал остановки для заправки или смены локомотивов, как правило, выдавали и сухой паек. Об этом он заблаговременно сообщал своему помощнику Андрею Простояну и всем старшим по вагонам, чтобы они были готовыми к выполнению своих обязанностей.

На этих станциях Простоян, как правило, в военных комендатурах получал газеты, журналы, брошюры для своего состава. Старшие по вагонам на продпунктах получали сухой паек.

Продукты питания получали на всю команду, и пропорционально количеству допризывников в вагонах раздавали их. В некоторых вагонах полученные продукты даже не делили между собою, а ставили в мешках или кульках в определенный угол вагона. Кто хотел, тот подходил и брал то, что понравится. А иные и вовсе ничего не брали, так как домашних припасов было вдоволь, да и наверняка они были повкуснее.

Продвигаясь от станции к станции, Андрей Простоян заметил, что все допризывники ждут свежих газет и журналов, а в них они отыскивали материалы из международной жизни. Значит люди, и даже совсем молодые, — это своего рода барометры, — подумал Андрей. Читая различные статьи о положении в мире, они делают выводы, что над миром сгущаются тучи, а это значит, в политическом климате попахивает грозой.

И действительно в ряде статей прямо отмечалось, что империалисты поднимают свою змеиную голову, то на одном, то на другом конце земного шара. Достаточно вспомнить, что Италия напала на Абиссинию в 1936 году, а затем произошли военные действия в Испании, где Республика была предана пятой колонной, и генерал Франко поработил страну в том же 1936 году. Были допущены провокационные действия и у озера Хасан на Дальнем Востоке в 1938 году, где японские милитаристы проверяли боеготовность и боеспособность Красной Армии.

В июле 1938 года начала проявлять агрессивные действия в Европе гитлеровская Германия. В июле 1938 года Гитлер заявил, что он не потерпит, чтобы немцев притесняли в Чехословакии. После Мюнхенского сговора немцы напали на Чехословакию и оккупировали часть ее территории.

26 сентября 1939 года в Варшаву вошли немецкие войска, а чуть позже в этом же году финское правительство допустило провокационные действия против Советского Союза в районе Ленинграда и Ленинградской области.

Прочитанный материал об агрессивных действиях гитлеровской Германии всерьез настораживал многих допризывников. Одно дело нести службу в мирное время, а другое дело участвовать непосредственно в боях с коварным противником по защите своего государства.

Андрей Простоян чувствовал и понимал, что свой долг перед Родиной он готов выполнить не хуже других. Но он понимал и другое: для ведения боев с хитрым и коварным врагом нужно умение, глубокое знание военного дела. Для любого солдата необходимо умение ведение тактики боя. Необходимо знать в совершенстве свое оружие. Учитывая обстановку в мире, эти вопросы всерьез волновали многих допризывников, они беспокоили и Андрея. Он понимал, что голыми руками противника не возьмешь. Нужна серьезная и длительная подготовка. Абстрактное мышление ему не давало ответа на все возникающие вопросы, чтобы ответить на такие вопросы, надо соприкоснуться с "противником", хотя бы на тактических учениях. Успех боя зависит не от него одного, а от всех бойцов вместе. А это значит, что всю эту серую неорганизованную массу надо обучать военному делу.

Чуть меньше недели понадобилось на то, чтобы вагоны с командой допризывников капитана Привалова доставили к месту назначения. Они прибыли рано утром в один из тупиков к заснеженной товарной платформе, близ опушки леса. Рядом с полотном железнодорожной колеи проходила шоссе́йная дорога. В ожидании пополнения она время расчищалась от снега грейдерами и бульдозерами. Сутробы слева и справа от дороги были чуть ли не в рост человека.

После прибытия на конечный пункт, команда допризывников простояла в вагонах, пока не прибыли представители 113 Запасного стрелкового полка, который размещался в Муравьевских казармах на реке Волхов, примерно в 70 километрах северо-восточнее Новгорода, и в 150 километрах южнее Ленинграда.

В составе представителей 113 ЗСП, помимо трех офицеров, было шесть младших командиров, в том числе один старшина.

Встретившись с офицером Приваловым, представители 113 ЗСП ознакомились со списочным составом команды. Затем последовала всеобщая команда: «Выходи строиться на дорогу повагонно, в колонну по четыре человека!» После команды: «Равняйся! Смирно!» началась процедура приема допризывников по спискам.

Старшие по вагонам, вызывали по спискам каждого допризывника своей команды. Первым по ходу построения колонны отчитался старший команды

шестого вагона, в строю которой находился Андрей Простоян. Эту команду принял старшина. Одновременно передавали по списку допризывников старшие остальных вагонов.

В заключение капитан Привалов доложил старшему офицеру 113 ЗСП, что команда допризывников доставлена и передана полностью согласно утвержденному списку РВК.

После передачи допризывников представителям 113 ЗСП, последовала общая команда: «Становись! Смирно! Шагом марш!» Вся команда зашагала вперед. Под ногами скрипел снег. Трескучий мороз подгонял всех. К таким морозам не все допризывники были готовы. Поэтому последовала новая команда: «Шире шаг! Тверже ногу!»

Через полчаса вся команда допризывников в количестве около двухсот человек прошла через ворота военного городка и оказалась на территории Муравьевских казарм, где и располагался 113 ЗСП.

Территория военного городка оказалась огромной. Бараки для солдат были построены справа, а по левую сторону огромного плаца виднелись 2-х и 3-х этажные жилые дома и служебные помещения, где находились семьи офицеров, и размещались штаб и различные управления гарнизона.

Колонну допризывников провели вдоль всех казарм-бараков. Остановились у самого крайнего в глубине городка.

Раздалась команда старшины, который сопровождал одну из групп допризывников: «Равняйся! Смирно! Слушай мою команду. Сейчас вся группа будет заведена в барак. В бараке на топчаны сложите свои вещи, после чего будете отправлены в полковую солдатскую столовую на завтрак. После завтрака будете отправлены в баню. Там замените свою одежду на военную форму. Всем ясно?»

— Ясно! — раздался голоса новобранцев.

Казарма оказалась такой огромной, что наша команда заняла лишь небольшой угол с двухъярусными нарами. Андрей бросил свой чемодан в угол на нижнюю нару.

Когда все разместились, старшина объявил пятиминутный перекур с выходом на улицу. Сам он остался в казарме с теми, кто не вышел на перекур. Он был выше среднего роста, широкоплечий с круглым сильно розовым лицом, и казалось, всегда со смешинкой на губах. Подойдя поближе к группе допризывников, он спросил: «Ну, как вам понравилось у нас?» Стоявший рядом Простоян набрался смелости пошутить. Он сказал: «Все зависит от того, как нас будут кормить». Старшина, засмеявшись, ответил: «Кормят у нас не плохо, но всем почему-то не хватает пищи, а особенно после тактических занятий в лесу и после строевой на плацу. Занятия у вас у всех будут, но после того, когда вас всех распределят по ротам и батальонам.

— А что, разве мы не все вместе будем? — спросил кто-то из допризывников.

— Нет, конечно. Вначале будете находиться здесь в казарме, а затем вас будут распределять и забирать, кого куда.

— А что, здесь только пехотные роты в полку? — спросил Андрей.

— Нет, не только стрелковые роты, есть и артпулемроты, которые на вооружении имеют не только винтовки, но и станковые пулеметы и малокалиберные минометы.

— А как туда попасть? — спросил Простоян.

— Для того чтобы туда попасть, необходимо иметь еще и соответствующее образование, скажем среднее или высшее. А какое у тебя образование? — спросил старшина.

— Я учитель физики и математики.

— Так это же прекрасно. У нас некому проводить подготовительные занятия по артпулеметной подготовке. Считайте, что вы уже находитесь в этой спецроте, — с восторгом сообщил старшина.

Разговор завязался довольно интересной как для Простояна, так и для старшины.

Прошло еще несколько минут. Старшина взглянул на часы и подал команду строиться на завтрак.

Когда завели всех в столовую, то размеры ее поразили всех. Огромные столы стояли в два ряда вдоль стенок справа и слева, а посередине был длинный проход. По обе стороны стола размещалось одновременно два отделения. В столовой пахло свежим хлебом и ароматом не то перловой, не то пшенной каши. Миски у всех были одного стандарта: металлические, алюминиевые. Хлеб разрезали здесь же, прямо за столом. К каждой порции хлеба клали кусочек сахара к чаю.

Кое-кто еще продолжал есть, но время завтрака уже закончилось. Раздалась команда: «Кончай завтракать, выходи строиться!»

Всех завели снова в казарму. После объявленного перекура старшина приказал выходить строиться для отправления в баню.

Перед тем как идти мыться в баню, здесь же всех постригли наголо. После помывки всем выдали обмундирование. Когда надели серые шинели и шапки-ушанки, то все стали похожи друг на друга.

На другой день рано утром был объявлен подъем. Поступила команда: всем одеть брюки и сапоги и без рубашек выходить на плац на общую физзарядку.

Общий гул раздался в казарме. Ведь на улице стоял трескучий мороз. Но команда есть команда. Нужна солдатская закалка, нужна сноровка, тренировка. Все ёжились, роптали. Но постепенно к этому привыкали.

Старшина сообщил, что все пока находятся в карантине, а затем начнется распределение по ротам.

И здесь в карантине занятия шли по расписанию. В казарму приходили офицеры, которые проводили занятия по строевой спецподготовке. По утрам, как правило, проводились политические занятия или политинформации. Такая общая форма занятий со всеми не вызывала общего интереса, так как для проведения нормальных занятий это была слишком большая аудитория. Не всегда все можно было услышать и понять, о чем рассказывает

руководитель занятий, не всегда удавалось спросить то, что интересовало.

Через несколько дней по несколько человек допризывников вызывали в штаб. Там офицеры беседовали с каждым в отдельности и сообщали, в какой роте, каком батальоне они будут проходить военную службу. Иногда представители штаба полка сами приходили в казарму и здесь вели беседу с отдельными молодыми солдатами.

С нетерпением ждал вызова на беседу и солдат Простоян. Но Простояна не вызывали, а через некоторое время в казарму прибыл стройный, подтянутый, среднего роста старший лейтенант Вишняков. Он зашел в отдельную комнату казармы, когда в группе проходило общее занятие, и приказал старшине Останову, который там находился, вызвать к нему на беседу солдата Простояна.

Не прерывая занятия, старшина Останов подошел к солдату Простояну, взял его за руку и приказал следовать за ним. Простоян даже вздрогнул, но он заметил, как в малую комнату, рядом с каптеркой старшины, зашел незнакомый ему офицер. Простоян понял, что подошел и его черед...

Простоян робко постучал в дверь, приоткрыл ее и попросил разрешения войти. Войдя в комнату, он вытянулся в струнку и доложил: «Товарищ старший лейтенант, рядовой Простоян прибыл по вашему вызову!»

— Здравия желаю, товарищ Простоян! Прошу садиться.

— Так это правда, что вы учитель? — спросил офицер.

— Да, товарищ старший лейтенант, я физик-математик. Но всего удалось поработать два года в школе. И вот армия.

— Но вы не беспокойтесь, учителя нам очень нужны, и вам у нас найдется работа по профессии. Мы решили вас незамедлительно перевести в артиллерию, где вы будете служить, и будете нам помогать в проведении занятий.

— Я буду очень рад и доволен, если вы меня переведете в артиллерию, где я смогу практически применить свои знания и особенно по огневому делу, по овладению таким оружием, как станковые пулеметы и особенно минометы.

— Хочу вам сообщить, что я являюсь командиром артиллерии спецбатальона, а поэтому я заинтересован в подборе наиболее грамотных и образованных солдат, на которых нам можно смело опираться не только в мирное, но и в военное время. Оккупация фашистской Германией Польши, строительство укреп-районов финским правительством у границы, вблизи Ленинграда, настораживает всех нас. Вот почему мы придаем особое значение комплектованию наших частей и подразделений, направленных на создание мощных, боевых единиц: взводов, рот и батальонов, — сказал старший лейтенант.

— Семья у вас большая? — поинтересовался он.

— Наша семья состоит из пяти человек: отец, мать, брат, сестра и я. А что касается женитьбы, то я не спешил обзаводиться семьей, пока в совершенстве не овладею своей профессией. Правда, в армию меня провожала одна учительница, с которой я дружил, и которая просила меня писать ей.

0705184

— Ну, что же, здесь я вижу у вас все в порядке. Будем считать, что наше знакомство состоялось. Завтра на вас будет приказ о зачислении в артиллерию.

После перевода в артиллерию спецбатальона для Простояна развернулась во всю мощь боевая и политическая подготовка. Все свободное время он отдавал изучению литературы по огневой, химической и политической подготовке, так как по этим предметам он нередко сам проводил занятия в том или ином взводе своей роты, или во всей роте. Это для него не составляло никакого труда.

Более сложно и трудно проходили занятия по тактической подготовке. Однажды весь батальон был поднят по боевой тревоге. Нужно было мгновенно одеться, обуться, забрать оружие и встать в строй. Это для Простояна было самым сложным делом из-за его слабой натренированности, как новичка. Но он считал, что добиться лучших результатов вполне возможно.

Главная трудность была на самих занятиях, когда батальон выводили в лесисто-болотистую местность, заснеженную по пояс или даже во весь рост, где надо не только самому пройти к месту "боя", но и пронести на себе материальную часть станкового пулемета. Трещал сильный мороз, но адского холода никто как бы и не замечал. После таких марш-бросков всем без исключения было даже жарко.

Изнуренные солдаты на тактической подготовке, проводимой с утра до обеда, чувствовали голод, так как того пайка, что давали в столовой, было крайне мало. Часто в лесу, в районе занятий, попадалась замороженная красная рябина. Ее солдаты считали за особое лакомство. Гроздья рябины сбивали палками, и каждый ловил красную ягоду на лету или собирал на снегу.

Солдат Простоян положительно, вполне сознательно относился к строгости армейских командиров, требовавших от всех дисциплины, порядка и подтянутости. Но когда дело доходило до того, что на занятиях хотелось есть, то это зачастую портило настроение не только ему, но и его товарищам по роте.

Так день за днем шла армейская служба. Все набирались опыта и сноровки.

Однажды вечером в казарму зашел старший лейтенант Вишняков. Он интересовался тем, как солдаты роты проводят свое свободное личное время. Он увидел, что каждый занимался своим делом. Одни писали письма, другие приводили свое обмундирование в порядок — подшивали чистые подворотнички. Другая часть солдат находилась в красном уголке, где они слушали передачи по радио и читали газеты и журналы.

После ознакомления с жизнью роты и ответов на вопросы, которые задавали солдаты, командир роты пригласил в каптерку Простояна на беседу.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спросил командир.

Простоян ответил, что он готовится к занятиям по огневой подготовке,

которые поручили провести во 2-м взводе.

— А можете ли вы подготовить и провести беседу для роты примерно на такую тему: «О воспитании человека, как личности, в условиях армии». Подумав немного, Простоян ответил: «Как жаль, что я не взял с собою конспекта по методике воспитания. Я мог бы в любое время провести такую беседу. А так мне нужно несколько дней, чтобы я подготовил такую беседу.

— Недели вам хватит на подготовку? — спросил командир.

— Думаю, что вполне хватит.

— Ну, вот и договорились. Ровно через неделю мы ждем вашей беседы. Меня этот вопрос интересует. Я приду послушать.

Простоян взялся за дело. Используя все материалы, которые имелись в полковой библиотеке, он подготовил беседу в тезисном варианте, чтобы вложиться в отведенное время на ее проведение.

Ровно через неделю он выступил перед личным составом роты. Слово для беседы предоставил Простояну командир роты.

Простоян подошел к тумбочке, разложил свои листочки и начал беседу.

— Уважаемые солдаты! Командование роты предложило мне провести короткую беседу по вопросу: «Воспитание человека, как личности, в условиях армии». Вы уже наверняка не раз слышали о том, что служба в армии каждого делает совсем другим человеком, чем он был на гражданке. Верно это или нет? Действительно, человек прошедший срок службы в армии, отличается по своим психологическим особенностям, по физическим данным, а так же по характеру и по способностям.

Методом обучения и воспитания занимается наука психология, имеющая основным предметом изучение психики человека, его сознания, как свойства высокоорганизованной материи, способной отражать объективную реальность в виде ощущений и восприятий, представлений, мыслей.

Научная психология исходит из учения об историческом характере психики человека, ее зависимости от объективных общественных условий жизни и воспитания, о ее активной роли в жизни общества.

Военная психология занимается психологией человека в военной обстановке, в условиях боя, в условиях военной субординации и военного обучения и воспитания. Знание закономерностей развития личности дает теоретическое обоснование для создания наиболее эффективных методов обучения и воспитания. Кроме всей воспитательно-образовательной системы в армии, большая роль принадлежит и самовоспитанию, самосовершенствованию. Приобретать надлежащие волевые и эмоциональные качества как настойчивость, упорство, уверенность в себе и умение управлять самим собою, — все эти качества человека, как нигде, приобретаются в условиях службы в армии. У каждого человека вырабатывается свое кредо, свой девиз.

Моим девизом всегда была народная мудрость: «Нет выше ценности, чем ценность быть полезным людям, чем умение отдавать свои способности для успеха общего дела.

Для солдата обычная сосредоточенность во время теоретических или практических занятий вполне достаточна. В ходе занятий она развивается в степени пропорциональной усердию. Важно привести себя в хороший тонус, в бодрое, деятельное, энергичное состояние. Ко всем строгостям, требованиям воспитания выносливости, боевой закалки в армейской службе рано или поздно все привыкают. Где бы мы ни находились, мы должны понимать, что целостная психическая организация личности проявляется в определенном стиле жизни и поведения.

Ученые утверждают, что ни себя, ни других нельзя оценить, понять иначе, чем в деятельности и общении. Любую личность характеризуют определенные свойства:

Идейность — то есть главное и определяющее свойство направленности.

Идейная личность — это принципиальный человек, способный пойти на любые жертвы во имя идеи.

Целеустремленность — это конкретное выражение стремления, направленность активности.

Моральная воспитанность — характеристика личности со стороны ее отношения к людям, общественным требованиям, собственным обязанностям.

Оригинальность личности — это то, что ее резко выделяет из окружения, представляет социальную ценность.

Активность — важное свойство личности. Такой человек наиболее продуктивен и полезен.

Для службы в армии огромное значение имеют личностные взаимоотношения между солдатами и командирами в процессе боевой подготовки, умение устанавливать контакты между бойцами подразделений, находить дорогу к сердцу другого солдата. Не заискиванием, не лестью и угодничеством, а открытым, естественным поведением завоевывать свое положение.

Важную роль играет психологическая совместимость как наиболее благоприятное сочетание свойств у солдат подразделений, то есть у всей группы, которая обеспечивает успех дела, которая добивается личного удовлетворения в учебе по военному делу.

Теоретически творческие возможности человека неограниченны и неисчерпаемы.

В начале беседы мы упоминали слово «психика». Вы можете спросить, что означает это слово?

Психика — это свойство нашего мозга отражать окружающую действительность. Психикой называется наш внутренний мир, то есть чувства, образы, мысли, взгляды, стремления. Например, при просмотре одного и того же фильма образы возникают у каждого человека своеобразно, в зависимости от его прошлого опыта, интересов, чувств, мировоззрения.

Психика — это правильное отражение мира, проверяемое и подтверждаемое общественно-исторической практикой. Это отношение человека к

действительности, это его доминирующая направленность, которая определяет всю психическую деятельность человека, например, доминирование познавательной потребности приводит к соответствующему волевому и эмоциональному настрою, что в свою очередь активизирует интеллектуальную деятельность.

Огромную роль в сплачивании подразделений, повышению боеготовности играют характер, способности и темперамент.

Характер – это особенности социального поведения личности. Как известно, человек не рождается с готовым характером. Характер складывается с ходом жизни. Большое влияние на образование характера оказывает морально-психологическая атмосфера жизни в семье, школе, армии. Структура характера динамична. Она изменяется на протяжении всей жизни человека.

Ведущим компонентом характера является система убеждений. Убежденность определяет принципиальность человека, его непреклонность в борьбе, уверенность в справедливости и важности дела, которому он отдает свое умение и силы.

Черты характера бывают положительные и отрицательные. Основные группы или виды черт характера (положительного):

а) Моральные – чуткость, внимательность, деликатность. Это – нравственность и формы поведения.

б) Волевые – решительность, настойчивость, твердость. Это – нравственность и действие.

в) Эмоциональные – вспыльчивость, страстность, нежность.

В структуре характера выделяются две стороны: содержание и форма. В содержании характера выделяется материальная основа и духовная потребность. Доминирует у одного одно, у другого – другое.

Полнота характера – она свидетельствует о разносторонности стремлений и увлечений человека, о разнообразии деятельности.

Цельность характера – это единство психического склада, отсутствие противоречий.

Определенность характера – выражается в устойчивости поведения и деятельности.

Сила характера – это энергия, с которой человек достигает поставленной цели, умение преодолевать трудности.

Твердость характера – она проявляется в последовательности действий и упорстве человека в деле.

Уравновешенность характера – это наиболее оптимальная деятельность в общении с людьми, – сдержанность и активность.

Из перечисленных свойств положительного характера мы можем сделать вывод:

1) Совокупность оптимальных существенных, типичных черт образует тип характера, отражает типичные условия жизни людей.

2) Полнота и цельность, определенность характера, единство слова и дела

— не природный дар, а свойства характера, формирующегося в различных ситуациях жизни.

Дорогие ребята, солдаты! Не менее важен для всех нас и вопрос о способности, а так же о спецспособности человека.

Способность — это значит возможности человека в той или иной деятельности. Уровень способностей зависит от степени развития личности. Под общими способностями понимают свойство личности, которая обеспечивает относительную легкость и продуктивность в овладении знаниями.

Под спецспособностями понимают такую систему свойств личности, которая помогает достигнуть высоких результатов в специальной области деятельности, например, литературной, изобразительной и других.

Темперамент. Под темпераментом следует понимать природные особенности поведения, типичные для данного человека, и проявляются они в динамике, тоне и уравновешенности реакций на жизненные воздействия.

Темперамент — есть не что иное, как наиболее общая характеристика импульсивно-динамической стороны поведения человека, выражающая преимущественно свойства нервной деятельности.

Дорогие ребята! На этом я заканчиваю свою беседу, которую провожу в рамках отпущенного мне времени. Материал я излагал тезисно, обратив особое внимание на главные вопросы, в которые все вы, без исключения, должны быть посвящены, чтобы правильно сориентироваться и твердо, и решительно действовать в любой ситуации жизни. Одним словом, вы получили пищу для размышлений о том, каким быть, как служить на благо отечества?

Я оставил в запасе несколько минут для того, чтобы вы смогли задать особо интересующие вас вопросы, на которые я постараюсь ответить.

После некоторого молчаливого затишья поступил вопрос:

— Можете ли вы объяснить, что такое сознание и самосознание?

— Сознание — это философская категория понятия, включающая развитие психики и степени воспитания личности.

Сознание — высшая форма отражения объективной реальности, свойственная человеку. Это высшая ступень развития психики и отличается, прежде всего, таким свойством, как способность познавать общее и существенное в действительности. Сознание возникает у человека в процессе трудовой общественно-производственной деятельности. В процессе труда человек осознает свое собственное отношение к окружающей его среде, к людям, участвующим в этом процессе. Сознание обуславливается действием, творческой способностью человека.

Важнейшим свойством сознания является его подотчетность. Оно включает не только степень знания внешнего мира, но и знания себя, то есть, сознание выступает в форме самосознания.

Таким образом, самосознание — это одна из форм сознания, проявляющаяся в единстве знания себя и отношения к себе.

Личность в поведении и деятельности руководствуется знаниями, она учитывает прошлое и предвидит будущее, выбирает наиболее рациональный способ поведения или действия. Какие еще есть вопросы?

— Еще есть один вопрос, — кто-то выкрикнул с места.

— Пожалуйста, слушаем.

— Вопрос следующего содержания: «Что такое воля?»

— Вопрос очень хороший, очень важный, — сказал Простоян.

— Воля есть регулирующая сторона сознания, выраженная в способности человека совершать целенаправленные действия и поступки, требующие преодоления трудностей. Волевое регулирование поведения — это сознательное направление умственных и физических усилий на достижение цели.

— Еще есть вопросы? (Пауза. Молчание). Нет больше вопросов.

— Спасибо за беседу, — донеслось с мест.

Затем поднялся командир роты и сказал: «От имени всей роты благодарю вас за столь важную и интересную беседу».

После беседы командир роты ушел, а Простояна окружили солдаты роты и не отходили еще долго от него. Они были заинтригованы беседой, о которых многие вообще ничего не слышали до армии, и им хотелось получить ответы на самые элементарные вопросы жизни, такие, как например, что значит вести себя культурно, что значит быть аккуратным, опрятным, и другие.

Простоян спросил солдат роты, кто может ответить на эти вопросы? Оказалось, что всего один, два человека попытались ответить, но ответы были далеки от истины. Пришлось Простояну дополнять и уточнять их ответы. По вопросу «что значит вести себя культурно?» — он обратил внимание на следующие элементы:

— Это значит проявлять чуткость и уважение друг к другу.

Вести себя с достоинством как в общественных местах, так и в кругу близких, друзей и знакомых.

Оберегать достоинство и честь как в трудовом коллективе, так и на службе в армии.

Соблюдать правила общежития при общении с людьми.

Быть точным и дисциплинированным, скромным, чутким и вежливым в обращении с окружающими.

Отвечая на вопрос «что значит быть аккуратным и опрятным?», Простоян обратил внимание на следующие основные элементы:

— Быть аккуратным, значит никогда не опаздывать на любые проводимые общественно-коллективные мероприятия — на собрания, митинги, культпоходы, на важные свидания и так далее.

Бесцельно не тратить времени на случайные встречи или мероприятия.

Начав любое дело, необходимо доводить его до конца.

Необходимо повседневно поддерживать свою опрятность, чистоту и порядок.

Быть опрятным — это значит, что пальто, костюм, обувь при выходе в общественные места всегда должны быть вычищенными.

Это значит быть вымытым, выбритым, причесанным.

В кармане всегда необходимо иметь чистый носовой платок.

Выходя из дома, проверь себя, посмотри в зеркало. И так далее.

Какой же можно сделать общий вывод?

Культура заключается не только в поступках, но и во внешнем виде человека. Заботясь об одежде, обмундировании, следует помнить, что главное в человеке — это его внутренняя красота, вежливость и скромность. Их не могут заменить ни внешний блеск, ни модные дорогие костюмы, ни обувь и украшения, ни пышная прическа.

Так беседа могла бы продолжаться еще долго, но вот старшина роты своим властным голосом подал команду: «Рота, выходи строиться!»

После проведения беседы, Андрей Простоян убедился, как живо солдаты интересуются вопросами нравственного воспитания. Он с горечью подумал: как жаль, что наша молодежь, пришедшая в армию, так мало посвящена в скрытые тайны жизни, в возможности человека — быть хозяином своего положения, строить свое счастье, улучшать быт, повышать уровень культуры.

В результате запущенности нравственного воспитания, низкого уровня культуры в обществе допускалось нарушение элементарного кодекса жизни, процветало бескультурье, пьянки, хулиганство, вплоть до преступлений.

Кто же в этом виноват? Конечно же, не сам по себе человек, а социальная среда, общество. Виновата правящая система государства, которая вопросам жизни, быту, вопросам нравственного воспитания человека не уделяла должного внимания.

В военном городке шла напряженная учеба во всех подразделениях. На плацу проводилась строевая подготовка. В лесу, вблизи военного городка, за рекою, чуть ли не еженедельно, роты и батальоны проводили тактические занятия. В казармах взводы и роты занимались изучением теории и практики военного дела.

Андрей Простоян провел не одно занятие, как в своем взводе, так и в роте по химической и огневой подготовке. Работать приходилось очень много, так как движущим стимулом было желание, как лучше освоить азы военного дела.

Однажды вечером, после окончания занятий, в казарму пришел связной командира роты, который разыскал Андрея Простояна, находившегося в красном уголке роты, и сообщил, что командир роты, старший лейтенант Вишняков вызывает его к себе на квартиру.

Простоян несколько призадумался: что бы это могло значить? Тут же быстро оделся и последовал за связным.

Квартира старшего лейтенанта Вишнякова находилась здесь же в военном городке. От казармы необходимо было пройти поперек огромного плаца.

По прибытию на квартиру офицера Вишнякова, Простоян доложил, что он прибыл по вызову.

Старший лейтенант приказал раздеться, повесить шинель в коридоре, снять сапоги, обуть тапочки и зайти в комнату. Сам он был одет в спортивный костюм красивой расцветки, который Андрею очень понравился.

Из другой комнаты вышла его розовошкая, симпатичная жена и с нею дочь лет 16-17.

Василий Трифонович представил своей семье Простояна. Жена спросила: «Так это и есть ваш ротный профессор? Мы очень рады с вами познакомиться. Вы наш гость и мы приглашаем вас поужинать с нами, и поговорить за столом об очень важном деле.

— Андрей Петрович, вы не догадываетесь, зачем мы вас пригласили к себе домой? — спросил Вишняков.

— Владислав Трифонович, трудно сказать точно, но я все же думаю, что вам нужна какая-то помощь.

— Да, вы точно угадали. Ваша помощь нужна лично мне. Мы, кадровые офицеры, посвятили всю свою жизнь службе в армии. Для того чтобы успешно продвигаться по службе, нужно офицеру иметь соответствующее образование. Многие из нас, офицеров, ходят на занятия в вечернюю общеобразовательную школу. Школа находится в поселке, что рядом с нашим военным городком.

У меня все идет довольно не плохо, но вот по математике и, особенно по алгебре и геометрии, и по некоторым разделам физики у меня встречаются затруднения и особенно в умении показать четкое знание математических определений и теорем, в умении доказывать эти теоремы, а особенно в умении точно и сжато выражать математическую мысль в устном и письменном изложении. Нет уверенности владения математическими знаниями и навыками при решении задач по основным свойствам функций: строить графики линейной, квадратичной степеней, логарифмической, тригонометрических функций, а так же по геометрии, о признаках параллелограмма, по формулам площадей параллелограмма, треугольника, трапеции, умение изображать геометрические фигуры на чертеже и производить простейшие построения на плоскости. А по физике, из раздела механики, не легко создавать графики зависимости кинематических величин от времени в равномерном и равноускоренном движении. Предстоит нелегкий раздел — гравитационные силы. Движение тела под действием силы тяжести. И особенно предстоит очень сложный материал по элементам теории относительности. Раздел — принцип относительности Эйнштейна. А так же по атомному ядру и энергии сцепления атомных ядер. Конечно, вечерняя школа дает основные понятия по тому или иному предмету. Но, чтобы фундаментально усвоить тот или иной раздел, необходимо до утомления работать дома над изучением материала, — заключил Вишняков.

— Да, это верно вы говорите, Владислав Трифонович. При вечерней учебе очень много надо заниматься самостоятельно. Но для этого нужна и своеобразная методика по изучению того или иного материала, о чем наверняка очень мало говорят и советуют ваши учителя, так как они сами

мало знают. Я в этом убедился лично на себе, так как только в этом году в Госуниверситете, в Одессе, прослушал весь курс математики, где высококвалифицированные преподаватели, доктора и кандидаты наук, особое внимание обращали на методику подготовки к занятиям и проведению этих занятий.

Занятия должны строиться таким образом, чтобы в их основе использовались специальные учебные пособия, задания и варианты, нацеленные на углубленное изучение наиболее трудных тем и разделов.

Наиболее высокое качество и эффективность в учебе достигается с использованием предметной, изобразительной и словесно-логической наглядности.

Наглядные методы с применением определенных пособий, таких, как макеты, модели различных фигур, таблицы, карты, схемы и чертежи очень активно воздействуют на психофизиологические особенности организма человека, когда сочетаются не только слуховые, но и зрительные анализаторы.

Ученые утверждают, что если вы только на слух воспринимаете читаемый материал, то усваивается около 15 процентов информации. А если одновременно используется и слух, и зрение, то есть, перед глазами имеются наглядные пособия, то эффективность запоминания достигается до 60-65 процентов.

Так что, Владислав Трифонович, у нас с вами для успешной и более эффективной учебы имеются большие возможности методического характера. Все, что мы в дальнейшем с вами будем изучать, мы будем стараться изображать на графиках, чертежах и моделях.

— Вы для меня, Андрей Петрович, раскрыли целый таинственный мир в овладении знаниями, и не только по математике, физике, но и по ряду других предметов, так как речь идет о применении методики.

Признаюсь, я весьма рад тому, что мой старшина «открыл вас», когда доложил, что с пополнением на службу прибыл учитель, и к тому же физик-математик.

Думаю, что на сегодня вполне достаточно всего того, что вы рассказали, что посвятили меня в некоторые тайны познания истины в изучении столь нелегких и непростых вопросов понимания и усвоения разделов математики, физики и других предметов.

В заключение буду вас просить: один-два раза в неделю, после занятий в роте, заходите к нам, как к себе домой. Мы вам всегда будем рады. После того, как я прослушал вашу беседу для солдат роты о нравственном воспитании, я сразу же пришел к выводу, что немедленно надо обратиться к вам за помощью.

После встречи с командиром роты и душевной беседы офицера с солдатом, Андрей Простоян пришел к выводу о том, что слухи, распространяемые об офицерах, что они грубо обращаются со своими подчиненными, были неверными, так как в строю он вам командир, а вне

строю, он товарищ.

Но верным было то, что офицеры по долгу службы в основе своей были требовательными к своим подчиненным, добивались от них жесткой дисциплины и исполнительности. Конечно, особо жесткие дисциплинарные меры в армии применялись к нерадивым и недисциплинированным. Но солдат Простоян понимал, что это ему не угрожало опасностью, так как он сам был воспитателем ребят в школе, и внутренне согласен был с тем, что должна быть в армии высокая требовательность и крепкая дисциплина, а иначе армия не может быть армией.

Задача младшего офицерского командного состава и рядовых была одна: всегда быть готовыми к защите своего Отечества.

Занятия без отрыва от производства у офицера Вишнякова теперь проходили гораздо продуктивнее. По наиболее сложным вопросам математики, физики Простоян готовил красочные наглядные пособия и приносил ему домой, что давало возможность быстрее и глубже усваивать изучаемый материал.

В гарнизоне своим чередом шла напряженная учеба изо дня в день всего личного состава. До солдат стали доходить слухи о том, что на границе с Финляндией неспокойно. Допускались провокационные обстрелы нашей территории со стороны финского командования. В полку стало известно о том, что Финское правительство с помощью ряда капиталистических стран сооружает укрепленный — железобетонную линию Маннергейма. Империалисты вынашивают план — отнять у России город Ленинград и Ленинградскую область.

Напряженность на международной арене нарастала. Это накладывало отпечаток на ход боевой и политической подготовки во всех подразделениях 113 ЗСП. От каждого солдата и младшего командира требовалось в совершенстве владеть своим оружием, от винтовки и гранаты, до станкового пулемета и миномета.

В один из дней, после напряженной учебы вечером, солдат Простоян закончил подготовку ряда схем и чертежей по алгебре и тригонометрии для командира роты. После ужина в солдатской столовой он эти работы отнес офицеру Вишнякову. Тот с благодарностью все принял и сообщил, что сегодня заниматься он не сможет, так как командование гарнизона собирает весь офицерский состав на «секретное» совещание, на которое должны прибыть все без исключения офицеры, под расписку.

Простоян ушел к себе в казарму и до отбоя готовился для проведения занятий по противохимической подготовке, о чем накануне просил его командир взвода.

На следующий день поступил приказ о том, что 2-й взвод роты должен подготовиться для заступления в суточный наряд. Взвод будет нести службу по охране военных объектов. Часть отделения, в котором служил Простоян, была выделена для несения суточного наряда по обслуживанию пищеблока. Командир взвода старшим назначил солдата Простояна.

После общеполкового развода, проводимого на плацу городка, Простоян прибыл со своей группой в распоряжение заведующего солдатской столовой, старшины Дубова Олега Алексеевича. По прибытию на пищеблок Простоян доложил старшине, что группа солдат 1-й артпульроты прибыла в его распоряжение.

— Вы даже раньше времени прибыли на смену, — сказал Дубов.

— Товарищ старшина, а нас в столовую просто как магнитом потянуло, мы после развода даже в казарму не заходили, — с оттенком юмора доложил Простоян.

— Ну, что же, сначала мы вас накормим, а затем поедem на склад за продуктами питания.

— Это было бы хорошо, — ответил Простоян за всех.

— А вы что же, новички?

— Нет, новичок один я, а остальные уже порядком служат в роте. Но из нового пополнения меня перевели в эту роту по ходатайству командира роты старшего лейтенанта Вишнякова.

— А с чем это связано? — спросил старшина.

— Да просто в артпульроту подбираются солдаты пограмотнее. Ну, а я как физик-математик, тем более подошел для роты.

— Значит у вас высшее образование?

— Да, товарищ старшина, я учитель физики-математики старших классов.

— Это же прекрасно. Вы мне поможетe обнаружить причину, почему у меня зачастую недостает продуктов, чтобы накормить всех. То недостает хлеба, то сахара, то сливочного масла.

— Значит у вас утечка продуктов, где-то затаились опасные личности. Их необходимо обнаружить во что бы то ни стало, — сказал Простоян.

— Но как это сделать? Разве же одному можно на такую армию за всем уследить?

— Это вполне возможно. И этим мы займемся сегодня же, немедленно.

— А что для этого нужно?

— Нужно посмотреть, где у вас хранятся продукты, кто имеет к ним доступ?

— Кроме старшего повара никто доступа к продуктам не имеет. Но я ему доверяю. Мы оба с ним остались на сверхсрочную службу и работаем в столовой.

— Но это еще не все. Важно знать, как вы получаете продукты, полностью ли они к вам поступают или нет? А это легко проконтролировать. Вот висит выписка норм выдачи продуктов на каждого солдата. У вас имеется строевая записка штаба, то есть заявка на завтрашний день: сколько конкретно человек вы должны накормить. У вас есть счета, и даже я вижу арифмометр. И прежде, чем ехать за продуктами, если вы позволите, давайте я быстро все подсчитаю.

— Да вы просто мой спаситель. Я буду рад, если вы мне поможетe в этом.

Андрей Простоян с большой охотой и чувством ответственности сел за

стол, взял арифмометр и начал подсчитывать. Записав все, что положено получить на завтрашний день, заведующий столовой, вместе с Простояном и двумя другими солдатами, отправились за продуктами.

— Олег Алексеевич, пусть контрольный наш подсчет находится у вас. Мы будем получать товар, как указано в накладных, на весь ассортимент продуктов. Когда получим все, то сверим по нашим расчетам. И все будет ясно.

— Хорошо, так и сделаем, — согласился старшина.

На сей раз продукты питания получали с большой тщательностью проверки каждого груза. После получения всех продуктов, старшина, получив копию накладной, тут же сверил со своими подсчетами. Тут же выяснилось, что по строевой записке на завтрашний день было недодано: хлеба — 7 килограммов, сахара — 900 граммов, сливочного масла — 450 граммов, селедки — 3 килограмма.

Старшина Дубов тут же заявил протест в связи с недополучением продуктов, положенных по строевой, отказался их принимать до выяснения в отделе продфуражного снабжения полка. Об этом он доложил начальнику ПФС полка. Он незамедлительно, сам лично проверил правильность выписки накладных на продукты. При проверке он убедился, что налицо имеется факт недодачи продуктов для солдатской столовой.

Начальник ПФС принял решение: старшине Дубову принять все полученные на складе продукты, за которые он расписался. Тут же он сообщил, что недостающее количество продуктов будет доставлено в столовую завтра же с утра самим завскладом. Но ему самому лично необходимо разобраться, кто и чем здесь занимается, кто конкретно в штабе допускает подобные махинации?

Когда везли полученные продукты в столовую, то старшина Дубов сказал: «Солдат Простоян, от лица службы я объявляю вам благодарность. Вы меня фактически спасли от ужасных неприятностей, так как я уже имею несколько серьезных предупреждений от моего непосредственного начальства. Но доказать я никак не мог, почему у меня солдаты иногда остаются ненакормленными, как положено.

Когда я был в штабе полка с этим вопросом, то начальник ПФС спросил меня, каким образом вам, старшина Дубов, удалось разоблачить эти махинации?

— Я сообщил ему, что мне помог солдат Простоян из 1-й артпульроты, который был направлен с отделением в наряд на пищеблок. Он учитель, физик-математик. Когда я сообщил ему, что иногда в столовой продуктов не хватает, то он сам сделал подсчет, сколько положено продуктов в самом деле. А когда получили их, то и обнаружился подвох.

На следующий день, после раздачи завтрака, старшина Дубов отправился в штаб полка, в отдел ПФС, чтобы довести дело до конца.

Спустя три дня после нахождения в наряде на пищеблоке, командир артпульроты Вишняков вызвал к себе в кабинет солдата Простояна и

спросил:

— Вы догадываетесь, зачем я вас вызвал?

— Никак нет, товарищ командир! — отчеканил солдат Простоян.

— Так вот, солдат Простоян, по приказу командования вы откомандировываетесь в распоряжение завстоловой старшины Дубова до особого распоряжения, в качестве его помощника для наведения полнейшего порядка в организации питания солдат. Что касается нашей учебы, то это остается в силе. Думаю, что исполнение обязанностей помзавстоловой делу не помешает.

— Я все понял, товарищ старший лейтенант. Все будет исполнено.

Так солдатская служба для бывшего учителя Простояна приносила один сюрприз за другим. Но это ничуть не огорчало его, а наоборот, бодрило и радовало, так как он понимал, что надо честно и добросовестно, точно и в срок исполнять все приказы и распоряжения, выполнять все то, что ему доверяют.

В письмах домой своим родным Андрей сообщал кратко: к службе он привыкает, все идет нормально. Очень рад, что попались ему такие прекрасные командиры.

Примерно такого же содержания письмо он направил и в школу, своей подружке Валентине Ставцовой. Только он еще добавил, что служба в армии, хотя и нелегкая, но она пройдет быстро, и он мечтает вернуться на свою любимую учительскую работу. Сделал еще приписку: «По тебе я скучаю. По дружески обнимаю и целую. Андрей. Передавай привет всем учителям школы».

Глава II Роковая ночь

Наступила роковая ночь, которая всполошила не только солдата Простояна, не только его роту, но и весь гарнизон. В эту ночь была объявлена боевая тревога.

Это была не учебная боевая тревога, по которой командование не раз поднимало весь личный состав гарнизона для проверки боевой готовности или для проведения тактических занятий по отработке какой-либо темы.

Это была настоящая боевая тревога по отправке всего личного состава на фронт. В эту напряженную ночь прозвучали сигналы тревоги, зажглись все огни в городке. Заработали по тревоге все службы гарнизона. К складам и хранилищам подавался транспорт различных видов: автомашины, повозки, сани для перевозки военной техники, боеприпасов и продовольствия на станцию для погрузки в вагоны. Грузилось все имущество, грузился и весь личный состав полка для отправки на фронт.

При объявлении боевой тревоги на улице в гарнизоне выходили целые семьи — жены, матери, дети. Встревоженные горем, они обливались слезами.

провожая на фронт своих мужей офицеров и солдат.

Советско-финляндская война началась еще раньше – 30 ноября 1939 года. Она спровоцирована реакционными кругами Финляндии. Без какого-либо повода, со стороны Финского правительства начался обстрел нашей территории. Основной фронт развернулся на Карельском перешейке. С декабря 1939 года началось наступление наших войск на глубину 25-65 километров.

Противник заведомо готовился к войне против нашего государства.

До линии Маннергейма наши войска дошли сравнительно быстро. Но, чтобы пойти на штурм "неприступной" линии Маннергейма, нужна была особая подготовка, нужна была перегруппировка войск, нужны были свежие силы.

Для пополнения свежих сил, в войну с белофиннами и был брошен по тревоге 113 Запасной стрелковый полк.

Тревожная глубина острых человеческих переживаний наполняла сердца всех: от рядового солдата до старшего офицера.

Совсем неопределенно сложились условия для солдата Простояна. Выполняя последнее распоряжение командования, он не имел права вернуться в свою роту, в которой постигал азы военного дела, изучал до автоматизма свое оружие, с которым уверенно мог идти в бой. Во время боевой тревоги он прибыл на свой пост, временно исполняя обязанности помощника наведующего столовой. Встретившись там со старшиной Дубовым, он получил от него распоряжение: вместе с ним на полковом продфуражном складе получить по наряду питание сухим пайком на трое суток и погрузить в вагоны.

В пути следования на фронт Простоян должен взять под личную охрану один из вагонов и нести полную ответственность за сохранность продуктов питания, пока не поступит команда о передаче продуктов питания той или иной части, которая прибудет в резерв фронта.

Получив приказ от своего начальника Дубова, солдат Простоян приступил к неукоснительному исполнению. В приближающейся военной обстановке необходимо действовать исключительно по-боевому: умело, быстро и решительно. Все это ему под силу, все выполнимо.

Простояна мучил другой вопрос. Рота его пойдет в бой, а его могут задержать эти вагоны с продовольственным питанием. Он отстанет от своей роты, потеряет ее. Если для старшины Дубова это его основная задача и обязанности в сложившейся обстановке, то для Простояна – это временная обязанность, с которой он связан чисто случайно.

Воевать придется всем, но воевать где-то в отрыве от своей роты, это просто недопустимо, – мыслил про себя Простоян.

Полковник Ф.Ф. Алябушев,
командовавший 123-й
стрелковой дивизией
в 1939-1940 г.г.

Командовать дивизией было приказано полковнику Ф.Ф. Алябушеву. Комиссаром дивизии был назначен бригадный комиссар А.М. Ушаков. К переднему краю линии Маннергейма дивизия подошла в разгар зимы, во второй половине декабря. Это была здесь самая суровая зима. Морозы достигали 40 градусов. Командир дивизии приказал одеть бойцов и командиров так, чтобы они не страдали от холода. Все бойцы получили валенки, новые телогрейки, варежки, шлемы и подшлемники, а командный состав получил и полушубки.

Успешно преодолев предполье, части 123 С.Д. подошли непосредственно к линии Маннергейма. Но атака с ходу укреплений противника успеха не принесла. Дивизия вынуждена была окапываться в непосредственной близости от мощной оборонительной полосы противника. Пришлось большое внимание уделить переподготовке подразделений с учетом действительной обстановки, с которой встретились войска.

Солдат тренировали в умении преодолевать насыщенную огневыми средствами оборону, учили идти непосредственно за огненным валом нашей артиллерии. Бойцов настойчиво убеждали в том, что быстрота и натиск — неперемненные условия успеха в наступательном бою, и, в частности, при атаке сильной оборонительной полосы.

Обстановка потребовала от командования дивизии усилить разведывательные поиски, стремясь как можно точнее определить

Когда загрузили три вагона продовольствием, старшина Дубов сообщил, что они пойдут с общим эшелоном, а затем их на какой-то станции отцепят. Полк пойдет дальше своим ходом к месту сосредоточения, где расположены части соединения, готовящиеся к наступлению.

В ночь на вторые сутки на одной из станций вагоны с продовольствием были отцеплены. Личный состав полка последовал еще дальше.

Только на третьи сутки вагоны с продовольствием старшина Дубов передал по акту тыловым частям 123 стрелковой дивизии, в состав которой вошел весь личный состав 113 ЗСП. Солдат Простоян попал в резерв 123 СД.

Вместе с другими частями и подразделениями 123 стрелковой дивизии предстояло штурмовать самый мощный по тем временам в мире укрепленный район — линию Маннергейма.

расположение огневых точек противника, расположение системы дотов и дзотов.

По приказу командира дивизии полковника Алябушева днем и ночью велась разведка инженерных сооружений укрепленного района. Командир дивизии приказал создать спецподразделение разведки из наиболее опытных, грамотных и выносливых солдат, младших командиров и офицеров, которые весьма тщательно должны разведывать систему укреплений противника и наносить на карту.

По воле рока, в это спецподразделение разведки дивизии попал и солдат Простоян. Как правило, глубокие развед рейды проводились в ночное время. По результатам наблюдений все обнаруживаемые объекты противника наносились на карту, о чем лично докладывали командиру дивизии. Командира дивизии разведчики часто видели на наблюдательных пунктах переднего края. Бывало и так, что ночью он лично сам присоединялся к той или иной группе разведчиков и совершал развед рейды, если сомневался в достоверности добытых разведчиками сведений. Конечно же, это был риск для него. Такие действия поражали разведчиков смелостью и отвагой командира дивизии, но в то же время воодушевляли и вдохновляли их на еще более смелые и дерзкие вылазки.

Чем смелее и решительнее действовали разведчики, тем чаще они подвергались смертельной опасности. Нередко попадали под мощный шквал пулеметного и артиллерийско-минометного огня противника.

В канун нового наступления разведчикам было приказано еще раз выйти за передний край для уточнения действия противника. Совершая ночной глубокий рейд в расположение противника, они сами напоролись на его разведку. Завязался ожесточенный бой. Велась бесприцельная перестрелка. На одной из лесных опушек с обеих сторон было потеряно много разведчиков. Разведка противника применяла всевозможные хитрости и уловки. Она пыталась зайти во флаг нашим разведчикам и кинжальным огнем расчленил основные силы.

Андрей Простоян с тремя разведчиками находился на фланге прикрытия своей группы. Будучи отрезанными от основной группы, они продолжали отвлекать на себя удар противника. Солдат Простоян впервые в своей жизни оказался в такой смертельно опасной обстановке.

Продолжалась беспощадная перестрелка. Свистели пули, рвались гранаты. Потеряв своих товарищей в дуэльной перестрелке с противником, Простоян

Комиссар 123 стр. дивизии,
бригадный комиссар
М.М. Ушеков

понял, что он остался один, и поддерживать, подстраховать его некому. Надо действовать самостоятельно во имя выполнения задания и спасения жизни.

В эту темную ночь, оставшись теперь один на один с противником, он определил, что за ним охотится еще, по меньшей мере, два снайпера противника, которые периодически вели огонь по нему из-за огромного заснеженного валуна, что на опушке леса. Выстрелы были то слева, то справа, как только луна пробивалась из-за облаков.

Оставшись один, разведчик Простоян не терял обладания. Он считал, что на любой замысел, на любую хитрость противника должна найтись своя солдатская хитрость и смекалка. Оценив сложившуюся для него обстановку весьма сложной, он пошел на солдатскую хитрость. Сняв свою шапку-ушанку и оставшись в одном шерстяном шлеме, он в одно мгновение, разыскав поблизости жердь, отломил колышек, накинуд на него шапку и воткнул в снежный бугорок. Сам же от этого места, как крот, пополз по снегу резко вправо и поближе к засаде противника.

Через некоторое время, как только луна пробивалась между облаков, заметив силуэт шапки, противник начал методически вести огонь по ней. По выстрелам Простоян точно определил, где они находятся. Он подполз еще ближе сбоку валуна и сделал один выстрел за другим. После этих выстрелов Простоян услышал рев и крик. Он понял, что с одним из разведчиков противника наверняка покончил. Остался еще поединок один на один. А это уже для разведчика Простояна совсем иное дело. Есть шанс победить, есть шанс выжить.

Замерз, окоченел Простоян до предела, неподвижно лежа за сугробом, выжидая дальнейшего действия противника.

Через несколько напряженных минут ожидания Простоян заметил движущийся силуэт в сторону пошатывающейся на ветру шапки-ушанки, которую он оставил на снежном сугробе. По ползущему силуэту он сделал выстрел наугад. Простояну послышался стон. В этот миг он, как лев, бросился в ту сторону, где послышался стон. Подползая все ближе и ближе к лежавшей на снегу фигуре противника, Простоян не заметил признаков его движения. Но стоило ему сделать еще один, второй бросок ползком, как на него набросилась громада финского капрала. Завязалась смертельная рукопашная схватка. Простоян почему-то был уверен, что для него миновала смертельная угроза, так как тот наверняка был подстрелен. Но в предсмертной агонии тот еще раз выпрямился и всей мощью тела набросился на него. Оба они окоченели от холода так, что не могли применить удобных, действенных приемов борьбы.

Они долго кувыркались в снегу, пытаясь один другому вцепиться в горло. Капрал окоченевшими руками несколько раз доставал до шеи Простояна, но вцепиться мертвой хваткой не мог, так как шея была защищена, закрытая шлемом и подшлемником. Неоднократно Простоян отбрасывал костлявые руки врага от себя, и в тот же миг пытался сам вцепиться в горло противника. Долго это ему не удавалось. Оба отдавали себе отчет, что один из них должен

погибнуть. И здесь Простоян применил свой последний прием. Кувыркаясь, он улучил момент, когда оказался сверху капрала. В тот же миг он нанес один за одним удар кулаком по щекам так, что тот, оторопев, не мог сопротивляться какое-то время, а тем более проявлять агрессивность. Еще миг, и Простоян мертвой хваткой вцепился руками в чужое горло, и зажал его так, что тот захрипел в предсмертной судороге и превратился окончательно в бездыханное тело.

В счастливом исходе поединка с противником наверняка помогло то, что тот был действительно подстрелен, так как на его плече он заметил проступившие следы крови.

Основная часть группы разведчиков, уцелевшая после боя, во главе со старшим лейтенантом Зайцевым, выполнив задание, возвращалась назад и шла на поиски той части разведчиков, которая, очутившись отрезанной на фланге, отвлекала удар разведки противника на себя. Подойди к опушке леса, где произошла неожиданная встреча с разведкой противника, группа офицеров Зайцева, среди множества трупов на снегу, разыскала своих, оставшихся в живых или раненых. Пройдя мимо огромного валуна у опушки леса, офицер разведки услышал чей-то слабый, но отчетливый голос: «Командир! Командир!» Старший лейтенант Зайцев мгновенно бросился в сторону зовущего. К нему подбежали остальные разведчики, опустившись на колени, нагнулись к Простояну. Солдат Простоян был рад до предела. Он сказал: «Вы видите, дорогие, что здесь было. Всего несколько минут назад я задушил своими руками этого последнего гада, труп которого лежит рядом. Сам я еще не успел прийти в себя, как вдруг заметил, что какая-то группа идет. Я прижался к снегу, чтобы подпустить вас поближе. И в друг вижу: идут наши.

Командир группы разведки, наклонившись к Простояну, сказал: «Молодец, разведчик, спасибо за твою храбрость и смекалку. Вызвав огонь на себя, вы помогли нам проникнуть в глубь обороны противника и выполнить до конца задачу, поставленную командованием. Жаль только, что мы потеряли сколько смелых и мужественных ребят, с которыми ходили много раз в разведку и добывали столь важные сведения для наших войск.

Все добытые дополнительные сведения разведчиками сыграли немаловажную роль в определении того, что представляет собою линия Маннергейма. Стоит ее прорвать в нескольких местах, как наши войска могут форсировать развитие наступления в глубь территории противника. К такому же выводу пришли не только разведчики, но и командование дивизии.

Перед штурмом линии Маннергейма, к дотам и дзотам ночью скрытно подвели взрывчатку, подтянули орудия для стрельбы прямой наводкой. Незабываемая ночь с 10 на 11 февраля. Шла окончательная подготовка к прорыву. Артиллерия, танки, пехота занимали свои позиции согласно приказу. К восьми часам все части заняли свои походные рубежи и замаскировались так, что даже с трудом можно было обнаружить некоторые танки и орудия. Так писал в своих воспоминаниях командир 123 СД

полковник Ф.Ф. Алябушев
спустя некоторое время после
боев.

Особенно сильный
тактический прием применил
командир дивизии по обработке
линии Маннергейма. Разработан
план ведения артиллерийского
огня: сначала по переднему
краю, затем в глубину обороны,
потом снова по переднему краю.
Так повторялось несколько раз.
После обработки переднего края,
по условному сигналу, наша
пехота бросалась на штурм
укреплений. Здесь помогла

М.И. Калинин среди бойцов и офицеров
123 стр. дивизии /май 1970 г.

тактика движения пехоты непосредственно за огненным валом. Дивизия пошла
на решительный штурм укреплений противника. Линия Маннергейма
затрещала. Прорвав брешь в мощных укреплениях, наши войска ринулись в
глубь обороны противника.

Финское правительство Паасикиви запросило срочно мир. 12 марта 1940
года было подписано перемирие. Война закончилась. По мирному договору
установлена новая госграница, обеспечивающая безопасность Ленинграда.

По окончании войны Андрей Простоян со своими товарищами ходил к
местам прорыва линии Маннергейма, чтобы посмотреть еще раз на эти
чудовищные сверхукрепления. То, что они видели там в разрушенном
состоянии, поражало их воображение. Металлические капониры имели такую
прочность, что артснаряды их не брали. Сами железобетонные доты были
многоэтажными. На нижних этажах находился личный состав противника. На
верхних этажах имелись амбразуры для установки оружия: пулеметов и
пушек различного калибра. Каждый железобетонный дот был рассчитан на
круговую оборону, и от одного дота к другому имелись подземные ходы
сообщения. Перед некоторыми дотами и дзотами противника были
сооружены заграждения в 10-12 рядов колючей проволоки. Все эти мощные
инженерные сооружения не выдержали натиска наших войск.

После подписания мирного договора с Финляндией, наши войска заняли
рубежи обороны на новой госгранице, на территории Финляндии.

После окончания войны, в Выборге на главной площади состоялось
торжество, посвященное вручению наград. В мае 1940 года к месту
дислокации частей 123 СД приезжал М.И. Калинин, который к боевому
знамени дивизии прикрепил орден Ленина, а ряду отличившихся в боях
солдат и офицеров вручил боевые награды.

Глава III На Карельском перешейке

I. В новом гарнизоне

После окончания советско-финляндской войны, советские войска, согласно подписанного мирного договора в Москве, в 1940 году, заняли рубежи обороны на новой госгранице, которая проходила по территории противника.

Войска 23-й Армии переформировывались и укомплектовывались по штатам мирного времени.

Отобранная группа солдат, и, в том числе Андрей Простоян, были направлены для пополнения в 200-й гаубично-артиллерийский полк 43-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Полк размещали в военном городке севернее города Выборга, в населенном пункте станции Тиенхаара. До войны эта территория принадлежала Финляндии. Население, проживавшее здесь, было полностью эвакуировано в свое государство.

Жилые дома, станция, другие подсобные здания сохранились здесь в первозданном виде. Населенный пункт размещался в живописной лесистой местности. Каждый дом не похож на другой по своей архитектуре, размерам, по красоте и изяществу. Еще красивее была внутренняя отделка каждого дома. Стены, как правило, обклеены первоклассными разноцветными обоями. Печки для отопления, плиты, кухни и санузлы облицованы цветным кафелем. Все это придавало свежесть, уют и нарядность каждому жилому дому.

В населенном пункте станции Тиенхаара размещался весь личный состав со штабом полка и подсобными службами продфуражного снабжения, боепитания, горюче-смазочных материалов. В переоборудованных помещениях размещались склады ПФС, ГСМ, боеприпасов и военной техники. Отдельно размещались транспортные средства. В финских домах размещались офицеры со своими семьями.

После финской войны в армии наступили мирные будни. В военном городке артиллеристов шла напряженная учеба по боевой и политической учебе. Бойцы изучали опыт минувших боев, на многочисленных тактических занятиях и учениях совершенствовали военное мастерство.

По прибытии в артполк солдат Простоян был зачислен в артиллерийский расчет 2-й артбатарей. Его радовало то обстоятельство, что при отборе солдат в артиллерию выбор пал и на него. И вот теперь он здесь.

Внутренне Простоян чувствовал, что он имеет тягу к артиллерии. Он это объяснял себе несколькими причинами:

Во-первых, он преклонялся перед мощью этого рода войск. Он считал, что солдатом или офицером-артиллеристом не каждый может быть. Надо обладать особым качеством и талантом, чтобы в совершенстве овладеть искусством артиллериста. Артиллерия, один из важнейших родов войск, способный, как в ближнем, так и в дальнем бою поражать и сокрушать самые мощные укрепления противника.

В этом Простоян убедился еще больше, участвуя непосредственно в войне с белофиннами. В ходе боя наши войска должны были штурмом взять линию Маннергейма, представляющую собой систему железобетонных укреплений. Много было брошено живой силы и технических средств на прорыв укреплений. Потери войск были огромные, но с задачей они не справились. Не справились со своей задачей и артиллеристы. Не было налажено должным образом взаимодействие между пехотой и артиллерией.

Командованию пришлось атаки отменить и пересмотреть стратегию и тактику боя. Пришлось отвести войска на запасные позиции и провести учебно-тренировочные занятия перед новым и решительным штурмом. От артиллеристов требовалась не только стрельба по площадям, но и высокий класс точности попадания в цель. Железобетонные доты можно было разрушить попаданием снаряда в амбразуры, смотровые отверстия или в щели капониров. Попадания в железные купола дотов не достигали цели, так как снаряд любого калибра не пробивал купола, а просто рикошетил и отлетал. Поэтому и нужна была просто ювелирная работа артиллериста.

Во-вторых, тяга Простояна к артиллерии заключалась в здравом смысле. Пехотное оружие – винтовку, пулемет и другое легче может освоить любой солдат, даже не имеющий спецобразования. Чтобы в совершенстве овладеть артиллерийским оружием, как пушка, нужно иметь и соответствующее образование, что как раз по плечу Простояну, как физику-математику.

И теперь, когда по року самой судьбы, Простоян попал в артиллерию, он с особым пристрастием приступил к изучению и освоению матчасти артиллерийского оружия. Ему хотелось убедиться самому и показать другим, что при желании можно добиться хорошего изучения матчасти артиллерии и проведения практических стрельб с высокой точностью.

В артиллерии Простояна привлекала не сама по себе пушка-гаубица, ее материальная часть. Его привлекал тот "секрет", который таится в этом грозном оружии, познав который, можно научиться поражать цель противника с высокой точностью и на определенном расстоянии. Как физик-математик, теоретически он понимал, как работает система, он знал законы внутренней и внешней баллистики. Но до прихода в армию у него не было возможности соединить теорию с практикой и убедиться, как важны артиллеристу и его приобретенные знания, и его повседневная напряженная работа в приобретении мастерства артиллериста.

Попав в орудейный расчет, Простоян начал осваивать все вопросы по обслуживанию орудия каждым номером расчета, от подносчика снарядов до заряжающего и наводчика.

Особенно важным и более сложным звеном по обслуживанию орудия было звено наводчика. Кроме того, что надо знать в совершенстве всю матчасть орудия, и особенно оптический прибор для наводки орудия в цель, надо знать и законы баллистики, т.е. законы полета снаряда в цель.

За несколько месяцев напряженной учебы с проведением практических

стрельб солдату Простояну удалось до некоторой степени раскусить "секрет" пушки-гаубицы и добиться не плохих результатов в качестве наводчика. Он не жалел ни сил, ни времени, и одним из первых на батарее освоил приемы точной стрельбы по учебным макетам.

Зная хорошо оптику и баллистику, он не только сам успешно овладевал профессией артиллериста, но и помогал другим товарищам-артиллеристам своей батарее.

Это не осталось незамеченным не только офицерами — командирами взводов, но и самим командиром батареи, в которой служил Простоян.

За успехи в боевой и политической учебе, за достижение высоких показателей на практических стрельбах солдату Простояну было присвоено звание младшего командира артиллериста — "сержант" с одновременным назначением на должность командира орудия.

Теперь уже, будучи командиром орудия, сержант Простоян все свои знания и практические навыки передавал своему орудийному расчету. Он добивался повышения классности каждого номера орудийного расчета и взаимозаменяемости номеров в расчете. В боевой обстановке это имеет огромное значение. Если один из номеров выходит из строя, то его сможет заменить другой. Тогда живучесть огневой точки увеличивается.

Прошло немногим более девяти месяцев службы во 2-й батарее, и в армейской жизни Простояна наступили большие перемены.

Началось все с того, что сержанта Простояна вызвал к себе на беседу командир 2-й батареи капитан Прохоров. Это был строгий, подтянутый, грамотный офицер-артиллерист. Он прошел боевое крещение в боях с белофиннами.

Простоян заметил, что командир батареи чаще всего бывает угрюмым и суровым. А на этот раз, прибыв на батарею, он заметил, что капитан Прохоров более веселый, в хорошем настроении.

— Как идет служба в артиллерии? — спросил командир.

— Товарищ капитан, службой своей я доволен. В артиллерии есть над чем работать и солдатам, и офицерам. Многим очень трудно справиться с требованием по поднятию мастерства артиллериста. Это подтвердили практические стрельбы. Здесь одних усилий по изучению матчасти мало. Нужен и соответствующий уровень образования.

— Я думаю, что успех в обучении расчетов во многом зависит от знаний самих офицеров. Как вы думаете?

— Безусловно, товарищ капитан, многие офицеры сами позабыли азы как по физике, математике, так и по науке баллистике.

— По этому вопросу я вас и вызвал. Война показала, что не все артиллеристы в совершенстве владели своим оружием. По этой причине мы и имели неоправданные потери артиллеристов и матчасти.

Мы посоветовались с командованием полка, и решили немедленно приступить к повышению образования офицеров. Вы прибыли в армию со

свежими знаниями. Для нашего арtpолка это просто находка. Прибыв в полк, вы в кратчайшее время сумели в совершенстве изучить матчасть, и показали высокие результаты стрельбы из гаубицы. Вот по всем этим вопросам с вами и будут беседовать в политчасти полка. Полковой комиссар Левин вызывает вас к себе на 12 часов дня. Какие у вас будут ко мне вопросы?

— Товарищ капитан, вы сообщили мне такую новость, что у меня сразу отпали все вопросы, которые вертелись в голове, когда я к вам шел.

— Это верно. Когда вызывает самое высокое начальство на беседу, то только там можно определить, какие больше всего могут беспокоить, интересовать и волновать вопросы. Но при всех случаях я желаю вам удачи по организации полковой школы для офицеров.

За несколько минут до назначенного часа встречи с полковым комиссаром Простоян прибыл в политчасть полка. Полкового комиссара полковника Левина Простоян встречал на территории городка несколько раз. Он не только встречал его, но и слушал его выступление перед личным составом в клубе полка. Доклад о международном положении СССР не только понравился, но и встревожил Простояна, так как он услышал о том, что в мире совсем неспокойная обстановка. Заявить так, это значит располагать какими-то официальными данными, — подумал сержант Простоян.

Посмотрев на свои часы и увидев, что осталось всего несколько минут до двенадцати, Простоян решил постучать в дверь, где находился полковой комиссар. Открыв массивную дверь, оббитую красивым темно-коричневым дерматином, прошел несколько шагов вперед, поближе к столу, где он сидел, и доложил о прибытии по вызову.

За столом сидел исполинского роста, широкоплечий, тучный комиссар с круглым, красным лицом.

— Ну, что же, сержант Простоян, давайте поближе знакомиться с вами. Прошу садиться. Нам предстоит обсудить очень важный вопрос, а точнее, даже несколько вопросов. Начнем с главного вопроса. О службе личной и о бытовых условиях. Как у вас идет служба сейчас? Вы теперь на должности командира орудия?

— Со службой в артиллерии я уже начал осваиваться всерьез. Но вначале, по прибытию в армию, я попал в 113 запасной стрелковый полк, где меня зачислили в арtpульроту. Там на вооружении имелись, кроме винтовок, станковые пулеметы и минометы малого калибра. Для меня не составляло труда всего в несколько месяцев освоить тактико-технические данные и правила стрельбы, как из пулемета, так и минометов.

Но служба здесь, в арtpолку, для меня проходит более интересно. Здесь, в арtpолку, особая боевая техника, она меня интересует и привлекает. Правда, в ней много сложностей. Служить в артиллерии гораздо труднее, так как нужны особые знания, нужна и общеобразовательная подготовка артиллериста, а иначе техника в неумелых руках — мертвая.

— Вы так думаете? — спросил комиссар. — Думаете, что не всем она под силу, чтобы владеть ею в совершенстве?

— Да, мы с командиром батареи пришли к такому выводу. Мы все это видели своими глазами в Финскую войну. Многие артиллеристы, и не только рядовые, поверхностно знали "секреты" этого весьма важного и серьезного оружия в бою. Видимо слабая была и общая подготовка.

— Ну, что же, вы правы. Я с вами согласен. Вот по этим вопросам я вас и вызвал на беседу. Война показала, что у нас хорошие кадровые офицеры. Они преданы своему делу. Несут честно и добросовестно свою службу. Но для артиллериста-профессионала им не хватает знаний и умения. Общая и специальная подготовка у них слабая. Это дело надо исправлять.

Мы решили в полку создать общеобразовательную школу и специальную школу по подготовке офицеров-артиллеристов. Вы до армии работали в школе? Вели физику и математику?

— Так точно, товарищ комиссар! — отпартовал Простоян.

— Мы хотим провести вас приказом по полку на должность внештатного "полкового учителя". Как вы смотрите на это?

— А здесь и смотреть нечего. Надо действовать. Я готов в любое время приступить к своим новым обязанностям. Но как же быть со службой в артбатарее? — спросил Простоян.

— Со службой в артбатарее вам пока придется расстаться. По приказу мы вас прикомандируем в интендантскую службу, в продфуражное снабжение. По возможности будете помогать начальнику ПФС, старшему лейтенанту Севостьянову. Приказ на вас сегодня же будет подписан. А с завтрашнего дня приступите к своим новым обязанностям.

— Я вас понял, товарищ полковой комиссар. Но теперь необходимо уточнить: сколько и каких групп у нас будет по общей и по специальной подготовке?

— По общей подготовке у нас будет две группы. Одна группа — младших офицеров, и вторая группа — старших офицеров. Занятия вы будете проводить отдельно по физике и отдельно по математике. Кроме того, будет создана одна группа по спецподготовке. Все это вы спланируете по календарному плану. Дни занятий доведем до всех офицеров полка. Но обратите внимание на занятия по баллистике.

— Да, товарищ полковой комиссар, находясь в артбатарее, я заметил, что некоторые офицеры недооценивают вопросы баллистики, как науки о движении артснарядов, мин, бомб при стрельбе. Особенно слабо знают внутреннюю баллистику, которая изучает движение снаряда в канале ствола под действием пороховых газов, а затем переход во внешнюю баллистику — движение снаряда по определенной траектории, после вылета его из канала ствола. А также факторы внешней среды, влияющие на траекторию полета, на движение снаряда с различной массой, при различной мощности заряда.

— Да вы, я вижу, уже прямо сейчас можете проводить занятия по баллистике.

— А без этих занятий невозможно было бы добиться определенных результатов в расчетах батареи. Я уже проводил несколько занятий по

баллистике для орудийных расчетов. На занятиях присутствовали и некоторые офицеры — командиры взводов.

— Все это очень хорошо. Вижу, не зря вас рекомендовал ваш командир батареи на должность полкового учителя. Он же и подал мысль о создании полковой школы для кадровых офицеров. Я считаю, что с этим вопросом мы все решили.

— Да, мне все ясно, товарищ полковник.

— Ну, а теперь у меня к вам неофициальный вопрос. Не сможете ли вы нам помочь, как физик, в одном деле?

— А что это за дело, товарищ полковой комиссар?

— А дело вот какое. Вот перед вами на тумбочке стоит радиоприемник. Но слушать я его не могу. Звук очень слабый. Еле слышно, и то на отдельных волнах. А вот на стенке у меня висят красивые финские часы, но они тоже не работают.

— Как же так, товарищ полковник, в артполку столько различных специалистов, а техника не работает? У нас есть служба связи полка.

— Да, служба имеется, а дела нет, — с горечью ответил полковник Левин.

— Я думаю, раз уж вы меня вызвали к себе, то дело это мы подправим. Начнем, наверное, с часов. Вот у меня на руках часы — подарок моей школы, перед уходом в армию. Часы завода имени Кирова. Я их отрегулировал так, что всю Финскую отвоевали. Прошло немало времени. А когда стал сверять ход часов, то оказалось, что они работают с исключительной точностью. Так что и эти часы, что у вас на стенке, будут работать отлично. Но для этого понадобятся мне, наверное, сутки.

Теперь о вашем радиоприемнике. Причин плохой работы может быть минимум три. Во-первых, сели батареи питания. Во-вторых, слабая эмиссия радиоламп. Видимо, они устарели. И, в-третьих, такой тип приемников нуждается в мощной наружной антенне. Если вы мне позволите, то я займусь радиоприемником сегодня же, сразу после обеда. Я не могу чувствовать себя спокойным, если аппаратура, механизмы, которые должны служить человеку, не работают, то есть мертвы. Но для гарантии работы не плохо было бы примерно к 15 часам вызвать сюда начальника связи полка, так как нам понадобятся простейшие приборы: омметр, вольтметр, многожильный шнур — около ста метров. Ну, и свежая батарея питания, а так же набор ламп для этого радиоприемника.

— Начальника связи полка, лейтенанта Стрельцова, я уже вызывал. Он приходил с солдатами. Они повозились, посмотрели и ушли, а радиоприемник так и не работает, — сказал полковник.

— Это меня и удивляет, товарищ полковник. Поэтому я буду делать все сам. Надеюсь, что к вашему приходу на работу завтра утром все будет готово.

— Я буду рад и очень благодарен вашему усердию, Андрей Петрович. Полковник Левин уже поднял трубку и связался со службой связи полка. На проводе был сам начальник связи, лейтенант Стрельцов. Полковник приказал ему, чтобы он немедленно зашел в политчасть полка на беседу. Лейтенант

Стрельцов прибыл в кабинет полкового комиссара незамедлительно. По прибытии начальника связи в политчасть полковник Левин познакомил сержанта Простояна с ним и тут же спросил: как вы думаете, начальник связи, можно ли будет помочь сержанту Простояну, отремонтировать этот радиоприемник в условиях вашей мастерской. Он скажет нам, что будет необходимо.

— Безусловно, товарищ полковник, будет предоставлено все, что необходимо

для ремонта аппарата.

Услышав этот разговор полковника Левина с начальником связи полка, Андрей Простоян был ободрен и обрадован тем, что в полку есть такая мастерская, где можно будет работать неограниченное время, а тем более, что можно будет использовать необходимый инструмент и нужный материал.

Забрав с собою радиоприемник, Андрей Простоян и лейтенант Стрельцов отправились в мастерскую по связи.

При осмотре аппарата Простоян определил, что надо заменить в первую очередь устаревшие радиолампы. Заменяли для гарантии одновременно и батарею питания. Для устойчивого приема радиостанций различной мощности Простоян решил изготовить постоянную наружную пучковую антенну. Тут же на месте проведена проверка качества работы радиоприемника. Аппарат заработал на всю мощность. В мастерской воцарилась радостная, торжественная обстановка.

Лейтенант Стрельцов заявил: а мы тут до вас пытались его отремонтировать, но у нас ничего не получилось. Спасибо вам, сержант, за ваши умелые руки.

Простоян, познакомившись поближе с начальником связи полка, лейтенантом Стрельцовым, решил здесь же, в мастерской, отремонтировать и настенные часы полкового комиссара.

В мастерской были неограниченные возможности для ремонта аппаратуры. Но приборами и инструментами там фактически никто не пользовался.

Для того чтобы отремонтировать часы, пустить их в ход, придать им новое дыхание, Простояну пришлось разобрать их до винтика, до шестеренки, все промыть, прочистить бензином и начать собирать заново. Поздно вечером ему удалось закончить работу с часами. Когда они заработали, Андрей был внутренне доволен тем, что ему удалось при помощи мастерской добиться того, что прекрасно заработал радиоприемник и пошли настенные часы. Рано утром, на следующий день, сержант Простоян докладывал полковому комиссару, что он досрочно выполнил задание. Пустил в ход с боем настенные часы и отремонтировал радиоприемник с применением новой, мощной пучковой антенны.

Полковник Левин был восхищен проделанной такой огромной работой и с высоким качеством. Сердечно поблагодарив Простояна от лица службы, он сказал при этом:

— Теперь я убежден в том, что у вас поистине золотые руки. Вам работать не иначе, как в институте точной механики.

— Да, товарищ полковник, все это впереди. Вот если бы только не развязалась новая война в мире. Ведь вы же в своей лекции в клубе сказали прямо, что в мире складывается ситуация очень серьезная.

— Да, это так. Фашисты уже опустошили многие страны. А их аппетит приходит во время еды. Так что надо быть готовыми ко всему. Порох надо держать сухим, — сказал полковник Левин.

После встречи с полковым комиссаром и утверждения по приказу полковым учителем, у сержанта Простояна началась новая жизнь в приграничном военном городке.

Когда офицеры военного городка узнали, что у многих из них есть шансы восстановить, углубить и расширить свои знания в области физики, математики и особенно по баллистике, то это с силой свежего ветерка разнеслось по всему гарнизону и вызвало глубокое одобрение. Ведь для всех свежи в памяти незавидные результаты войны с белофиннами. Все поняли, что одно дело катать пушку на тактических учениях, а другое дело заставить ее работать с наилучшими результатами по уничтожению сильно укрепленных узлов противника.

Сержант Простоян составил расписание занятий, согласовал его с полковым комиссаром и утвердил в штабе полка. Занятия проходили регулярно. Затруднений в этом вопросе не было, так как все полковое начальство было заинтересовано в этом.

Сержант Простоян, будучи прикомандированным в полковую интендантскую службу, очень активно помогал своему начальнику ПФС, старшему лейтенанту Севостьянову.

Самым напряженным периодом в ПФС всегда был период выписки накладных на продфуражное снабжение. Здесь надежным средством в тот период был арифмометр, которым Простоян хорошо владел. У начальника ПФС развязались руки. Он был очень доволен, что у него появился надежный помощник. У начальника продснабжения была и своя личная проблема и загвоздка. Уже заканчивался календарный год, а он никак не мог получить очередного отпуска, так как некого было оставить за себя.

Прошло некоторое время работы Простояна в ПФС, и вот однажды старший лейтенант Севостьянов обратился к Простояну с просьбой и предложением:

— Как вы думаете, Андрей Петрович, смогу ли я съездить в отпуск, оставив вас за себя?

— Конечно, товарищ старший лейтенант. Вы это можете проверить практически уже сейчас.

— А как это сделать, каким образом проверить? — спросил Севостьянов.

— Очень просто. Вы можете несколько дней или даже целую неделю не приходить на службу, а служба будет идти, как надо. Ну, разве что так просто иногда можете заглянуть, если возникнет сомнение.

– Так зачем же мне тянуть? Я и так вижу, что вы вошли в курс дела и знаете, как согласно строевой полка, согласно установленных норм продовольствия, выписать продукты питания для армейской столовой.

– Я готов, товарищ старший лейтенант, выполнить все то, что вы мне прикажете. Только мне понадобится один помощник, так как я буду отлучаться на проведение занятий в школе с офицерами полка.

– А это на ваше усмотрение. У нас есть хозяйственный взвод, там выбирайте любого солдата в помощники.

– Я вас понял. Но сделайте это вы сами, пока не уехали в отпуск, чтобы все было официально.

Я знаю там одного солдата, Якова Перельмана. По-моему он толковый и смекалистый солдат, – сказал Простоян.

– Ну, что же, вызывайте его, и мы побеседуем с ним официально. Но у меня еще одна просьба к вам, – сказал начальник продслужбы. Я живу здесь в отдельном финском домике с женою. При отъезде квартиру без присмотра нельзя оставлять. Хочу, чтобы на время моего отпуска вы перешли бы жить в наш дом. Мы с женою собираемся съездить на родину.

– Так это же проще всего, если только вы мне доверяете?

– Я думаю, что на вас можно положиться. Будем считать, что и по этому вопросу мы договорились. Правда, наступила зима, а поэтому вам придется квартиру подтапливать. Дрова у нас заготовлены.

– Все будет сделано самым лучшим образом. Ведь у меня будут настоящие условия для подготовки к занятиям.

В полку шли будни напряженной боевой учебы.

Однажды, рано утром, Простоян срочно вызвали в штаб полка. Вручили ему строевую записку на личный состав, который будет привлечен на тактические занятия, на сутки. Приказано срочно выписать накладные на продовольственное снабжение.

Возвращаясь в ПФС со штаба, Простоян зашел во взвод, где размещался солдат Яков Перельман, и поднял его по тревоге, чтобы вдвоем побыстрее оформить все документы на продукты питания и доставить их в штаб полка. Солдат Перельман быстро оделся и оба пошли в контору ПФС.

– Яков, бери арифмометр и быстро составь накладную на продовольствие, согласно этой строевой записке.

– А мне арифмометр не нужен, – сказал солдат Перельман. Я и так все составлю еще быстрее, чем с ним.

– Как это без арифмометра? – спросил Простоян.

– Очень просто, можете проверить.

Пока Простоян писал распоряжение по продфуражной службе и записал в книгу приказов, солдат Перельман успел составить накладную по памяти. Андрей Простоян был просто удивлен такому случаю. Он взял на выдержку некоторые цифры. Прокрутил на арифмометре. Все совпало точь-в-точь.

– Ты что же, Яков, феномен или просто гений? Как же так, без карандаша в руках и без арифмометра ты так точно сделал расчет? И давно ты это

открыл в себе?

— Да еще со школы. По арифметике я очень хорошо работаю на все четыре действия. Но я заметил, что по алгебре задачи с одним, двумя неизвестными, мне очень туго давались.

Андрей Простоян вспомнил, что это уже второго такого феномена он встречает в жизни. Первого он встретил в 1939 году, когда ездил на экзамены в госуниверситет, в Одессу.

Там один из учителей, приехавший сдавать экзамены, продемонстрировал свои феноменальные возможности. Он в один миг смог сделать сложение и вычитание с любыми числами, с любым количеством строк слагаемых, которые записывались на классной доске мелом.

— А у меня получается наоборот, — сказал Простоян. По алгебре, геометрии, тригонометрии я лучше и быстрее других соображал. Решал любые задачи. А вот по арифметическим действиям у меня что-то было не в ладах.

— Значит, и такое бывает, — произнес Перельман. Все, видимо, зависит от образа мышления. А вот по физике, по технике у меня с детства не ладилось. У меня и сейчас нет такой тяги и влечения к различным приборам и аппаратуре. У меня и в настоящее время полный чемодан различной трофейной аппаратуры и различных приборов. Я их набрал в заброшенных финских складах. А что с ними делать и сам не знаю. По окончании Финской войны мы самую различную аппаратуру и всякую технику возили на склады артполка. Особенно много всякой техники и инструментов мы завезли на склад узла связи полка. Ну, вот и я кое-что взял себе, что мне внешне нравилось. А так, как мы познакомились и сдружились с тобою, Андрей, то я тебе хочу кое-что подарить. Если хочешь, то пошли сейчас ко мне во взвод. Я кое-что покажу.

— Яков, учти, я физик, и меня все интересует, что касается техники и различных приборов и инструментов. Поэтому я твое приглашение принимаю немедленно. Одеваемся и пойдем.

Когда они пришли во взвод, и зашли в отдельную комнату, где жил Яков с другим солдатом, то Простоян, увидев стоящую вокруг радиоаппаратуру, проигрыватели и ряд неизвестной аппаратуры и приборов, просто обрадовался.

— Но это не главное, что я хочу показать. Главное у меня в чемодане.

Раскрыв свой чемодан, он сказал: «Вот смотри, это — электрофонарь на трех элементах. Светит он ночью необыкновенно ярко и на далекое расстояние. Здесь их два. Если хочешь, один дарю тебе.

— Спасибо тебе, друг мой Яков. А то ведь часто ночью нас вызывают в штаб, а дорогу осветить нечем.

— Здесь у меня какие-то фотоаппараты. Выбирай любой из них.

Андрей выбрал фотоаппарат типа "Лейка".

— Ну, а теперь смотри сам и выбирай, что тебе подойдет.

— Яков, а нет ли у тебя чего-либо из инструментов для ремонта часов? А

там под низом лежит какой-то универсальный складной ножичек. В нем, наверное, все имеется для работы.

Когда Андрей взял его в руки и начал раскрывать лезвия, отвертки, шило и другие детали, то он сказал: «Этому универсальному инструменту цены нет». Все приборы и аппаратуру, которые Андрей видел и держал в своих руках, были изготовлены уникально, красиво и привлекательно, начиная от оригинального и мощного карманного фонаря и бритвы, и кончая той разнообразной аппаратурой и приборами, которые в качестве трофеев хранились на складах в военном городке, чем Простоян, как физик, особо интересовался и изучал до деталей. Это были и фотоаппараты, и контрольно-измерительные приборы и миниатюрные радио и телефонные станции.

На улице уже чувствуется приближение весны. То подогреет теплое и ласковое солнце, то засверкает капель, то появится на лужайках проталина с лепесточками зеленой травы.

Андрей Простоян не раз уже подумывал о том, что служить уже ему осталось совсем немного. Пройдет лето, и этой осенью он сможет вернуться в свою родную школу, на любимую работу.

Но рок судьбы повторяется. Не дождавшись осени, летом этого 1941 года началась новая война. Вот он рок, вот она судьба человеческая...

С болью в груди воины-артиллеристы слышали по радио заявление советского правительства о том, что немецко-фашистские захватчики напали на нашу Родину.

Подло нарушив мирный договор, немецко-фашистские войска под покровом ночи направили на наши мирные города и села армады самолетов со смертельным грузом авиабомб различных калибров.

Они с остервенением бомбили все на своем пути: цветущие города и села, церкви и школы, больницы и вокзалы. Убивали ни в чем не повинных мирных людей.

Жизнь и смерть, огонь и дым, крики и стоны — все это смешалось в ту зловещую ночь нападения на нашу отчизну.

Ужасы преступной, истребительной войны, от края и до края, от севера до юга всей нашей огромной страны вызвали в сердцах миллионов людей глубокую боль и тревогу, ненависть и презрение к врагу-поработителю.

2. В неравном бою

Весь народ по призыву советского правительства поднялся на защиту своей Родины, на священную войну против коварного врага.

Сержант Простоян о развернувшихся тяжелейших боях в начале войны в своем блокноте записал так:

Зловещее войны начало
в лесу застало средь болот.
В ночь темную враги напали,
встревожен горем весь народ.
Орудий залпы грохотали,
стволы направлены на нас.
В ружье! Мы по тревоге встали,
получен боевой приказ.
Дивизии, полки и роты
к границе подойти должны.
Танкисты, летчики, пехота
на курс прямой войны легли...

23 июня 1941 года наши войска по приказу вышестоящего командования двинулись к пограничной линии. Заняли жесткую оборону. Перед нашими войсками стояла задача изматывать живую силу противника. Не дать ему возможности прорвать нашу оборону, с целью выхода к городу Выборгу и контролировать главные магистрали выхода на Ленинград и к Финскому заливу.

Начались тяжелые бои на дальних подступах к Ленинграду. День и ночь гремела канонада с обеих сторон. Солдатам дивизии казалось, что невозможно сломить сопротивление наших войск. Все дрались как львы, понимая то, что защищают город Ленина на дальних подступах.

Командованию советских войск стало известно, что гитлеровцы направили против Ленинграда удар огромной силы. Они понимали, что Ленинград — это слава России. Город на Неве — это ключ к северу. Отсюда идут пути к Белому морю, Ледовитому океану, в Арктику,

Почти два месяца дивизия под командованием Я. А. Паничкина стойко обороняла полосу фронта более 50 километров. Противник ни на шаг не мог продвинуться вперед на этом направлении.

Пользуясь разведанными, командованию было известно, что в первой половине июня 1941 года, через Норвегию в Финляндию было переброшено три отборных немецких дивизии с автотранспортом для мотопехоты. А несколько позже из Штеттина было направлено в Финляндию около двух дивизий.

По требованию немецкого командования финское правительство начало формирование своих новых дивизий. Против наших войск противник готовил оперативную группировку "Карельский перешеек".

Дальнейшее развитие событий подтвердило, что гитлеровское командование сосредоточило свои дивизии и дивизии Маннергейма для нанесения удара по Ленинграду с севера с целью его захвата.

В августе 1941 года противник сосредоточил превосходящее количество войск. На данном участке фронта создались неблагоприятные условия для

наших частей и соединений, действовавших западнее Ладожского озера. На стыке 23 и 7 армий противнику удалось потеснить наши войска в районе Сортовала-Кексгольм и выйти к побережью Ладоги.

Создалась угроза выхода противника в тыл Выборгской группировки советских войск.

28 августа 1941 года три наших дивизии 45, 115 и 123 с. д., входившие в состав 23-й Армии, по приказу командования Ленинградского фронта начали отход на старую госграницу с Финляндией. В начале сентября заняли оборону на рубеже Лемболово-Медный завод, что в 35-40 километрах от Ленинграда.

Финское командование, инспектируемое гитлеровскими генералами, решило взять город-крепость Выборг обходным путем и в ряде мест перерезать магистраль, ведущую к Ленинграду.

...Ожесточенные бои за город Выборг продолжались уже третьи сутки. Наши части и соединения изматывали живую силу противника на подступах к городу.

Из показаний пленного финского капрала было установлено, что отдельные части финских и немецких войск получили распоряжение перебросить технику через леса и болота и взять под контроль главные магистрали, перерезать все дороги отхода наших войск.

Весь город в эту ночь пылал, как огромный факел. Грохотали орудия больших и малых калибров. Вокруг трещали пулеметы. Ночную темень рассекали нити трассирующих пуль. Противник превосходящими силами врывался в предместье города. Немцам и финнам за последние дни удалось перебросить автоматчиков и легкую артиллерию в непосредственную близость к шоссе к дороге.

Поздно ночью командир артполка подполковник А. Подопрелов был срочно вызван на КП командующего Выборгской группировкой войск.

Высокий, подтянутый, худощавый командир полка через несколько минут докладывал генералу о прибытии по его вызову. Другие офицеры, вызванные генералом, находились уже здесь.

Тучный, широкоплечий генерал в своем приказе был краток. Он сказал: «Товарищи командиры! От командующего фронтом получено распоряжение временно оставить город Выборг нашими войсками. При отходе войск разрушить и уничтожить все объекты и сооружения, которые может использовать противник.

Полковник Я.А. Паничкин, командовавший 123 стр. дивизией в 1941-1942 гг.

На командира 272-го стрелкового полка, полковника Боброва, и командира 200-го ГАП, подполковника Подопрелова, возлагаю задачу обеспечить прикрытие отхода основной группировки войск на новые оборонительные рубежи. Подрывным группам уничтожить за собою все мосты и другие сооружения, имеющие важное значение для противника. Поэтапный, организованный, скрытный отход войск начать сегодня, ровно в полночь. Группе прикрытия занять к этому времени наиболее удобные и выгодные позиции.

В северной и северо-западной части города противник яростно повторял одну атаку за другой. Группа прикрытия сдерживала натиск противника. Бои доходили до самого высокого накала и нередко заканчивались рукопашными схватками у траншей и оружейных площадок.

Группа прикрытия, возглавляемая смелым, отважным и решительным командиром Подопреловым, находилась в тяжелом положении. Четвертые сутки непрерывно артиллеристы и минометчики, пулеметчики и автоматчики в упор расстреливали яро наседавшего противника.

Убит начальник штаба артполка старший лейтенант И. Лавров. Вышла из строя полностью первая артбатарея, находившаяся на правом фланге участка прикрытия.

Уже в который раз рукопашная схватка происходила непосредственно у КП полка. Создавалась угроза гибели знамени полка. Но горстка смельчаков, возглавляемая офицером связи лейтенантом Стрельцовым, огнем автоматов и гранатами встала на защиту знамени.

Когда в неравном бою группа отважных редела, командир полка приказал лейтенанту Стрельцову любой ценой обеспечить вынос знамени из опасной зоны и доставить его в район сосредоточения своих войск у бывшей старой границы, пункт Лемболово. Для немедленного выполнения этой, особо важной задачи, выносу знамени полка, было приказано сформировать спецгруппу из 35 человек из числа наиболее смелых и отважных солдат и младших командиров.

3. Отряд особого назначения

Для выполнения задания по выносу знамени полка с поля боя лейтенант Стрельцов немедленно приступил к созданию группы особого назначения. Сам он тут же пополз к траншеям передовой обороны, а связного полка направил на правый фланг к командиру орудия сержанту Простояну. Когда связной подполз к траншее с блиндажом и оружейной площадкой, где находился Простоян с расчетом и группой автоматчиков, атака противника уже была отбита. Перед траншеей валялись трупы противника.

Встретив сержанта Простояна, связной передал приказание командира — подобрать трех лучших бойцов и немедленно прибыть на КП командира полка для получения особо важного задания.

Когда к КП полка прибыл Андрей Простоян и с ним бойцы — Жора

Лебедев, Николай Бессонов и Петр Петухов их тут же встретил командир и тепло по-отцовски пожал всем руки. Обращаясь ко всей подобранной группе, собравшейся в землянке, он сказал:

— Обстановка для группы прикрытия сложилась весьма сложной и опасной. Создалась угроза гибели знамени полка, а это недопустимо. На вас, боевые друзья, возлагается ответственная боевая задача. Вам необходимо во чтобы-то ни стало прорваться через вражеское кольцо и вынести боевое знамя нашей части. Помните, наше знамя является символом героизма и мужества, символом чести и славы. На вас возлагается надежда, что вы сумеете преодолеть здесь двойное или тройное кольцо вражеских автоматчиков и, в последствии, по тылам врага выйти на соединение с нашими войсками, занявшими оборону у старой границы.

Здесь вы храбро и умело сражались, и явились надежным прикрытием при выходе основных сил группировки наших войск к Финскому заливу, откуда они на кораблях будут переброшены на новые рубежи обороны Ленинграда. Помните же, что никакие случайности не должны помешать вам выполнить свой высокий долг перед Родиной.

В путь вы должны взять с собою только самое необходимое: холодное и горячее оружие, боеприпасы и питание. Но прямых боев с противником вы будете избегать. Оружие будете применять только в исключительных случаях, для самозащиты. Группу по выносу знамени возглавляет лейтенант Стрельцов.

Сообщаю вам, что группа прикрытия прошлой ночью начала перебазироваться на новые, запасные позиции, расположенные на холмистой возвышенности, примыкающей к лесному массиву.

Ваша группа к 20 часам должна сосредоточиться в кустарниках, примыкающих к болоту, на южной окраине холма. С наступлением сумерек, в 21 час, вы начнете организованный выход из этой зоны.

И в заключение командир добавил: «Ваша группа будет называться «отрядом особого назначения».

4. Мёртвая зона

К 20 часам группа, возглавляемая лейтенантом Стрельцовым, находилась в указанном месте сосредоточения.

Перед группой он поставил боевую задачу, обратив особое внимание на меры предосторожности, взаимовыручку друг друга и в экономном и рациональном использовании боеприпасов и продуктов питания. Он сообщил, что знамя будет находиться непосредственно при нем.

На случай его гибели командование группой возглавит сержант Простоян. Его заместителем назначаю ефрейтора Лебедева.

И в заключение он добавил: «В 21 час с этого пункта совершаем поход. Путь для нас будет нелегким и опасным. Мы будем проходить по тылам врага, который рвется к Ленинграду. Могут быть неожиданные встречи с

войсками противника, его огневыми средствами и различными непредвиденными сюрпризами. Прошлой ночью, правее нашего пункта сосредоточения, под прикрытием огня, выходило несколько групп наших войск. Выход показал, что в лесу на деревьях сидят автоматчики и обстреливают сверху. А слева, вплотную к опушке леса, через болото, простреливается местность минометным и артиллерийским огнем противника. Создана "мертвая зона". Маршрут нашего похода один для всех. Двигаться будем строго на юг, на Ленинград, по бездорожью, по лесам и болотам, и только в ночное время. У кого из вас будут какие-либо вопросы или личные суждения? Прошу кратко все изложить».

Каждый из группы все обдумывая и, казалось бы, всем все ясно. Двигаться вперед, и все. Но Андрей Простоян имел свое мнение. Он попросил разрешения внести некоторые предложения.

— Я считаю, что выход отсюда необходимо совершить с учетом сложившейся обстановки и с точным и строгим учетом местности. С этого пункта мы должны начать выход не строго на юг, а гораздо левее, прижимаясь к болотистой местности, что дает возможность обхитрить противника и миновать мертвую зону, сохранить наши силы.

Нам известно, что финские автоматчики сидят на деревьях днем и ночью, чтобы не дать возможности пройти их линию расположения незамеченными. Вот почему нам необходимо пробиваться как можно левее группы высоких деревьев опушки леса, прижимаясь вплотную к болоту. Между лесом и болотом должна быть зона безопасности, которая не может простреливаться артиллерийским и минометным огнем по той причине, чтобы не поразить обстрелом своих автоматчиков. В то же время и автоматчики не могут находиться на деревьях, находящихся близко у болота, чтобы сохранить зону безопасности и не попасть под обстрел своего арминогна.

Но, несмотря на очевидность и важность этого предложения Простояна, некоторые высказывались против этого предложения, побаиваясь попасть в болото.

Но командир Стрельцов поблагодарил за такое предложение и принял решение: «Выползайте несколькими звеньями друг за другом, прижимаясь как можно ближе к болотистой местности».

Кроме этого предложения Простоян внес другое, не менее важное. Он сказал, что необходимо было бы на всякий случай установить пароль, так как при выходе в темноте нельзя разобрать, где свои, а где противник. А вполне возможно, что мы и выползем в какое-либо расположение противника. Пароль предлагаю цифровой, к примеру — "37". Если при движении я встречаюсь с какой-либо сомнительной фигурой, скажем между кустарниками, то я потихоньку спрашиваю: 37? Если это свой, то должен ответить эту цифру наоборот, то есть — 73! Это дает знать, что встретились свои.

Не ожидая мнения командира и других, ефрейтор Лебедев, восхищаясь предложением Простояна, сказал: «Так это же и есть самая настоящая солдатская смекалка, которая нам всем во многом поможет. Это предложение

командиром так же было принято, одобрено и узаконено. К этому предложению ефрейтор Лебедев внес еще одно. Он сказал, что возможно при движении мы напоремся на противника, нам будет навязан бой, и нас всех рассеют в разные стороны. Тогда мы должны заранее, то есть сейчас, наметить место сбора после выхода из этой опасной зоны».

Это предложение было правильным и своевременным.

Командир Стрельцов указал, что сбор всей группы состоится в кустарниках южной части озера "Кривого", что примерно в 3-х километрах отсюда. Тут же Лебедев предложил не одевать касок из-за тяжести излишней и неудобств в движении. Это предложение было отклонено.

Вопросов и других предложений больше не было ни у кого из группы. До начала выхода оставалось всего несколько минут. В эти минуты мысли каждого работали особо напряженно.

Всем было ясно до предела одно, что только твердая воля, смекалка и мужество могут послужить умелому использованию всех возможностей для успешного выполнения задания командования.

Перед началом выхода оставалось немного времени. Андрей Простоян подполз к своему другу, ленинградцу Жоре Лебедеву, и, наклонившись поближе, спросил: «Как ты себя чувствуешь, Жора?»

— Не хуже других, — ответил он.

— Жора, у меня есть негласный завет, — сказал Андрей. — Кроме групповой взаимовыручки я предлагаю дать друг другу слово о нашей личной взаимовыручке. Она заключается в том, что мы ни в коем случае не должны оставлять друга в беде, должны себя подстраховывать.

Мы должны все действия свои согласовывать, быстро принимать решения в любой самой непредвиденной обстановке, раз уж на нас с тобою возложена такая миссия: я — заместитель командира отряда, а ты — заместитель мой.

— Вполне согласен с тобою, — ответил Жора. — Я тоже с тобою об этом хотел говорить, но ты меня упредил. В знак согласия я жму крепко твою руку и клянусь, что отныне и до конца мы с тобою неразлучны.

Сигнал для выхода был дан. Между кустарниками, в густой лесной траве осторожно, боясь сломать даже сухую ветку, одно за другим на небольшом расстоянии, в развернутом виде, двигались звенья.

В лесу совсем темно. Проходила одна минута за другой. Кустарник у болота слева оставался позади. Андрей Простоян со своим другом Лебедевым по указанию командира находились в замыкающей цепи.

Поправив на голове каску, прислушиваясь к царящей тишине, Простоян продолжая ползти дальше вперед. Впереди еле заметно наблюдались движущие силуэты группы бойцов.

Проползли в лесу еще метров сорок-пятьдесят. И вдруг, где-то справа, с верхушек деревьев донесся сигнал рожка, хриплый, зловеющий звук которого повторился несколько раз.

Все поняли, что были обнаружены засевшими на деревьях автоматчиками. В тот же миг справа, сверху в сторону движущихся цепей, ливнем полетели

трассирующие пули.

Медлить нельзя. Путь только один — вперед. Вынув из кобуры пистолет, который был передан вместе с планшеткой, компасом и биноклем Андрею Простояну после гибели начальника штаба полка старшего лейтенанта Лаврова, он зажал его крепко в руке и быстро начал ползти вперед от дерева к дереву. Всего в нескольких метрах, то спереди, то сзади от Простояна ложились со свистом трассирующие пули. Вдруг, с большой силой кто-то дернул за ствол пистолета в его руке. Зазвенела каска на голове и съехала набок. Сверху посыпались ветки и сучья деревьев. Припав всем существом к земле, уткнув голову в гнилой пенек, он несколько мгновений лежал в оцепенении, размышляя о том, что произошло, не ранен ли он сам? И тут в голове прояснилось, созрел ответ на произошедшее. Автоматная пуля попала в пистолет, рикошетом отскочила от него и попала в каску, сделав глубокую вмятину, создала своеобразный звук и с силой сбила ее набекрень.

Вот тебе и не надевай каску, подумал тут же Простоян. Вот тебе Жора и ответ на твой вопрос, лишний это груз или нет?

Что такое каска в бою? Каска — это страж твоей жизни, еще раз убедился в этом Андрей.

С этого места он пополз вперед. Ему хотелось знать все о ребятах отряда, которые так же, как и он, ползут впереди, ползут под ливнем трассирующих пуль "кукушек".

Проходили ужасно томительные минуты обстрела. В каждое мгновение Андрей инстинктивно ожидал момента, когда вот-вот какая-либо пуля вонзится в его тело.

Среди свиста пуль ему послышался чей-то стон, но, напрягая свой слух и внимание, Простоян стремился убедиться, не показалось ли это ему? Но рядом полз Жора Лебедев и, приблизившись к Андрею, он спросил: «Ты не слышал ли случайно крика и стога?»

— Крика я не слышал, но мне показалось, что кто-то там стонет, — ответил Андрей.

И когда наступила минутная тишина, Простоян еще раз услышал спереди отчетливый стон. Но где он, откуда донесся к ним, справа или слева, трудно было понять.

Продолжая ползти вперед, Простоян заметил обозначившийся силуэт лежащего человека. Когда подполз еще ближе, он распознал лежащего командира.

— Вы живы, товарищ командир, поползем дальше? — тихо спросил Андрей.

И когда на его голос не последовало никакого ответа, то у Андрея мгновенно пересохло в горле. Он ничего не мог промолвить, механически протянул руку к телу командира, провел по его спине и почувствовал что-то теплое и липкое между пальцев своей руки. Это сочилась кровь сквозь гимнастерку, изрешеченную пулями автоматной очереди. Командир был мертв.

Андрей Простоян начал перекатывать тело командира на плащ-палатку. В это время подполз к нему Жора Лебедев. Когда он подполз к Андрею, то без

слов понял всю трагедию гибели командира.

Не говоря ни слова друг другу, они мгновенно уложили тело командира на плащ-палатку и начали ползком эвакуировать его из опасной зоны.

Слева, в болоте, рвались мины, справа бешено раздавались автоматные очереди с трассирующими пулями. Но Простоян словно забылся на какое-то время. Он не обращал внимание на непрерывный обстрел, который велся наугад противником по горстке смелых и отважных людей.

Отдавая свой долг и последнюю почесть своему командиру, Простоян и Лебедев метр за метром продвигались вперед среди высокой травы и кустарников, между деревьями, чтобы дотащить его тело до условленного места, где должна встретиться вся оставшаяся в живых группа, где можно было похоронить своего командира.

Проходили минуты, выстрелы редких автоматных очередей оставались где-то позади, и Андрей, вместе со своим другом, пробиваясь все дальше и дальше вперед, обливаясь едким потом, прислушивались к каждому шороху. Они понимали то, что в любую минуту могут наскочить на засаду, или на огневую точку противника. В тот же миг Простоян и Лебедев увидели, как впереди сверху вниз косо пошли к земле сверкающие трассы. Значит, еще не все опасности миновали. Они приостановили движение у самого ливня и свиста пуль. Прильнули к земле, и словно замерли, ожидая конца обстрела.

— Да, Андрей, теперь я вижу, насколько ты предусмотрительный. Видимо война с белофиннами тебя многому научила.

— Конечно, война не терпит легковых и слабохарактерных. Но она еще только начинается для нас, как видно по обстановке, — сказал Простоян. Вот и сейчас перед нами с тобою встает вопрос, что дальше делать, как двигаться?

— А что делать? — двигаться вперед, — ответил друг Жора.

— В том-то и дело, что ползти сейчас вперед нельзя ни в коем случае.

— Почему же нельзя так двигаться? — удивленно спросил Жора.

— Да потому, что надо видеть, под каким углом ложатся трассирующие пули. Видно, что там впереди не иначе как расположена третья линия "кукушек". Может быть она последняя, но она еще больше будет насыщена огнем. Здесь нельзя нам допускать глупой оплошности. Мы должны немедленно вернуться немного назад, как бы это ни было нам трудно и обидно. Мы должны пройти в обход эту мертвую зону, проползти вокруг этих кустарников и с другой их стороны выйти поближе к болоту, где рвутся мины. А так, как это не прицельный огонь, то для нас он не так опасен.

— Андрей, ты прав, я с тобою согласен. Мы чуть передохнем, и у нас хватит сил пробиться к назначенному месту.

Миновав огромные заросли кустарников, двое уставших до предела солдат выползли к большой опушке леса.

Андрею показалось, что покров темноты как будто бы кто снял. Это была поляна. Андрей и Жора, прижимаясь к опушке леса, взяли прежний курс движения между разрывами мин и снарядов с одной стороны и автоматными трассирующими пулями с другой стороны. Вот они пересекли проселочную

дорогу. Андрей тут же приостановился, осмотрел траву, прощупал руками грунт колеи дороги. Он слегка вздохнул, убедившись в том, что никакой транспорт здесь вроде бы не проходил.

Теперь он был уверен, что можно смело пробираться в направлении небольшого озера "Кривого".

Андрей напрягал мысль, чтобы вспомнить, на каком расстоянии находится опушка леса с проселочной дорогой от кустарника с озером и как нужно им двигаться, чтобы попасть к назначенному пункту. Но теперь они все это найдут. Вся стрельба осталась далеко позади. Простояну хотелось побыстрее встретиться со своими ребятами группы особого назначения.

Преодолевая метр за метром пространство в густом нехоженном лесу, Простоян и Лебедев выбились окончательно из сил, и друг у друга просили разрешение сделать хоть маленькую передышку.

Они подползли к широкоствольному дереву с роскошной зеленой кроной, прислонились к нему, и сами того не заметили, как опустились в траву.

Сколько времени так просидел Андрей, он этого не помнит. Не знает этого и Жора.

Одно только помнит Андрей: глаза его мгновенно раскрылись, когда он услышал два знакомых слова - "тридцать семь?" Он даже не поверил в то, что услышал им же предложенный пароль. Но тут же он еще раз услышал эти слова, и от радости не мог даже промолвить ответных два слова. Потом, собравшись с мыслями, он ответил - "семьдесят три". И до него донеслось теперь уже родное слово: «Свои!» Андрей увидел, что из-за кустарника поднялись две мощные фигуры и начали приближаться к нему. Это был хорошо знакомый ему солдат Григорий Щербина и его товарищ, напарник. Перед ними открылась одновременно картина горя и радости.

- Мы верили, Андриюша, что ты будешь с нами, что ты преодолеешь этот ад. Но теперь видно, что ты вдвойне его преодолел.

- Но если бы не дружок Жора Лебедев, то неизвестно, чем бы все это кончилось, попав в такой ад и в такую ситуацию, когда тело командира надо было доставлять на такое расстояние, - сказал Андрей своим друзьям.

- Мы вас уже больше часа ищем. Несколько раз выползали в зону обстрела. Но нигде не могли вас отыскать. А теперь все поймут, почему так долго никто не мог отыскать вас, - сказал солдат Щербина.

- Все остальные из группы оставшиеся в живых находятся у озера в условленном месте. Но кроме вас троих до сих пор не вернулось еще пять человек. Погибли ли они или вынуждены были пойти по другому маршруту, никому неизвестно, - сказал Григорий Щербина.

- Значит потери велики, - заключил Простоян. Как жаль, что так нелепо погиб наш командир. Значит, он не до конца поверил в мои доводы о том, что при выходе нужно было придерживаться поближе к болоту, а он очутился на самом правом фланге, где и попал под наиболее интенсивный обстрел "кукушек".

Усталость давала знать о себе. Андрей, поднявшись на колени, обеими

руками обнял Григория Щербину, а затем его друга и сказал: «Ну, что же, ребята, пошли, нас ждут. Впереди у нас трудный путь».

Григорий и Жора машинально подняли на ноги Простояна, затем взяли тело командира, завернутое в плащ-палатку, и пошли по направлению к озеру. Только в третьем часу ночи эта группа солдат доставила тело командира до лесного озера.

Когда тело командира положили на траву, к нему прильнули все, и тихо, без слов, один за другим сняли с головы каски и пилотки. Молчание было недолгим. Андрей Простоян его нарушил. Он сказал: «Дорогие друзья, мы с вами потеряли своего боевого командира. Поклянемся же, что доверенное нам дело с честью доведем до конца».

Он был храбрым и смелым командиром, водил нас в рукопашные схватки с противником. Его не брала ни пуля, ни снаряд, а здесь так ему не повезло. При обстреле "кукушек" он погиб. Отдадим ему свой последний долг, похороним с почестями.

Штыками и финками вырыли могилу у опушки леса, близ озера "Кривого". Оставшись за командира, сержант Простоян сказал:

— Склоним же головы перед светлой памятью нашего командира. Трудно нам будет без него, но мы без колебаний пойдём вперед. Знамя будет хранить при себе физрук полка Григорий Щербина. Его неотступным телохранителем будет его друг солдат Зимин. Выход с этого места будет осуществляться по-прежнему маршруту. Порядок движения, как правило, гуськом друг за другом. Впереди, в голове колонны я иду с ефрейтором Жорой Лебедевым. Все внимательно наблюдают за флангами и друг за другом. Не оставлять в беде товарища при неожиданной обстановке в походе. Замыкающими колонны будут солдаты Петр Петухов и Антон Хлебников.

При особо сложившихся непредвиденных обстоятельствах, сигнал тревоги подавать способом имитации звука ночной совы или болотной лягушки. Помните, что линия фронта противника движется вперед, поэтому и нам с особой осторожностью необходимо продвигаться вперед, так как мы можем наткнуться в его расположении на его засады. Двигаться мы пока что сможем только под покровом темноты.

Отряд, сориентировавшись по компасу и сверив часы по часам командира, начал движение из этого района по маршруту на юг, на Ленинград.

5. Ночная встреча

В оставшееся время, до полного рассвета, группа особого назначения в количестве 29 человек спешила пройти как можно быстрее, как можно дальше от огненного кольца, где погиб командир и не вернулось в строй еще 6 человек.

В предрассветной дымке прошли вдоль опушки леса и спустились вниз, вышли на большой луг, который примыкал к небольшой журчащей речке. В таких местах нужна особая осторожность. Отряд начал свое движение

небольшими группами гуськом, друг за другом.

Не успели подойти к кустарнику, растянувшемуся вдоль берега речушки, как тут же встретились с двумя ночными часовыми противника, которые двигались по тропе вдоль реки с винтовками наперевес.

Все поняли, что это ночной наряд противника, который наверняка охранял мост через реку, что по карте должен быть где-то совсем рядом. Отряд пропустил их по своему направлению, вдоль речушки, не подав никаких признаков подозрений.

Случилось так, что, видимо, и они поначалу приняли увиденную группу за своих и, не обратив внимания, ушли дальше. Но встреча с ними встревожила и насторожила всю группу.

Командир группы Андрей Простоян понимал, что поскольку группе в бой не разрешается ввязываться, то эту зону надо покидать как можно быстрее на тот случай, если часовые противника догадались, что они встретились с группой кочующего противника или с партизанами.

Подойдя к обрыву речки и не выбирая места для более подходящего брода, один за одним бросились вброд через нее. Крупные и мелкие камни, валуны, запрудившие речку, не давали возможности быстрому продвижению через нее на другой берег.

Не успели выйти под косогор у речки на другую сторону, чтобы как можно быстрее скрыться в опушке леса, что примерно в трехстах метрах от берега, как в этот миг раздалась пулеметная очередь, крупнокалиберного пулемета с крыши сарая, что в стороне, справа, силуэт которого еле был замечен. По трассирующим пулям было видно, что был явный их недолет.

Обстрел этот был опасен для всей группы. Стоит изменить прицел, и пули настигнут группу. Но бил противник по группе наугад. Все быстро скрылись в густом лесу. Ранен никто не был.

Утро с серебристой дымкой застало отряд в хвойно-лиственном густом лесу. Все вокруг спало, окутанное осенним лесным туманом. Выйдя на небольшую поляну среди густых зарослей, Андрей Простоян дал сигнал — махнул рукой и тут же сел на траву. Рядом сели и остальные, так как были мокрые до косточки, после брода через реку, и начали приводить себя в порядок: выливали воду из обуви, выкручивали всю свою одежду: носки, портянки, нательное белье.

Через полчаса Простоян пригласил к себе всех поближе и сообщил, что идти дальше в дневное время по тылам противника небезопасно, а тем более после такого тяжелого преодоления опасной зоны ползком среди густых зарослей травы и кустарников. Все изрядно устали.

— Поэтому нам необходимо подобрать самое подходящее место для укрытия, где могли бы спокойно отдохнуть. Я думаю, что еще час-два пройдем в глубь леса и будем присматриваться, где было бы лучше нам приостановиться для отдыха.

Наиболее подходящим местом для отдыха могут послужить ели, кроны которых опускаются до самого низу. Под кронами этих елей может скрыться

для отдыха сразу по несколько человек. Лучше всего, если это будет холмистая местность, на которой будут расти ели. Тогда можно будет повыше подняться, откуда будет лучший обзор за местностью.

Прошло около получаса времени. Приведя себя в порядок и отдохнув немного, отряд пошел вперед, подыскивая подходящее место для укрытия на отдых. Вокруг было тихо. Нигде никаких признаков появления живого человека не было обнаружено. Отряд шел по низине, вдоль небольшого лесного ручья.

Чтобы был обзор местности более удобным, отряду пришлось подниматься выше и выше по холмистому склону, протянувшемуся вдоль ручья.

Проходя по густым зарослям, никто из отряда не заметил на противоположной стороне оврага высокой трубы, видневшейся из-за леса. И только пройдя с километр вперед, замыкающий, наблюдающий солдат Петухов сообщил, что он заметил какую-то фабричную или заводскую трубу, что осталась сзади, слева.

Когда по цепи об этом сообщили Андрею Простояну, он тут же остановился, развернул планшетку с картой, которая принадлежала бывшему начальнику штаба полка, и установил, что на противоположной стороне возвышенности стоит стекольный завод. Он тут же сообщил, что выделенной группе разведчиков необходимо немедленно установить наблюдение за заводом и уточнить: нет ли там признаков присутствия людей, а тем более, что в лесу уже было совсем светло.

Пока отряд находился в укрытии, Андрей Простоян и Жора Лебедев с удобно выбранной позиции поочередно наблюдали в бинокль за заводом. Когда начал смотреть в бинокль Жора, то ему показалось, что внутрь здания завода кто-то зашел. После этого в бинокль наблюдал Простоян и другие, но признаков жизни не обнаружили и поэтому решили, что Лебедеву просто показалось, что кто-то зашел туда внутрь.

Перед тем, как отряду предстояло идти дальше, Андрей сказал, что такое строение как завод, является важным объектом, который в лесу может быть использован вражескими войсками, если только они имеются поблизости. Стало быть, мы должны усилить наблюдение и повысить бдительность, чтобы не попасть врасплох.

Когда отряд прошел вперед еще около двух километров, то обнаружилось подходящее место для дневного отдыха. Под каждой елью, под густыми ветками, стелющимися по земле, могло спрятаться одновременно по несколько человек.

Определив дозорные посты, которые поочередно сменялись, находясь так же в укрытии под елями, отряд расположился на отдых.

После дневного отдыха, набравшись сил, с наступлением сумерек отряд гуськом один за одним двинулся вперед, теперь уже строго на юг. Впереди отряда шел Андрей Простоян. Он шел смело и уверенно так, как будто бы знал заведомо каждую тропку в лесах Карелии.

Так как на каждом шагу могут быть неожиданности, Простоян решил усилить наблюдение за каждым сектором движения. Для этого он организовал специальное наблюдение за флангами и тылом. Каждый пятый солдат в походной колонне должен строго и внимательно следить в своем секторе наблюдения. Обо всем замеченном, вызывающем подозрение на пути следования, немедленно сигнализировать командиру.

Вот уже несколько часов отряд особого назначения, преодолевая всевозможные препятствия на своем пути, двигался стремительно вперед. Это движение было далеко не похоже на движение в первую ночь, когда все находились в западне и "невидимый" враг, невидимо мог убивать каждого, по чистой случайности, без прицельного огня. А это для всего отряда было обидно, так как он по приказу командования не имел права вступать в открытый бой, чтобы сохранить свои силы на длительный рейд, чтобы смогли дойти до линии обороны своих войск.

Теперь они шли вперед гораздо быстрее, хотя на их пути не было проложено троп, и выбирать их здесь было невозможно. Каждая минута для них была очень дорога. Они шли лесами, болотами, полянами, они шли там, где возможно годами не ступала нога человека.

Вот уже для них наступало новое утро. По утрам становилось все прохладнее. Почти у всех пересохло во рту. Была жажда пить. Но пить никто не мог стоячей, болотной, тухлой воды. Все терпеливо ждали того момента, когда на пути встретится хотя бы маленький ручеек со свежей, проточной, ключевой водой. Такой ручеек им встретился только поздно ночью.

Нужен привал, нужен отдых. Но все шли молча, каждый понимал, что разговаривать нельзя. Все знали, что их командир, опытный солдат, он сделает привал именно там, где надо, где будет наиболее безопасно.

И когда они прошли еще несколько сотен метров вдоль ручья, Жора Лебедев, идущий вслед за Простояном, дернул его за руку и сказал: «Здесь». Андрей одобрил это слово "здесь" и в знак согласия молча кивнул головой, как бы говоря всем: да, да, мои дорогие друзья, здесь мы сделаем привал. И, подойдя вплотную к кустарнику, окутанному густой предутренней дымкой, все приземлились.

Отдохнув, приняв по несколько глотков свежей, целебной воды из ручья и закусив остатками сухариков, отряд пошел дальше.

6. Через охраняемый мост

Около трех часов ночи они подошли к реке с железобетонным мостом. Перед мостом вдоль реки направо и налево по берегу тянулось заграждение из колючей проволоки.

Слева от моста в низине обнаружили несколько землянок. У входа одной из них, склонившись на винтовку, дремал часовой. По правую сторону моста, вдоль проволочного заграждения, обнаружили большую сеть проводов и среди них толстый синий кабель. По этим признакам Андрей Простоян и Жора

Либедев сделали вывод, что они находятся в непосредственном расположении нескольких частей или целого соединения противника.

При наблюдении за мостом установлено так же, что он охраняется часовым, который временами удаляется от него на дальнейшее расстояние вглубь деревни.

По другую сторону реки, за мостом, метрах в пятистах был виден отдельный дом, а рядом с ним у дороги стояла автомашина типа полуторки с каким-то грузом, покрытым брезентом.

Для того чтобы двигаться дальше на юг, было принято решение, переходить на другую сторону реки только через данный охраняемый мост.

Для этого необходимо было снять часового. Это приказано было выполнить разведчикам: рядовому Сергею Сидорову и рядовому Федору Потапчуку. Выждав удобный момент, когда часовой покинет мост, рядовые Сидоров и Потапчук, подготовив свои финки, поползли к мосту, затем мгновенным броском перебежали по нему и, свернув направо, в кустарник, у самой его кромки, залегли.

Часовой, возвратившись через несколько минут по своему маршруту, подошел к мосту, у его перил поставил винтовку и решил, по-видимому, закурить. Это был самый подходящий момент снять его. Разведчики мгновенно воспользовались этой возможностью. Они убрали его в один миг, тихо, без шума.

Путь через мост был свободен. Группа Простояна поочередно перебежала через него. И справа, и слева от него сосредоточилась в зарослях, в кустарнике.

Чтобы продвигаться дальше, необходимо было установить, есть ли кто в доме и в автомашине, что стояла у самого дома.

Простоян с группой бойцов, обойдя дом с тыльной стороны, осмотрели одновременно издали и машину. В кабине машины никого не было. Выйдя из-за угла дома, Простоян убедился, что дверь стоит настежь открытой.

Пройдя удачно по мосту на другую сторону реки, отряд мог двигаться дальше на юг, обойдя эти опасные объекты: дом, машину, охрану.

Но у отряда, кроме живой силы противника, был еще и второй, не менее опасный враг, — это голод. У каждого в сумке противогазной оставалось по несколько кусочков сухариков. Каждый хранил их на самый крайний случай. Идя по лесу, отряд питался всякого рода ягодой, травой и даже корой деревьев.

Вот почему отдельный дом за рекой особо привлекал их внимание. Когда зашли внутрь домика, то оказался он пустым. Но совсем недавно, а может быть всего с час назад, здесь кто-то был, так как на плите в казанке стояла еще теплая картошка в мундирах, а на большом кухонном столе лежали финские галеты. Эти остатки пищи были настоящим лакомством для отряда. Добычу быстро поделили между собою.

Выйдя из дома, тут же рядом за ним проверили огород. Удалось почти каждому найти по несколько клубней картошки, а также свеклы и морковки.

Пополнив хоть немного запасы пищи отряд направился в путь, отходя от деревни подальше, в заросли. Когда вышли за деревню, то на пути обнаружили неглубокую, длинную траншею, которая, видимо, недавно вырыта для прокладки линии связи.

Когда начали через нее перепрыгивать, чтобы идти дальше, то сразу несколько человек запуталось в проводах связи, лежавших вдоль траншеи, которых в темноте не было видно. Этим группа обнаружила себя. В сторону движения группы немедленно был открыт пулеметный огонь. Трассирующие пули ложились впереди, преграждая путь выхода на дорогу. Все припали к земле, замерли.

Командир крикнул: «За мной, ползком вперед!»

Отряду необходимо было срочно выходить из зоны обстрела. По сухой болотистой местности все ползли вперед к дороге, которую обязательно нужно было пересечь, чтобы скрыться в близлежащем лесу. Полотно улучшенной грунтовой дороги возвышалось над рельефом окружающей местности. По движущимся силуэтам противник продолжал вести ураганный огонь. Когда Простоян переползал через дорогу на другую сторону, то его ранило в ногу. Он понял, что с ним случилась беда. Но в горячке, в суматохе обстрела, боли он почти не чувствовал. Он теперь уже скорее всего думал не о себе, а о своей ответственности, как командир, за порученное дело, за людей, которые ему доверены. Подсознательно он понимал, что надо ползти быстрее и скрыться от обстрела у обочины дороги. Вот он скатился в кювет, за кюветом густой кустарник, который примыкал к лесу. Когда он полз дальше, в сторону леса от дороги, то обнаружил, что он попал на огневые позиции крупнокалиберных минометов противника. Проползая от миномета к миномету, он выполз из зоны их расположения, и, буквально на одном дыхании, приблизился к опушке молодых елей. Отполз еще чуть дальше в глубь опушки, затем на мгновение остановился, чтобы прислушаться, что делается вокруг и сделать оценку обстановки. Кругом было тихо. Пулемет противника замолчал.

Здесь он почувствовал ужасную ноющую боль ноги. Сможет ли он двигаться дальше? Вот вопрос, который его одолевал. При ошупывании ноги руками, он обнаружил, что кусок голенища сапога вырван разрывной пулей. Попробовал еще раз сделать несколько движений ногою. Было очень больно, но нога поддавалась движению.

Нужна была срочная перевязка. Прележав под густой елью еще несколько минут, Простоян услышал в глубине опушки имитирующий звук лесной птицы. Это спасительный сигнал для него и условный сигнал для сбора отряда, подумал он и начал ползти вперед. Командира все ждали с нетерпением. А когда он подполз к месту сосредоточения отряда, то все поняли, что он ранен. Не теряя ни минуты времени, один из бывших санитаров, Иван Калиновский, принялся за дело. И какое же было удивление, когда увидели за голенищем разорванного сапога финку с раздробленной колодочкой, на которую пришелся весь удар пули.

— Ты, Андрей, в рубашке родился! У тебя кость наверняка не задета. Только сильно повреждена икроножная мякоть. Но с этим мы справимся. Рану обработаем.

После того, когда рану обработали и перевязали, Простоян сказал: «Дорогие мои друзья, как видите, это первое мое боевое крещение, которое обозначилось этим ранением. Но я с вами, я в строю. Правда для дальнейшего передвижения мне понадобится крепкая медицинская палка».

Всякий раз, как только после тех или иных приключений они встречались снова вместе, у всех на душе царил необыкновенная радость. Задание, выпавшее на их долю, было не простым и не легким. Всякий раз при встрече с противником потери в отряде оказываются неминуемыми. На этот раз погибло два бойца, и ранен сам командир Андрей Простоян и боец Алеша Федоров, на глазах у которого и погибло два товарища во время выхода из зоны обстрела.

Наступало утро, отряду нужен отдых. Надо было укрыться от врага. Прятаться отряд научился так, что противник их не всегда может заметить, даже проходя в непосредственной близости. В этом они уже однажды убедились. Для этого они тщательно подбирали участки леса, где преобладала ель, ветки которой опускаются к самой земле.

И на этот раз, в подобранном месте, под каждое дерево елки залезло по несколько человек, где могли отдохнуть, крепко уснуть, кроме одного из них, чья подходила очередь дежурить, то есть лежать рядом, но не спать, прислушиваться и, по возможности, внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг.

По мере накопления опыта, отряд временами переходил к смелым вылазкам и рейдам. Когда они на пути встречали неожиданно небольшие группы противника, то, как правило, они в бой не вступали, избегали его. Они пришли к выводу, что противник сам боялся внезапного их появления. Они нашу группу зачастую принимали за партизан. Обычно вечерами отряд делал засады у дорог, по которым передвигались вооруженные велосипедисты или мотоциклисты, мародеры с наполненными рюкзаками за плечами. Мародеры противника небольшими группами ездили по населенным пунктам за добычей.

Наши смельчаки поперек дороги натягивали телефонные провода, которые почти везде валяются у обочин дорог. Провода натягивали от дерева к дереву на определенной высоте, которых в сумерках совсем незаметно. Делали засады и выжидали, как только на провода натыкались велосипедисты и в замешательстве падали на землю, их немедленно наши разведчики уничтожали холодным оружием, без единого выстрела.

Нередко наша группа и сама натыкалась на случайные засады, на расположение огневых точек или целых частей и подразделений противника, как это было при прохождении через охраняемый мост. В таких случаях старались не вступать в открытый бой, чтобы сберечь силы своей группы. Но

с каждым продвижением вперед, с каждым днем продвигаясь на юг, их становилось все меньше и меньше.

7. Моторазведка противника

Самыми тяжелыми и опасными для отряда оказались седьмые сутки похода. Движимые желанием как можно быстрее выйти к своим, они зачастую пробовали совершать рейды по тылам противника и в дневное время, если не обнаруживали поблизости расположения противника.

Так случилось и на этот раз. В дневное время группа подошла к опасному участку. Необходимо было переходить из одного массива леса в другой, через полотно железной дороги, которое пересекала грунтовую извилистую дорогу, делящую лесное болото мостом на две части.

Осмотрев окружающую местность извилистой грунтовой дороги и железнодорожного полотна, перебежками начали переходить через дорогу. Несколько человек из группы перескочило этот участок, не предвидя никакой беды. Но только начали перебежками переходить лесную дорогу остальные, как из-за крутого ее поворота как из-под земли, метрах в двухстах пятидесяти появилась разведгруппа мотоциклистов противника. Встреча здесь с противником была чисто случайной неожиданностью для всего отряда.

Увидев нашу группу, мотоциклисты приостановились на мгновение в замешательстве. Группа могла бы рассеять противника, но в бой открытый она не имела права вступать. Поэтому, заметив группу мотоциклистов, отряду оставалось одно, как можно быстрее скрытно уйти. Укрыться от возможного обстрела противника в разреженном лесу невозможно. Впереди, в непосредственной близости, находилось болото с кустарником.

Находясь рядом с основной группой, Простоян крикнул: «За мной ребята, вперед!» Но он побежал не в ближнюю южную часть кустарника, а наоборот, в дальнюю, северную, откуда они шли, чтобы завести противника в заблуждение. Но часть группы завернула в южную часть болота, чтобы быстрее им скрыться от противника.

Пробившись болотом по пояс в воде как можно дальше от дороги с мостом, идущим через болото, Простоян вцепился руками за стволы кустарника и, опустившись пониже в воду, повис на руках и висел в оцепенении, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Прошло какое-то мгновение, и начался кошмар для отряда. Сначала стрельба велась по убегающим с дальнего расстояния из пулеметов, установленных на мотоциклах, потом они приблизились к болотистой местности и начали обстрел из пулеметов и автоматов.

Несколько минут подряд ураганная стрельба велась в одну, южную часть кустарника, как и предполагая Простоян. Изрешетив весь южный кустарник, огонь был перенесен на северную часть кустарника. Срезанные ветки кустарника посыпались сверху на голову Простояна. Инстинктивно он пригнул голову еще ниже к холодной, болотистой воде. Затем еще несколько

автоматных очередей было дано влево, вправо, и все затихло. Послышался непонятный говор, потом гул моторов мотоциклов. По всему видно, что мотоциклисты вернулись в обратный путь, туда, откуда они сюда ехали.

Через пять-десять минут после затухания рокота моторов, в лесу воцарилась тишина. Наступали сумерки. Бойцы группы, убедившись, что нет угрозы со стороны противника, начали осторожно выходить из болота в лес, и с разных мест снова взяли курс на юг, на Ленинград.

Сколько человек не вернулось в группу после этой опасной и неожиданной встречи с противником, они узнали лишь в районе сосредоточения на опушке леса, близ населенного пункта, где собрались для кратковременной передышки и оценки обстановки действий.

Из второй части группы, бежавшей на юг, сообщили, что, заметив внезапно появившихся мотоциклистов противника у изгиба дороги за кустарником, они все моментально бросились в ближайшую часть кустарника на болоте. Отбежав сколько можно было вперед под градом пуль, начавшегося обстрела, часть бойцов залегла, а другая часть продолжала стремительное движение на юг под обстрелом. В это время очевидец, боец Валентин Смирнов, будучи ранен в руку, видел, как на его глазах погибло несколько человек в болоте. Всего в район сосредоточения не прибыло семь человек бойцов.

8. Случай в доме с мезонином

Наиболее курьезный случай произошел с оставшейся группой в 12 человек. Продвигаясь дальше на юг, на Ленинград, на 14 сутки, они рано утром вышли из леса в район финской деревни. На окраине деревни группа вначале подошла к сараю с навесом, где хранилось сено. А в нескольких метрах отсюда виднелись домики лесной деревни. Разведчики группы сообщили, что людей в деревне нет.

Встал вопрос: где группа должна осуществить свой отдых? Зарыться в сено и там отдыхать, или же на одном из чердаков в деревне? Почти все настаивало на том, что надо отдых устроить в сарае, в сене.

Но Андрей Простоян настаивал на том, что для большей безопасности и лучшей самообороны необходимо укрыться в одном из домов на чердаке. Он мотивировал это тем, что заметил, что сено уже кто-то увозил отсюда, так как следы свежего сена были разбросаны вокруг сарая. А это значит, что за ним также могут приехать в любое время, если где-то поблизости расположилась часть противника.

И часть бойцов, которая даже была не согласна с доводами командира Простояна, вынуждена была подчиниться его приказу. Вся группа пошла за ним. Для отдыха они избрали третий от края деревни дом с мезонином. Когда вошли в него, то заметили, что в нем уже порядком времени никто не жил, так как на столах и на кухонной посуде обнаружили следы пыли. В сенях стояла лестница, которая служила постоянным лазом на чердак.

Сам чердак был разделен перегородкой на две части. В деревянной перегородке имелась небольшая дверь. За эту дверь и вошла вся группа. Оказалось, что здесь уже была не одна группа выходящих из окружения наших солдат, так как здесь было много сена, соломы, где, наверняка, они отдыхали. Здесь также обнаружены очистки от свеклы, моркови и капусты.

Командир Простоян сообщил группе, что для отдыха в их распоряжении имеется всего несколько часов. С наступлением рассвета, они должны покинуть это место и уйти в лес по маршруту.

Это время необходимо для того, чтобы не только подкрепиться остатками всего съестного, у кого что есть, но и, главное, несколько согреться и подсохнуть после похода по мокрой траве и по лесным зарослям, кустарникам, покрытым росой.

Для безопасности один из членов группы нес службу часового, который не имел права дремать, хотя также лежал со всеми в соломе и отдыхал до его смены.

Согревшись немного, Простоян долго не мог задремать, так как все больше и больше давала знать о себе раненная нога. Когда он находился в движении, то боли этой он почти не замечал. Но стоило остановиться на отдых, как это уже становилось нестерпимым.

Часы на его руке равномерно тикали, отбивали секунды и минуты. Все уже погрузилось в глубокий, сладкий сон. Но Простоян не смог сомкнуть глаз. Мог ли он, бывший учитель, человек самой мирной профессии когда-либо подумать о том, что ему придется переносить такие тяготы в жизни. А тут еще и такое ранение. Прошло уже чуть больше трех часов, как его группа забралась на чердак, на отдых. В окошко и в щели чердака уже брезжил рассвет. Простоян подумывал о том, что уже, пожалуй, нужно им двигаться на юг не только в ночное время, но и днем, так как они, видимо, далеко оторвались от фронтовой линии противника, и поэтому нет особой опасности встречи с ним.

В это же время он услышал дальний рокот автомашины, который нарастал все сильнее и сильнее. Потом гул мотора прекратился, и послышался говор людей, на непонятном для Простояна языке. Он подполз к окошку чердака и заметил часть кузова машины, в которую вилами погружали сено.

Спустя несколько минут Андрей заметил двух солдат противника с винтовками наперевес, которые от сарая с сеном вышли на улочку и зашли в первый дом, а через несколько минут они вышли оттуда, и пошли в направлении к их дому. Это явные мародеры, подумал Простоян.

Андрей в тот же миг разбудил Жору Лебедева, а затем и остальных и сообщил о случившемся, чтобы были все наготове, на случай, если в дом зайдут солдаты противника.

Через несколько минут в их доме заскрипела входная дверь. В дом вошли солдаты, загремели ведром, что стояло на полу под столом, потом загремели посудой на кухне, и о чем-то громко говорили.

Подготовив пистолет и гранату, Простоян подполз к двери в чердачную

перегородке и выжидал того момента, когда кто-то из солдат противника поднимется по лестнице на чердак.

Подав сигнал всем — внимание, Простоян, затаив дыхание, следил в щелку за тем, поднимется кто-либо по лестнице, или нет?

И вот лестница закрипела. Тот, кто находился внизу, что-то громко сказал, а затем рассмеялся. В этот миг Простоян увидел в щель, как, поднявшись по ступенькам лестницы на уровень груди над чердаком, стоял солдат с крупным, круглым лицом и, остановившись, осматривал чердак. Но там, в первой части чердака ничего не было такого, чтобы привлекло внимание. Он так постоял, посмотрел и что-то сказал на непонятном языке.

Еще секунды, и может решиться вопрос о судьбе, о существовании всей группы. Полезет ли враг дальше, во вторую половину чердака или нет? И тогда в ход должны пустить пистолеты, гранаты, тогда может завязаться бой между отрядом Простояна и группой противника, прибывшей за сеном. Но здесь наш рок гибели миновал нас.

Снизу послышались звуки: «Аля, аля!» И в это время солдат, стоявший на лестнице чердака, опустил голову, нагнулся и начал опускаться вниз по лестнице. Внизу еще несколько минут поговорили они между собою, и закрипела входная дверь. Этот скрип возвещал о том, что солдаты противника наверняка покинули дом.

Жора Лебедев, следивший в окошко чердака за машиной, сообщил, что от нашего дома к машине пошло двое солдат.

У всей группы Простояна отлегло напряжение на душе. Дом же надо покидать немедленно. Но этого сделать нельзя, пока не уедет машина с сеном. Молча, в кромешной тишине, все ждали момента, когда заработает мотор. Но рокота машины не было слышно.

Почему машина противника не уезжала? Андрей Простоян ломал голову: возможно сюда еще должна прибыть машина, которую должны загрузить сеном эти же солдаты? А возможно у них есть время заняться мародерством, и обшарить все дома лесного поселка?

При всех случаях, не ожидая отъезда малины, необходимо незамедлительно скрытным образом покинуть этот дом и этот поселок.

Командир Простоян принял решение: выход из дома сделать глухой, тыльной стороной, через огород в лес. Для этого необходимо было очень осторожно без особого шума выставить окно на кухне, которое ведет в сад, что позади дома, а за домом — лес.

За считанные минуты солдатами-умельцами проделана эта работа. И, когда уже все были в лесу, в местах недосыгаемых для противника, группа сделала привал. Радость у всех переполняла их сердца. Ведь жизнь всех была на волоске, если бы они вынуждены были ввязаться: в бой. Могли бы погибнуть не только они, но и все дело по выносу боевого знамени.

На этом очередном привале необходимо было решить несколько вопросов, которые командир Простоян вынужден поставить перед отрядом. Первый из них, и главный, состоял в том, чтобы начать с этого дня движение

на юг, на Ленинград, не только по ночам, что замедляет их движение, но и днем.

Второй вопрос, вытекающий из первого, привалы делать для отдыха более короткие, но более частые и днем, и ночью.

Третий вопрос — это борьба с голодом. Нет хлеба, нет сухарей, нет фруктов и овощей. Все надо было как-то добывать.

По первому и второму вопросу без обсуждения все были согласны. Решение командира ускорить свое движение на юг полностью одобрили. По третьему вопросу выдвигались самые разные предложения. Одни предлагали заходить в хутора и поселки и добывать пищу. Особенно на этом настаивали те, кто курит. Для них табак, сигареты, добывание хотя бы окурков в домах было более настоятельной необходимостью, чем даже хлеб, сухари и картошка. Другие предлагали устраивать засады на дорогах, которые уже применялись для нападения на отдельных мотоциклистов, велосипедистов и даже на грузовые машины противника.

После обсуждений было принято решение: при особо подходящих случаях иметь в виду все эти варианты, а пока для продолжения движения по выполнению боевого задания в данный момент использовать дары леса — лесную ягоду, грибы, орехи лесные, съедобные корни медицинских трав и даже кору и побеги некоторых деревьев и кустарников. А курящие хоть в какой-то степени утоляли свою жажду использованием для этого сухих листьев деревьев.

Гонимый стремлением вперед, отряд Простояна шел вперед и днем, и ночью. Отряд чувствовал и понимал, что он все ближе и ближе подходит к своим войскам. Они это определяли не только по количеству пройденных дней, по количеству метров и километров, они это определяли по полетам самолетов своих и противника и по другим признакам: по перестрелке дальнобойной артиллерии. Движение в дневное время давало возможность отряду проходить гораздо большее расстояние, чем раньше.

9. В расположении противника

С огромным трудом давались отряду пройденные километры. Физически изнуренные, оборванные и обросшие до неузнаваемости, они приближались к старой госгранице по реке Сестре.

Выйдя из леса, примыкающего к берегам реки этой реки, группа Простояна очутилась на красивой зеленой лесной поляне с молодыми, стройными елями. Перед тем, как переходить в брод или вплавь реку, необходимо было разведать, где удобнее всего это сделать?

Во время обследования местности отряд Простояна внезапно обнаружил, что все они находятся в расположении каких-то частей противника. Вдоль опушки леса они обнаружили такую же сеть проводов связи и среди них толстый, синий кабель, какие уже встречали у одного из охраняемых мостов через водную преграду. Это всех насторожило до предела. Но тогда была

ночь, а сейчас день. Все на виду. Деваться некуда. Вся группа гуськом шла вперед, вдоль обнаруженной системы связи противника, чтобы определить, куда она идет, если впереди преграда — река.

Пройдя еще несколько метров вперед, все прямо ахнули. Перед ними, среди молодых, стройных елей обнаружилось несколько землянок, а у одной из них стоял на привязи красивый, упитанный, с золотистым отливом шерсти конь. Вокруг не было ни души. Но недалеко от берега, справа, из-за верхушек молодых елей клубились струи дыма. Когда подошли поближе, то обнаружили, что там стоит походная армейская солдатская кухня, из трубы которой струится дым. У кухни находилось несколько солдат. Заметив появление отряда, они начали кончать: «Аля! Партизан! Аля! Партизан!» Отряд в тот же миг повернул в противоположную сторону, влево. Отбежав от этого места с кухней несколько метров вдоль берега реки, на ходу оценивали местность, определяли, где лучше и безопаснее прыгать с высокого обрыва вниз, в реку, чтобы вплавь переправиться на противоположный берег.

В это время появилась группа автоматчиков противника. Они начали интенсивный обстрел отряда. Командир отряда Андрей Простоян на ходу успел подать команду для всех: «Отряд, вперед к обрыву, вниз!» Пробежав стремительно еще несколько метров вперед с группой бойцов, он прыгнул по отвесной стене обрыва вниз к реке, а за ним остальные бойцы, бежавшие вперед.

Спустившись кувырком по склону крутого обрыва, Простоян обнаружил у самой реки заросшую травой тропинку. По ней отбежал он еще несколько метров, чтобы не достали пули противника, увлекая за собою остальных. И тут сходу он нырнул в холодную воду осени, и по дну реки добрался до противоположного берега с кустарниками над водою. Здесь он вылез на берег, недостижимый автоматному обстрелу противника. Вслед за Простояном на берег вышло еще несколько человек из отряда. Не останавливаясь у берега, по зарослям, в кустарниках, по оврагам, группа бойцов из отряда стремилась подняться вверх и приблизиться к опушке леса.

Укрывшись в лесу близ берега с группой бойцов, Андрей Простоян дальше не мог уходить, пока не прояснится обстановка, что произошло с остальными, и, в первую очередь, где находится Григорий Щербина, так как при нем находится знамя полка. Все вышедшие из воды по команде командира расположились в цепочку так, чтобы можно было из-за укрытий наблюдать за выходом из воды остальных бойцов отряда. Всех надо было подзывать к себе, так как на этот раз никто не мог знать, где могло быть место сбора отряда из-за неожиданной встречи с противником среди бела дня на его же территории дислокации.

Никто не знал, что при внезапном обстреле противником Григория Щербину за собой увлек Жора Лебедев, и они бежали в сторону своего командира, но с обрыва опустились еще дальше, чем сам командир, чтобы наверняка быть недостижимыми для автоматного обстрела. За ними бежал и телохранитель Щербины — солдат Зимин. Вышли они на противоположном

берегу реки гораздо дальше, чем группа во главе с командиром. По этой причине много времени пришлось затратить на то, чтобы собрать всех бойцов в условленное место, прибегая к условленному способу сбора всех в одно место, с применением имитационных звуков лесных птиц.

Не всем бойцам отряда было суждено уйти от обстрела противника и достигнуть противоположного берега. В отряд не вернулось семь человек. Все они погибли в реке, будучи смертельно ранеными. Лишь один из этой группы, солдат Петя Евсеев, чудом уцелел. Но он был сильно ранен в правую руку. Его последним разыскали, добравшегося на противоположный берег. Солдат Евсеев во время оказания ему помощи рассказал: «Я видел, как группа наших солдат побежала вдоль обрыва, но инстинктивно просился с берега в воду, как только увидел группу в несколько человек, которые тут же с обрыва бросились в воду. К этому времени приблизились автоматчики противника, и прицельным огнем начали нас расстреливать. Кто не умел плавать и нырять, тот первым пошел на дно. Я успел уйти дальше всех, так как умел и плавать, и нырять. Но когда меня ранило в руку, то я понял, что это конец. Рывком сбросил с себя шинель и нырнул в воду в сторону противоположного берега. Противник бил по плывущей моей шинели, а я в это время добрался до берега, вцепился в прутья кустарника руками, чтобы передохнуть несколько мгновений. Я слышал, как кричали наши солдаты, будучи тяжело ранеными, делавшими еще по несколько судорожных рывков в воде, а затем их тела погрузились в воду навсегда».

10. Через линию фронта

Более двадцати суток отряд особого назначения совершал рейд по тылам противника. Днями и ночами, через леса, озера, реки и болота отряд пробивался навстречу своим войскам, занявшим оборону у старой госграницы с Финляндией. Выбившись из последних сил, они шли вперед. Они твердо знали, что линия фронта совсем уже недалеко. Это можно было определить по карте, по пройденным километрам, по пройденным дням и ночам. Но точнее всего можно было определить по дуэльной перестрелке орудий тяжелого калибра между противоположными фронтами.

Все чаще над их головами пролетали с визгом и со свистом артминснаряды, которые периодически взрывались то спереди, то где-то сзади.

Чем сильнее шла канонада, тем вернее и точнее отряд мог определить, в каком направлении им необходимо совершать рейд, как близко может быть передний край своих войск? Но как точно найти линию переднего края, чтобы перейти к своим, чтобы внезапно не попасть к чужим? Где она — линия фронта, где нейтральная зона, пролегающая между войсками нашими и войсками противника? Этого в отряде никто не мог знать. Только солдатское чутье и интуиция могли подсказать отряду более точное направление выхода.

Командир Андрей Простоян понимал, что наиболее подходящей зоной для

этого может быть обширная лесисто-болотистая местность, к которой они подошли вплотную.

Во второй половине сентября месяца 1941 года оставшиеся в живых из отряда пять человек рано утром, на рассвете, в мелкий моросящий дождь, под разрывами мин и снарядов приблизились к переднему краю обороны своих войск.

Напрягая последние силы, ускорили шаг, сколько позволяла болотистая местность. Гуськом, один за одним, помогая друг другу, пробивались они осторожно по болоту с кочками и топями. Достигнув противоположной окраины болота, они вошли в заросли кустарника и не поверили своим глазам, что болотистая местность закончилась, и перед ними открылись огромные массивы с вырубленными деревьями и выкорчеванными, торчащими в разные стороны причудливых форм корягами.

Андрей Простоян и Жора Лебедев пошли вперед. Остальные шли за ними на расстоянии видимости.

Только Андрей Простоян вышел из зарослей и направился к ближней коряге, как вдруг, из-под нее раздался голос на ломанном русском языке: «Стой! Руки вверх! Кругом! Бросай оружие!»

Андрея бросило в холодный пот. Он подумал: неужели попали в засаду к противнику? Ломаный русский язык, это, возможно, бывшие русские белоэмигранты. А, возможно, свои. Возможно, в засаде находились солдаты нашей армии, нерусской национальности? Как поступить с оружием в руках, как им распорядиться, чтобы живем не попасть в руки противника? Кто они, как узнать? Молниеносно носились эти и другие мысли в голове Простояна. В этот миг из-под коряги поднялось две фигуры в плащах, сильно испачканных в глине, с винтовками в руках. На их головах из-под капюшонов виднелись каски.

Простоян, прежде чем бросать оружие на землю по их приказу, мигом, невзначай, круто повернул голову набок, в сторону появившихся фигур, и вдруг, у одного из них, что был ниже ростом, он заметил на каске уголок красной звезды. Его еще раз бросило в пот, но уже горячий.

Он обрадовался, как никогда, и в тот же миг бросил на землю свой пистолет, а затем бинокль и даже командирскую планшетку.

От радости, мгновенно рожденной тут же, он крикнул: «Свои! Ко мне, ребята!»

Под конвоем двух солдат советской армии, находившихся в "секрете" на переднем крае, рано утром на рассвете группа из отряда особого назначения была доставлена на КП боевого охранения, откуда затем они были доставлены в особые органы штаба частей обороны.

Боевое задание группой из особого назначения было выполнено. Зная части было доставлено в распоряжение своих войск, которые заняли жесткую оборону на переднем крае.

Для Андрея Простояна радость была вдвойне: кроме того, что, выполнив такое задание, он остался в живых, хотя и был ранен в ногу, он снова попал в

свою родную дивизию, в составе которой прорывал укрепленную линию Маннергейма во время Финской войны.

Здесь Простоян встретился со своими старыми друзьями, которые с радостью и восхищением встретили его, узнав о выполнении его группой столь важного и опасного задания командования.

Так для бывшего учителя Андрея. Простояна и его боевых друзей началась Великая Отечественная война на этом участке Ленинградского фронта.

Глава IV. Этапы больших сражений

1. У стен Ленинграда

Укрепившись на старой границе с Финляндией, 123 стрелковая дивизия совместно с другими частями и соединениями защищала северные подступы к Ленинграду. Оборона была активной. На рубеже обороны Лемболово-Медный завод бойцы не давали покоя противнику. Из дня в день велись боевые вылазки, ночные поиски, дерзкие рейды по тылам противника.

В дивизии, как и на всем Ленинградском фронте, широко развернулось снайперское движение. При выходе на передний край выслеживали и уничтожали противника. Сержант Федор Михайлов стал инициатором в 23 армии, куда входила дивизия. Через армейскую газету он обратился с призывом ко всем воинам участка фронта беспощадно уничтожать оккупантов.

Сотни воинов подхватили этот призыв. Днем и ночью, в пургу и мороз выходили они на огневые рубежи, лежали в снайперских засадах, подстерегали и истребляли вражеских солдат и офицеров. В дивизии были широко всем известны снайперы: старший сержант Е. Уткин, сержант Е. Джухадзе, боец Б. Денисов, старший сержант Н. Одверко. Истребителями становились целые подразделения.

После тяжелого трехнедельного рейда по тылам противника и выхода через линию фронта к своим войскам все оставшиеся в живых члены отряда "особого назначения" были распределены по частям. Сержант Андрей Простоян был направлен в одну из рот 255 стрелкового полка.

Выполнив задание командования по выносу боевого знамени с поля боя после того, когда по воле судьбы Простояну пришлось заменить погибшего своего командира, он не раз прибегал к анализу всего того, что происходило с отрядом в самых различных ситуациях при встрече с противником. Поддавал анализу свою собственную деятельность по применению солдатской смекалки, обладания бесстрашием, решительностью, рассудительностью, настойчивостью и мужеством.

Без этих качеств и черт характера солдат отряда "особого назначения" невозможно было выйти победителями в выполнении задания по выносу боевого знамени полка.

По воле рока, выполняя в жизни в столь опасной военной ситуации

ответственное задание, где проверялись не только морально-боевые качества, но и сам характер, служба для Простояна в роте, в условиях обороны, была скучной и просто невыносимой, ибо оборона — это стояние на месте, что само по себе не ведет к окончательной победе. Так Простоян рассуждал после того, что уже пришлось повидать, перенести, перестрадать.

Но вскоре, после того, как зажила рана на ноге окончательно, Простоян включился в снайперское движение по истреблению противника. Он неоднократно совершал вылазки на передний край в одиночку, или на пару, со своим новым другом солдатом Петром Турусовым.

Однажды, после вылазки на передний край, Простояну удалось не только уничтожить снайпера противника, который далеко выползал в нейтральную зону, но и принести с собою оптический прицел и перископ разведчика, как вещественное доказательство действительного истребления матерого снайпера противника, что имело огромное психологическое значение для всего снайперского движения.

Андрей Простоян понимал, что одно дело сразить солдата противника при движении по траншеям с котелком полученной каши, а другое дело сразить того опытного снайпера, который сам за тобою охотится.

Такие дерзкие, опасные и рискованные вылазки Простояна на передний край не остались незамеченными не только в его полку и дивизии, но и во всей армии. В армейской газете о снайперских вылазках Простояна появилась статья с подробным описанием истребления снайпера противника и захватом трофеев — оптических принадлежностей, фотографии которых были помещены вместе с этой статьей.

После опубликования этой статьи в армейской газете, Простояну просто не давали прохода со всевозможными вопросами не только в роте, в батальоне, но и в полку. Ему часто приходилось выступать на слетах снайперов в частях дивизии, где он не один раз демонстрировал свои трофеи. От скучной, однообразной жизни в условиях обороны Простоян перешел к решительным действиям.

Его подвиг не остался незамеченным также и среди командиров и начальников различных служб и различных рангов. Вскорости Андрея Простояна порекомендовали избрать членом бюро комитета комсомола полка, а через несколько месяцев он был принят кандидатом в члены партии.

Шли будни активной обороны. Через некоторое время по приказу командования Андрея Простояна из роты переводят в штаб батальона в качестве внештатного помощника начальника штаба батальона. Он занимается подготовкой различных донесений, оформлением карт и схем оборонительных рубежей батальона. Для этого в батальоне имеется штатная должность писаря батальона, на которой находился ефрейтор Антон Шумилов. Но по объему работы он один не справлялся с этой обязанностью.

Много работы было в штабе батальона. Но это ничуть не удручало Простояна. Он уже знаком с этим делом. И не раз еще на службе в 200-м артполку его привлекали к штабной работе. А особенно он четко, чисто и

аккуратно чертил военные карты, наносил обстановку на боевые карты, чертил схемы оборонительных рубежей своих войск и войск противника по данным разведки. Это ему в какой-то степени напоминало школьную работу. Ведь кроме того, что он физик-математик, он вел уроки черчения в старших классах. Он удивлялся не раз тому, что все то ему пригодилось и здесь, на фронте в боевой обстановке.

С приходом Простояна в штаб батальона жизнь там резко изменилась. Сам он был трудолюбивым и усидчивым. Он с помощью писаря батальона очень быстро подтянул штабные дела.

Чтобы жизнь в штабе не была такой монотонной и скучной, Простоян решил в штабную землянку вдохнуть хоть немного музыки. Ведь на войне, а тем более в условиях длительной обороны, сердце просит музыки вдвойне. Он заметил, что у соседей-минометчиков часто вечерами звучит музыка. Ее звуки не редко доносятся до землянок батальона. Андрей Простоян завязал знакомство с ребятами-минометчиками. Музыка его привлекала к себе по-особому. Ведь в институте он был членом джаз-клуба. Ни одно общественное мероприятие, ни один праздник не обходились без участия институтского джаза народных инструментов. Простоян играл на различных инструментах: на домре, гитаре, а иногда и на балалайке. Не один раз институтский ансамбль выступал на конкурсах джаз-музыки.

Будучи уже учителем в школе, Простоян в первый же год работы создал музыкальный кружок учащихся игры на народных инструментах. Такое не забывается.

И здесь, на фронте, когда Простоян в глухом заснеженном лесу слышал мелодии музыки, которые доносились от соседей-минометчиков, он не мог оставаться равнодушным. Он твердо решил познакомиться с соседями поближе. Минометчики рассказали, что живут они куда веселей и интереснее, чем наша пехота. У них имеется баян и опытный, энергичный баянист, имеются два патефона с набором пластинок. Они тяготы войны переносят совсем по-другому. И уж если придется погибать кому, то с музыкой.

В беседе с минометчиками Андрей Простоян понял, что при определенных условиях у них можно приобрести один патефон с набором пластинок.

Посоветовавшись со своим другом Шумиловым, он решил, во что бы то ни стало приобрести патефон у соседей минометчиков. Для этого необходимо иметь некоторую сумму денег, ну и как положено — магарыч. Деньги, хотя и небольшие, но они оба имели. А девать на фронте их некуда. Что касается магарыча, то это тоже дело доступное, так как иногда, по праздникам выдавали фронтовые 100 грамм. А так, как ни Простоян и ни Шумилов почти не употребляли спиртного, то в запасе у них во флягах всегда имелись «градусы». Простоян и Шумилов о своем замысле приобрести музыку доложили начальнику штаба батальона старшему лейтенанту Сулковскому. Эту инициативу начальник штаба горячо поддержал.

На следующий день два друга со 2-го пехотного батальона, Простоян и

Шумилов, отправившись на великие торги к соседям, чтобы приобрести музыку, которую здесь во всей округе нигде ни за какие деньги не достать.

Ну, а так, как солдат роднит общая судьба, общая нелегкая жизнь, то они нашли быстро общий язык и обо всем договорились. Патефон после проверки его исправности в процессе работы был вручен двум покупателям.

Того же дня, вечером, в штабе батальона состоялось торжественное открытие музыкального концерта, на который было приглашено все командование батальона. Божественная мелодия полонеза Агинского "Рассвет" покорила всех. А когда услышали голос Руслановой, то по окончании ее выступления раздались бурные аплодисменты разбуженных сердец офицеров и всех, кто присутствовал на этот раз. После окончания своего рода импровизированного концерта речей здесь не было. Но командование батальона в лице замполита майора Шустова поблагодарило от души и от лица службы организаторов этого важного и столь нужного дела.

С тех пор и пошла жизнь несколько по-другому, куда веселее и интереснее, чем прежде. Почти ежедневно по окончании рабочего дня отныне в штабной землянке 2-го батальона звучат мелодии музыки и песен двадцатых-тридцатых годов.

У Простояна было немало друзей из группы снайперов-истребителей батальона. После вылазок на передний край они нередко заходили с большей охотой в штабную землянку, чтобы доложить о снайперских делах, погреться и послушать музыку. Все, кто слушал музыку, заявляли, что она на фронте, на переднем крае нужна, как воздух. Она создает у всех приподнятое, праздничное настроение и вносит в солдатскую жизнь разнообразие, поднимает дух и вдохновляет.

В ходе позиционной войны, войны в обороне, в декабре 1941 года стоял на редкость сильный, трескучий мороз, а в штабной землянке было уютно и тепло, пахло свежим ароматом хвои. Печка "буржуйка" накалялась порой докрасна сгорающими смоляными еловыми поленьями.

В лесу, среди молодых, заснеженных пышных елок, где размещался 2-й стрелковый батальон с его укреплениями — дотами, дзотами и траншеями в эту зиму было так много снега, что все инженерные сооружения и землянки были покрыты белесой толщей так, что порой с птичьего полета не определить, обитает ли кто здесь или нет? Есть ли здесь какие-либо признаки жизни? И только вечерами то там, то там виднелись высокие столбы дыма, поднимающиеся над густым лесом, по которым можно определить, что здесь течет напряженная боевая жизнь.

В штабах решаются, обсуждаются вопросы по подготовке к грядущим боям. Все тщательно продумывается, взвешивается, наносится на боевые карты, а затем на штабных учениях "разыгрываются" различные варианты боя. А пока противник вот уже несколько месяцев подряд, словно затаив дыхание, молчит. В такие зимние вечера, Андрей вот уже не раз вспоминал о своем родном крае, о своих родных и близких, о своей школе, где находится любимая девушка — учительница Валентина Ставцова, которая провожала его

в армию и просила, чтобы он хотя бы изредка писал ей. И поначалу он писал домой, писал девушке, писал часто, как только мог. Но с тех пор, как гитлеровцы оккупировали большую территорию страны, и в том числе Украину, у многих солдат и офицеров появилось общее горе. Писать некуда. Никто не знал, где их родные, где их семьи, знакомые, что там творят гитлеровцы? Остался ли кто в живых?

Блокада Ленинграда все больше и сильнее давала себя знать. С начала сентября 1941 года немцы начали наступление на Кипень-Ропшу-Красное село. В районе Мги, после пятидневных ожесточенных боев, немцы вышли к южному берегу Ладожского озера и взяли Шлиссельбург (Петрокрепость). С этого дня, 8 сентября 1941 года, Ленинград оказался в кольце блокады. Закрылась последняя возможность снабжения Ленинграда с большой земли.

А что такое блокада в военном смысле? Блокада — это изоляция блокируемого объекта (группировки войск, какого-либо города или даже государства) путем нарушения его внешних связей на суше, в воздухе и на море. Цель блокады — истощение блокируемой группировки и принуждение ее к капитуляции, подрыв военно-экономической мощи вражеского государства и другое.

В ночь на 9 сентября немецко-фашистские захватчики пытались переправиться на правый берег Невы, но были раз и навсегда остановлены морской пехотой, подразделениями 115 стрелковой дивизии и рабочими истребительных отрядов. Создалась смертельная угроза городу Ленинграду. Закрылась последняя возможность связи с материком по Ладожскому озеру. Прекратилось снабжение города продуктами питания, боеприпасами и вооружением. Прекратилась эвакуация жителей города: детей и стариков. Запасы продовольствия истощались. Уже в начале сентября 1941 года сбавлена норма выдачи хлеба. Те, кто получал по 400 грамм, начали получать по 300 грамм.

Под ружье становились все жители Ленинграда, кто его мог держать. В 1941 году сформировано 10 дивизий народного ополчения, 6 истребительных полков, 16 пулеметно-артиллерийских батальонов, 200 партизанских отрядов.

На смену мужчин, ушедших на фронт из заводов и мастерских, вставали женщины и дети-подростки.

Немцы подтянули к Ленинграду крупнокалиберную артиллерию, с помощью которой беспощадно обстреливали город.

Вражеская авиация все чаще и чаще совершала налеты на Ленинград, как в дневное, так и в ночное время. Через заградогонь зенитчиков, самолеты-стервятники прорывались в глубь города.

Над районами города поднимались черные клубы дыма. Горели дома, заводы, сооружения. Первый сигнал воздушной тревоги прозвучал в Ленинграде 23 июня 1941 года, на второй день войны.

Нелегкую службу по защите города несли бойцы МПВО. Они были в таких же условиях, как все ленинградцы. Страдали, мучились, но достойно выполняли свой воинский долг. Тушили пожары, дежурили на крышах домов, вытаскивали из развалин раненых. Ухаживали за больными, убирали город, следили за маскировкой, строили бомбоубежища.

Встреча воинов 255-го стр. полка с партизанами.

Трудящиеся Ленинграда в тяжелейших условиях голода и холода продолжали строить новые танки и ремонтировать старые. Выпускали самолеты, строили и ремонтировали суда и корабли, выпускали орудия разных калибров, боеприпасы к ним, мины и гранаты.

Поистине шла война народная...

Крепло и расширялось нерушимое единство ленинградцев и воинов — защитников города, города-фронта.

В период блокады особо тяжелые условия сложились для войск, которые защищали подступы к Ленинграду.

Многое пришлось пережить. Были и радостные дни у солдат, были и неудачи. Все учились бить врага. Ко второму году войны ко всем приходил опыт, от солдата до генерала. Стали действовать более умело, хладнокровно, сноровисто.

Несмотря на голод и холод, физическую изнуренность, все чаще и чаще в одиночку и группами выползали на передний край, чтобы уничтожить врага, принесшего Ленинграду страшные муки и страдания. Бойцы были также голодны, как и все ленинградцы, так же слабы, как все остальные падали от усталости.

Более года 123 стрелковая дивизия защищала подступы к Ленинграду. В октябре 1942 года ее сняли с оборонительных рубежей и отвели в резерв. Началась напряженная боевая учеба. Не трудно было догадаться, что дивизия предназначалась для наступления и, вероятнее всего, для участия в прорыве блокады Ленинграда. Для будущих решительных боев нужны были кадры офицеров. С этой целью, еще в июле 1942 года, были созданы фронтовые армейские курсы офицеров.

За активное снайперское движение, добросовестное несение службы, как было записано в служебной характеристике, командование 255 стрелкового полка направило сержанта Простояна на армейские курсы офицеров, которые находились всего в нескольких километрах от переднего края, в населенном

Фронтовые армейские курсы
офицеров-политработников.
Осельки. Декабрь, 1942 г. Ленфронт.

пункте Осельки.

Для курсантов началась новая неизведанная жизнь. По программе спецподготовки курсанты познавали азы наступательных боев. Находясь в постоянной боевой готовности, все знали, что они должны быть готовы в любую минуту выступить на защиту оборонительных рубежей. Около полутора месяцев позанимались, и армейские курсы были переведены на особое

положение, что означало о ежеминутной готовности ринуться в бой. И курсанты были готовы.

Не каждый знает, на что способен человек, не все знают свои способности, свои возможности. Не все знают о пределах своих физических, интеллектуальных и духовных возможностей. Но Андрей Простоян все это уже на практике проверил во время тяжелейших боев за Выборг, а, особенно, во время трехнедельного рейда по тылам противника, идя на соединение к своим войскам с отрядом особого назначения, где попадали в такие неожиданные ситуации и переплеты, что, казалось, никакого выхода нет, чтобы остаться в живых, а тем более выполнить столь важное боевое задание командования.

После всего этого курсант Простоян сделал для себя вывод: кроме всей воспитательно-образовательной системы большая роль принадлежит и самовоспитанию, самосовершенствованию каждого человека. Самосовершенствование всегда предполагает определенную цель, которая ставится перед человеком. Сознание возникает, развивается и проявляется в процессе деятельности.

Вот почему Андрей Простоян был очень рад тому, что он здесь, на армейских курсах, сможет овладеть азами военного искусства, военного дела. Это даст возможность ему и его будущим подчиненным вести бои с умением, бои вести наверняка против хитрого и коварного врага.

На армейских курсах по учебным группам отработывалась техника наступательного боя взвода, роты в лесисто-болотистой местности с преодолением водных преград. Здесь все готовилось умение грамотно и уверенно вести солдат подразделений на решительный штурм укрепленных позиций противника.

После курса одиночной подготовки с раннего утра до позднего вечера группы курсантов отрабатывали тактические приемы штурма обороны противника, преодолевая заградительные препятствия, учились подрывать доты и дзоты противника. Учеба шла напряженная, требующая огромных физических и моральных сил. Курсантов не раз поднимали по учебной и боевой тревоге. И всякий раз никто не знал, вернутся ли они на учебную базу или недоучками пойдут прямо в бой. Но все обходилось благополучно для курсантов. Они возвращались на базу, чтобы завершить полный курс обучения.

За короткое время курсанты получили очень многое в выучке от своих опытных, требовательных командиров, которые обучали, чтобы бить врага умело, наверняка, с наименьшими потерями. Как ни тяжело было в учебе, но в душе Простоян был рад за то, что ему, бывшему учителю, человеку сугубо мирной гражданской профессии, удалось познать всерьез основы ведения боя с заклятым врагом.

Во время учебы на курсах были у Простояна и личные неприятности. Он требовал от себя стараться делать все вовремя и добросовестно, так, чтобы никто из командиров не смог иметь к нему претензий. По всем предметам у него всегда были самые высокие оценки. Но вот однажды во время занятий на курсы прибылверяющий майор Лобов. Дежурным на курсах был Простоян. При встречеверяющего он должен был громко во всеуслышание подать команду: «Курсы, смирно!». Затем доложитьверяющему о том, что на курсах все в порядке, идут занятия по группам. Но отдать рапорт во всю мощь голоса Простоян не смог, так как накануне сильно простыл на тактических занятиях и заболел ангиной. Веряющий спросил у Простояна, из какой он роты? Он тут же зашел в роту, где проводились занятия, и спросил, какие у Простояна оценки по строевой.

Командир роты капитан Курочкин доложил, что у курсанта Простояна по строевой "5". Веряющий приказал срезать оценку и поставить "4".

Для Простояна это было угнетающим событием психологического характера. Ведь за оценку "5" по строевой он боролся месяцами, и не один раз обливался солдатским потом. Курсанты роты видели, как тяжело переживал Андрей Простоян за этот случай. Они уговаривали и успокаивали его. Они говорили ему, чтобы он не унывал, что дело не в оценке, которую по воле случая приказали снизить.

Андрей Простоян все это расценил по-своему. Он считал, что проявление своей власти осуществляется некоторым начальством черство, по шаблону, не удосужившись даже разобраться в сути дела. Но он, Простоян, такого деспотизма никогда не допустит в своей службе. Такой он сделал твердый вывод для себя после этого случая.

Полный курс учебы закончился полковыми тактическими учениями совместно с другими полками дивизии.

5 декабря 1942 года после сдачи экзаменов по приказу командующего 23-

й армии курсантам было присвоено звание- "младший лейтенант". По окончании курсов, получив звание офицера, Простоян просил командование, чтобы его направили в свою родную дивизию, в которой он воевал по прорыву линии Маннергейма, по борьбе с белофиннами. Просьба Простояна была удовлетворена.

По прибытию в свою 123 стрелковую дивизию младшего лейтенанта Простояна назначили на должность заместителя командира 1-й артиллерийской по политчасти.

Много нового в жизни вынес для себя Простоян, будучи на курсах, среди таких же курсантов, как и он. Но что его больше всего насторожило, так это то, что перед всеми курсантами стояла одна и та же задача, а относились к этому курсанты совершенно по-разному. Кто с подъемом и энтузиазмом, а кто с пессимизмом и унынием, ссылаясь на непомерно тяжелые условия для учебы, так как голодали, недосыдали, недосыпали и выбивались из сил. Конечно же, скидки на эти исключительно тяжелые условия во время учебы никто не делал. Отрабатывались исключительно все элементы и все детали по любому предмету, начиная от огневой, строевой подготовки и кончая ночными тактическими походами.

Многое здесь надолго запомнится Простояну из того, как курсанты между собою, в личных беседах оценивали обстановку, сложившуюся не только для Ленинграда, но и для войск на других фронтах, и для всего государства. Одни считали, что Ленинград не удержать. Другие были убеждены, что его защищать можно и нужно при любых условиях, но для этого необходимо объединять все силы, и не только армии, но и всего рабочего класса города. Одни сугубо интеллектуально оценивали обстановку и свою подготовку к грядущим боям, а другие — сугубо эмоционально относились к оценке обстановки, исходя из той тяжелой, в которой в данное время находились.

У каждого курсанта был свой уровень мировоззрения. У многих оно было на весьма низком уровне. Суждения не имели логической последовательности, были они бездоказательными. А система взглядов каждого курсанта служит для него высшим регулятором поведения и действия в каждой конкретной обстановке.

Но одно дело, когда ты сам лично действуешь с оружием в руках, а другое дело, когда ты становишься командиром, начальником, политработником, и в твоём распоряжении находятся воины: взвод, рота, батальон, которых ты должен вести в бой, в атаку на врага.

Что же получил для себя Простоян на этих курсах? Получил все необходимое для того, чтобы со знанием дела, от всей души вести своих подчиненных в бой, на врага, на его основательное уничтожение.

Простоян уяснил, что для этого нужна высокая не только боевая, но и морально-политическая подготовка.

Так думали и действовали в своём большинстве все молодые офицеры, пройдя курс боевой и политической подготовки на армейских курсах

офицеров.

Дивизия готовилась к бою. Наступило то время, которого так ждали все: солдаты, младшие командиры и офицеры, которые столь длительное время находились в обороне. Опыт прошлых боев показал, что наилучшей мобилизацией личного состава в подготовке к боям являются проводимые в частях митинги, беседы, партийные и комсомольские собрания. На них выдвигаются главные задачи, с решением которых можно добиться успеха в наступательных боях.

К решительным боям готовились войска фронта, готовился и весь Ленинград. Ремонтировались танки, выпускались пушки, минометы, патроны, гранаты и снаряды. Нерушимое единство ленинградцев и воинов — защитников города чувствовалось во всем.

Устанавливались тесные связи между дивизией и трижды орденоносным Кировским заводом. Кировцы приезжали в подразделения, привозили памятные подарки, обращались к бойцам с горячими словами напутствия, вдохновлявшими всех воинов на боевые дела. Одному из передовых подразделений — роте старшего лейтенанта Кулибабы было вручено переходящее Красное знамя передового цеха завода.

В 255 стрелковом полку, где служил младший лейтенант Простоян, выступил глава делегации, рабочий завода имени Кирова — Петр Карандин. Выступая перед воинами, он сказал:

— Ленинград находится в блокаде. У города свои трудные дни и свои испытания: замерз водопровод, кончилось топливо, встал транспорт. На осажденный блокированный Ленинград обрушился страшный голод. Продовольственные нормы снижались пять раз. От голода погибли тысячи людей. Не успеваем хоронить. Кто везет хоронить, и тот падает, трупы лежат на улицах. Люди в голоде и в холоде работают по 14-16 часов в сутки. Ремонтируем технику, выпускаем пушки и боеприпасы. В этой обстановке в тоже время Дмитрий Шостакович создал 7-ю симфонию, которая исполнялась не один раз, и бесила фашистов тем, что город живет, а по радио передается симфония.

Трагедия и боль Ленинграда были трагедией и болью воинов, защитников Ленинграда, трагедией и болью всего государства.

Обращаясь к воинам, в заключение он сказал:

— Смело и решительно идите в бой на врага. Взломайте его оборону, как взломали в свое время линию Маннергейма!

С ответным словом от воинов 123 стрелковой дивизии выступили: начальник политотдела майор Я. Иванов, истребитель старший сержант С. Уткин, командир артпульроты старший лейтенант Б. Громовой. Они заверили делегацию ленинградцев, что в бою будут громить врага так, чтобы отомстить ему за все причиненные беды, за все страдания, за всех погибших от бомбежек и арталетов, будут громить до тех пор, пока не останется в живых ни одного гада у стен Ленинграда.

123 стрелковая дивизия вошла в состав 67 армии, которой командовал

генерал-майор М.П. Духанов. Командующим Ленинградским фронтом был генерал-лейтенант Л.А. Говоров.

Для младшего лейтенанта Простояна наступила новая и весьма ответственная пора фронтовой жизни. Он, вместе со своим командиром роты, несет особую ответственность за подготовку личного состава к боям. Каждый день с нетерпением бойцы роты ждали новостей от своего замполита. Он старался их держать в курсе дела. Он им вынужден был зачастую сообщать тяжелые вести о том, что гитлеровцы в декабре 1941 года находились в самой непосредственной близости от столицы нашей родины — Москвы.

После каждой проведенной беседы или политинформации бойцы роты задавали своему замполиту один и тот же неизменный вопрос: почему мы так долго не идем в бой, почему на других фронтах кругом одна лишь оборона, а противник рвется в глубь страны? Замполит Андрей Простоян должен отвечать на эти вопросы твердо и убедительно.

И он отвечал так, как понимал, как сам чувствовал обстановку. Он отвечал, что для этого необходимо сосредоточить свои силы, чтобы нанести решительный удар на том или ином участке фронта.

Он сообщил и первую радостную весточку: «Товарищи бойцы, вы заметили, что на Ленинградском фронте появились скоростные бомбардировщики (СБ). Они сразу же вступили в бой с вражескими самолетами под небом Ленинграда. Они совершают налеты на позиции немцев в районе "Невской Дубровки" на Синявино, Тосно, Любани.

Скоро должны заговорить по-новому все наши фронты, в том числе и наш Ленинградский фронт, о чем говорят проведенные на днях митинги и выступления рабочих ленинградцев в наших частях и подразделениях, которые призывали нас к решительным боям.

И вот, через несколько дней, замполит Простоян получил сводку Совинформбюро, которая была опубликована в газете "Ленинградская правда". С большим подъемом и интересом бойцы 1-й артпульроты слушали сообщение своего замполита о том, что 9 декабря наши войска во главе с генералом Мерецковым разбили войска немецкого генерала Шмидта и заняли город Тихвин. Немцы оставили на поле боя 7 тысяч трупов, множество различной боевой техники. Бойцы, с энтузиазмом выслушав это сообщение, в один голос заявили: «Значит, лед тронулся!»

Спустя еще несколько дней Простоян сообщил своим бойцам еще одну, самую радостную весть: «13 декабря 1941 года после тяжелых и упорных боев группировка немецких войск разгромлена под Москвой. Противник отступает по всему фронту, бросает технику и вооружение».

Чуть позже, 23 декабря 1941 года, получено сообщение о том, что советскими войсками одержана еще одна значительная победа в сражении за Ленинград. 54 армия генерал-майора Федюнинского разгромила войбокаловскую группировку гитлеровцев. Район Войбокало и станция Войбокало очищены нашими войсками. Противник оставил на поле боя 5

тысяч трупов, множество техники и вооружения.

Образован Волховский фронт под командованием генерала армии Мерецкова. Сосредоточив ударный кулак на этом направлении, армия перешла в наступление. Под натиском войск фронта гитлеровцы отступают по всей линии фронта. Они отогнаны от Волховстроя, от города Волхов. Северная железная дорога Тихвин-Волхов-Войбокало снова в наших руках. Чтобы иметь прямую железнодорожную связь с Ленинградом, необходимо было еще освободить 15-20 километров железнодорожного пути в районе станции Мги, но на это уже сил не хватило.

Если бы войска освободили Мгу, то доставка продовольствия, сосредоточенного на противоположном берегу Ладоги, была бы организована немедленно. А пока умирающие и голодающие ленинградцы ждали подвоза продовольствия по "Дороге жизни" через Ладогу, которая открылась 6 декабря 1941 года.

На любом этапе жизни и свободы и борьбы за них Андрей Простоян пытался иметь ясность и твердую убежденность. Тогда уж если придется идти в бой за справедливое дело, он не пожалеет живота своего и самой жизни.

Но сейчас у него, молодого окопного офицера, как никогда гложет душу один и самый острый, и больной вопрос: как могло случиться так, что такое огромное, и, казалось бы, могучее государство, могло допустить внезапность вероломного нападения гитлеровских орд, которые, не встретив должного сопротивления, уже в первые месяцы войны, сметая все на своем пути, проникли так далеко в глубь страны. Дошли до самой Москвы, до Сталинграда и Ленинграда. Произошла немецко-фашистская оккупация с установлением террористического режима на захваченных землях, где погибло так много ни в чем неповинных людей. На этот вопрос, ему, бывшему учителю, а ныне окопному офицеру, вразумительно никто не мог ответить. А ведь кормчий-рулевой, коммунисты-большевики в отношении войны и неприкосновенности госграниц все время твердили совсем иное.

Кто же за эту трагедию на земле должен ответить? Или возможно на этот вопрос ответ даст лишь история? А возможно историки будущего, которые будут потом появляться и расти, как грибы в дождливую погоду, на искореженной, испеленной земле будут давать нам ответ на все эти столь важные вопросы?

Но дозволено ли будет кому-либо пренебрегать теми жертвами, которые потребовала война от солдат, которые родились и выросли в те трагические времена, когда Родина потребовала от них выступить с оружием в руках, чтобы защитить родную землю от беды, от нашествия коричневой чумы.

Для победы над врагом окопные солдаты и офицеры отдавали все, что могли: свои силы и умение, свою свободу и самое главное и дорогое – жизнь во имя спасения Родины.

2. Прорыв блокады

...Наступило памятное утро 12 января 1943 года. В 9 часов 30 минут началась артподготовка. 2 часа 20 минут гремели орудия. Шквал огня обрушился на передний край противника. Вслед за артиллерией оборону противника стала "обрабатывать" авиация. Неяркое зимнее солнце вовсе потускнело, скрытое сплошной дымовой завесой.

Начался прорыв блокады Ленинграда. Атакующие подразделения первого эшелона 136-я и 268-я дивизии, которыми командовали Н.П. Симоняк и С. Н. Борщов, бросились через Неву на участке 8-й ГЭС и

Шлиссельбурга, в направлении на Синявино и Рабочий поселок. К исходу первого дня штурмом захватили плацдарм до 6 километров по фронту и от 2 до 4 километров в глубину.

Враг отчаянно сопротивлялся. 13 января бой принял особенно ожесточенный характер. 268-я дивизия подверглась сильной контратаке со стороны противника, поддержанной свежими резервами танков и артиллерии.

Утром 14 января по приказу командующего 67 армии в бой вступила 123 с.д. на правом фланге 136 с.д. Было принято решение 123 дивизию броском через боевые порядки наступающей 268 дивизии с ходу атаковать противника: 255 с.п. в направлении роща "Ландыш", затем треугольник железных дорог выйти на железнодорожную линию и овладеть Рабочим поселком. В дальнейшем наступать на северо-восточную окраину поселка Синявино. Другим двум полкам дивизии, во взаимодействии, атаковать рощу "Маяк" и наступать на юго-западную окраину Синявино.

После длительных, не прекращающихся боёв сопротивление противника было сломлено. 16 января к вечеру 245-й и 272-й стрелковые полки овладели рощами "Ландыш", "Маяк" и высотой 22,4. Командиром 225 стр. полка был С.И. Святкин. После гибели подполковника Кушеля комиссаром 2-го батальона 245 стр. полка был капитан К.П. Серов.

Утром 16 января на командный пункт 123 стр. дивизии прибыл командующий фронтом Л.А. Говоров. Он ознакомился с боевой обстановкой. Ему доложили, что юго-восточнее станции Подгорная противник

концентрирует большие силы пехоты, танков и артиллерии. Против вражеской группы был направлен наш 225 стрелковый полк, артдивизион, минометы крупного калибра и батальон танковой бригады. Эти подразделения успешно справились с поставленной задачей.

16 марта дивизию посетил маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Маршал поинтересовался обстановкой на поле боя и планами 123 стр. дивизии.

Так наступил долгожданный час боевых испытаний и для артпульроты, где командиром был старший лейтенант Борис Громов, а замполитом младший лейтенант Простоян. В составе 225 с.п. рота вступила в бой.

...Метр за метром отвоевывали родную землю. Гитлеровцев приходилось буквально выковыривать из каждого окопа и блиндажа. Ожесточенный бой разворачивался за рошу с условным наименованием "Ландыш".

Артпульроту встретил ураганный огонь. Но бойцы неудержимо двигались вперед. Искключительное мужество и воинское мастерство показал командир роты Борис Громов. В бою он преображался. Своей решительностью, личным мужеством и отвагой он увлекал солдат. В один из самых напряженных моментов его тяжело ранило. Простояну на левый фланг роты сообщил об этом командир 1-го взвода лейтенант В. Зворыкин.

Не мешкая ни одной минуты, Простоян взял командование в свои руки. Видя угрожающее положение на правом фланге, через командира взвода отдал распоряжение немедленно перевести всю мощь огня на правый фланг. Кинжальным огнем пулеметов и ротных минометов отсечь наседавших солдат противника на занятые нами траншеи и в рукопашной схватке уничтожить просочившегося врага. Так молодой замполит Простоян, будучи впервые в роли командира роты, сумел мобилизовать личный состав роты для отражения одной из самых яростных атак. В роте было два человека убито, семь ранено. Но бои не кончились, они только начинались.

Сопротивление врага не ослабевало. Гитлеровское командование во что бы то ни стало пыталось восстановить утраченные позиции. Потеснив соседнюю роту справа, через некоторое время и на участке 1-й артпульроты завязался бой. Лишившись командира роты, бойцы поначалу замешкались. Но тут же, увидев, как, поднявшись во весь рост, замполит Простоян вместе с командиром 1-го взвода подняли в атаку бойцов, вся рота с мощными

Комиссар 2-го батальона 245-го краснознаменного стрелкового полка капитан К.П. Серов.

криками "Ура!" стремительно бросилась вперед. Перед наступающей ротой уже виднелись зловещие амбразуры дотов и дзотов, траншеи и ходы сообщений противника.

Пулеметчик второго взвода рядовой В. Зотов хладнокровно, прицельным огнем успел заглушить две огневые точки, мешавших продвижению вперед. Пули свистели, мины, снаряды визжали. Разрываясь, поднимали клубы дыма, которые смешивались с комьями земли и снега. В холодный, морозный зимний день здесь всем было очень жарко.

Простоян еще раз понял и почувствовал, как важна солдатская взаимовыручка. Когда с ходу ворвались в траншеи противника, и с глазу на глаз встретились с живыми фрицами, он лично уничтожил троих автоматным огнем, и прикладом добивал сопротивляющихся. Ему не легко было бы справиться в рукопашной схватке без помощи подоспевшего командира взвода Василия Зворыкина.

Выполнив задание командования, достигнув намеченного рубежа, рота закрепилась на более выгодном участке, готовясь к очередным боям. Простоян в этом бою остался невредим.

17 января наступление наших войск продолжалось. Но к 2 часам ночи юго-восточнее станции Подгорная по данным нашей разведки противник концентрировал большие силы пехоты, танков и артиллерии. Гитлеровцы намеревались контратаковать позиции соседней дивизии. Необходимо было предпринять упреждающие ответные меры. Против вражеской группы направлены: 255-й стрелковый полк, артиллерийский дивизион минометов крупного калибра и батальон 152-й танковой бригады.

Завязался бой. Брошенные на прорыв наши два танка "Т-34" были подбиты. С фланга развернулись другие наши танки, которые подавили огневые точки противника. Образовалась полоса прорыва, наши подразделения бросились вперед. Мощью всех огневых средств уничтожали растерявшегося врага. Ко второй половине дня скопление войск противника было полностью ликвидировано. К концу дня наши атакующие части вышли на рубеж Рабочий поселок — треугольник железных дорог.

Было замечено, что под мощным натиском наших войск моральный дух солдат противника падал. Они все чаще и чаще начали сдаваться в плен. Взятые в плен солдаты противника показали, что командование требовало от них сорвать возможность соединения двух советских фронтов Ленинградского и Волховского, восстановить положение и сбросить нас в Неву.

18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана. Войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились.

В ходе боев все ближе сходились бойцы двух фронтов. Обходили крепость Шлиссельбург. Между войсками Ленинградского и Волховского фронтов уже образовывался коридор. Уже нельзя было давать огневой вал артиллерии. Был риск поразить разрывами снарядов бойцов встречного фронта.

900 ДНЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (18 ЯНВАРЯ 1943 Г.)

Карта-схема. 900 Дней Героической обороны.
Прорыв блокады Ленинграда. (18 января 1943 года).

16 января 1943 года батальоны 269 и 270 полков дивизии Н.П. Симоняка ворвались в Рабочий поселок №5 (со стороны Ленинграда), но немцы упорно сопротивлялись. Части 18 с.д. Волховского фронта, подступавшие с другой стороны, так же стремительно развивали наступление. Коридор между войсками сузился до одного километра.

Группа участников по снятию
блокады Ленинграда после войны.

Быть первыми во встрече двух фронтов выпало на долю 123 отдельной стрелковой бригады 67 армии Ленинградского фронта и 372 стрелковой дивизии 2 Ударной армии Волховского фронта.

В 9 часов 30 минут утра 18 января 1943 года 1-й батальон 123 отдельной бригады во главе с зам. командира части по политчасти майором Мелконяном, старшим лейтенантом Калуговым и сержантом Анисимовым на восточной окраине Рабочего поселка №1 встретились с 1-м батальоном 1240 полка 372-й стрелковой дивизии во главе с начальником 1-го отделения штаба дивизии майором Мельниковым и командиром 440-й разведроты ст. лейтенантом Ишимовым.

Вскоре, около 11 часов 35 минут, возле насыпи железной дороги, у Рабочего поселка №5, 3-й батальон капитана Федора Собакина 269 с.п., 136с.д., обойдя поселок с севера, сомкнулся с наступающим со стороны Волховского фронта батальоном капитана Демидова 18 с.д.

О встрече двух фронтов имеются обобщенные данные. Так генерал И.И. Федюнинский в своей книге "Поднятые по тревоге" пишет: "В 12 часов подразделения 136 стрелковой дивизии и 61 танковой бригады Ленинградского фронта, успешно отразив атаку, на плечах отходившего врага ворвались в Рабочий поселок №5 и соединились с частями 18 стрелковой дивизии 2 Ударной армии Волховского фронта".

Мечта сбылась.
Бойцы и командиры
двух фронтов хлынули
навстречу друг другу.
Объятия и поцелуи
прошедших сквозь
смерть и огонь мужчин
— воинов, никогда не
видавших друг друга,
состоялись при встрече
на освобожденной
земле. Блокада
прорвана.

Подвиг восьми героев.
С картины художника Т.И. Ксенофонтова

В ночь на 19 января 123 с.д. по приказу командующего армией передала свои боевые участки другой дивизии и вышла из боя на переформирование. В боях по прорыву блокады Ленинграда воины 123 ордена Ленина стрелковой дивизии проявили массовый героизм. Свыше 600 солдат и офицеров удостоены высоких наград, а командир 5-й роты 255 стр. полка 123 с.д. Григорий Андреевич Заика был удостоен звания Героя Советского Союза.

После боя у Простояна была большая радость. Во фронтовой газете "На страже родины" от 14 февраля 1943 года он прочитал сообщение о том, что большая группа солдат и офицеров дивизии была награждена орденами и медалями. Младший лейтенант Простоян был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

19 Февраля 1943 года в штабе дивизии состоялось вручение орденов и медалей. Среди них мл. лейтенанту А. Простояну и начальнику штаба дивизии полковнику Х. Шавердовскому были вручены первые в дивизии награды — ордена Отечественной войны 1-й степени.

За успешные боевые действия приказом по фронту от 27 Февраля 1943 года младшему лейтенанту А. Простояну было присвоено воинское звание "старший лейтенант" и одновременно приказом по дивизии он был утвержден на должность заместителя командира 2-го стрелкового батальона по политчасти 355 стрелкового полка.

В день 2 5-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота в качестве делегата с другими участниками прорыва блокады Простоян был направлен на подшефный завод имени К. Маркса. Встреча с ликующими ленинградцами явилась необычайным праздником и осталась незабываемой. О боях по прорыву блокады Ленинграда в своем фронтовом блокноте Андрей Простоян писал: «Для нашей дивизии и для меня лично наступил такой

праздник, которого нельзя забыть. Нам выпала большая честь участвовать в прорыве блокады Ленинграда. Мы все ждали с нетерпением того дня, когда от обороны перейдем в наступление, когда пойдем громить зарвавшегося кровавого врага, принесшего так много горя и страданий нашему народу.

Моральный дух каждого солдата и офицера перед боем был высок. Его не передать словами, его нельзя по-настоящему понять и осознать, не проведя лично хоть одного настоящего боя, не получив хоть одной царапины, не увидев на себе кровоточащей раны, оторванной руки, или сапога без каблука.

У всех мест горела на штыках, все рвались на врага, словно это не столкновение жизни и смерти, а нечто мифическое и фантастическое, но такое, что можно познать и прочувствовать лишь после короткого или масштабного боя. И вот подошло то время, те дни, когда можно было познать истину боя, когда жизнь и смерть — все это рядом, когда не на словах, а в настоящем сражении каждый мог проверить себя и свои возможности, свое мужество, моральный дух и силу воли, чтобы в крошечном аду, среди гари и столбов дыма, среди комьев рваной замерзшей земли, под визг пуль и рев осколков раскаленного металла мин, бомб и снарядов можно было отыскать врага, уничтожить его, навечно вогнать его в сырую землю, или же отдать свою молодую жизнь на алтарь отечества, во имя прекрасного будущего, во имя тех, кто будет жить после победы на цветущей земле, под небом голубым, под ярким сиянием светила».

Несмотря на активное действие противника, один из отрядов удерживает занятый рубеж. Из наступающих в живых осталось восемь, и они поклялись: с места не сходить, отвоеванной земли не отдавать. Умрем, но не отступим ни на шаг. И они сдержали слово.

Чтобы потомки, спустя много лет, хоть какое-то имели представление о войне, о том, с какой лютой ненавистью шли в бой, в основном молодые люди, которым тогда было от 18-19 до 25-27 лет и старше.

Пройдя несколько боев, жестоких боев по защите Ленинграда, Андрей Простоян понял, что для того, чтобы изгнать врага из нашей земли, понадобится много сил и очень много времени. В своем фронтовом блокноте об этом он записал так:

Жаркие схватки еще впереди.
За нами, воин, последнее слово!
Или орден героя на груди,
Или память вечная, как о герое!

.....
Лучше на поле боя умереть,
Чем попасть в руки гадам.
Но лучше их с лица земля стереть,
И быть во славе с героем рядом!

3. Под Красным Бором

После прорыва блокады Ленинграда, 123 стрелковую дивизию вывели в резерв фронта на отдых и пополнение.

Вновь в подразделениях началась боевая учеба. Бойцы и командиры изучали опыт только что закончившихся боев. Дивизия усиленно готовилась к последующим наступательным боям.

Учеба закончилась тактическими учениями на тему: "Наступление полка в лесисто-болотистой местности".

На учениях присутствовали: командующий фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров и член Военного Совета фронта А.А. Кузнецов. Они одобрительно отзывались о действиях бойцов и командиров.

19 марта 1943 года дивизия вступила в бой в районе Красного Бора, где войска 55 армии, взаимодействуя с войсками Волховского фронта, пытались окружить мгинско-синявинскую группировку противника и разгромить ее.

Перед началом боев некоторые наши части и подразделения находились в исключительно невыгодном положении.

Подготовка к штурму противника нашими войсками велась, в основном, на открытой местности, перед лесным массивом, находясь в снегу, во льдах замерзших озер и болот.

Врыться по-настоящему в землю, оборудовать КП, ходы сообщения, огневые точки было просто невозможно, а, тем более, на виду у скрытого лесом массива, длительное время создававшего свои мощные укрепления — доты и дзоты.

Сосредоточение наших войск, как правило, велось в ночное время. Противник подвешивал светящиеся ракеты на парашютах, с помощью которых освещался передний край.

Рано утром дана команда для наступления наших войск по всему фронту. Но противник этот замысел разгадал заранее, и оказал упорное сопротивление. Наши бойцы, находясь в невыгодном положении, шли вперед и падали под градом прицельного ураганного огня.

Полки 123 стрелковой дивизии штурмом прорвали оборону противника и вклинились на 3-4 километра.

Противник, потерпев поражение в первые два дня боев, подтянул из резерва крупные силы и предпринял контрнаступление при поддержке танков, авиации и артиллерии.

Это были труднейшие бои для полков дивизии. В исключительно трудном положении оказался 2-й стрелковый батальон 255 стрелкового полка, роты которого вклинились в оборону противника до 6 километров. Батальон выполнил ближайшую задачу боя по овладению господствующим укрепленным районом противника.

Остальные подразделения полка, встретив сильное сопротивление противника, задачу наступательного боя не выполнили. Продвинулись всего до 4 км вглубь обороны противника, мощную атаку 2-го стрелкового

батальона не поддерживали. Фланги батальона остались неприкрытыми. Командование полка и дивизии не предприняли энергичных мер по развитию боевого успеха одного из батальонов.

Этим положением воспользовались гитлеровцы. Они не прекращали своих попыток взять в клещи выдвинувшееся вперед подразделение. Для 2-го стр. батальона нависла смертельная угроза.

Связь с вышестоящим командованием оборвалась. Доложить о создавшемся положении некому. Ждать помощи неоткуда. Батальон, захватив господствующие сильно укрепленные возвышенности противника, вынужден занять круговую оборону.

Выполняя боевую задачу вышестоящего командования, бойцы и командиры батальона проявили поистине самоотверженность, доблесть и отвагу. Но этих качеств массового героизма уже становилось недостаточно, чтобы спасти наступательный порыв, так как ряды бойцов и командиров редели с каждым днем и каждым часом. При выходе из строя командиров офицеров на их место становились младшие командиры и рядовые. Санитарная служба не успевала оказывать помощь раненым, чтобы можно было их эвакуировать в тыл под покровом ночи, когда хоть в какой-то степени затихает бой, доходящий, как правило, до рукопашной схватки. Особенно много было ранено и убито храбрецов батальона, когда они ворвались в его расположение, и выбивали противника из дотов, дзотов, землянок и ходов сообщения. Для противника это было настолько неожиданным, что они покидали свои насиженные места и в панике бежали, кто куда попал.

Стремительное, неудержимое наступление батальона показало, что чем больше мужества, смелости и отваги проявляли все бойцы и командиры, тем страшнее и опаснее они становились для врага. Нервы его не выдерживали. Бежав, противник оставлял снаряжение, оружие и боеприпасы.

Когда батальон вел ожесточенное сражение в укрепленном районе противника, то из всего офицерского состава батальона остался в строю лишь один офицер, который вел батальон на врага. Это был замполит, старший лейтенант Простоян.

Достигнув указанного района и овладев сооружениями противника, Простоян быстро оценил обстановку и предпринял все меры по организации круговой обороны и по оказанию необходимой помощи раненым. Простоян был очень обрадован, когда после окончания рукопашного боя встретил старшину одной из рот — Колоскова. Это был человек смелый, рассудительный, имел необыкновенную силу воли. При выходе из строя офицеров роты, он взял командование на себя. В другой роте, после тяжелого ранения командира, старший сержант Васильев также взял командование на себя.

Замполит Простоян понимал, что после овладения стратегически важным пунктом, противник предпримет все меры, чтобы вернуть утраченные позиции.

Встретившись со старшиной Колосковым и старшим сержантом Васильевым, он обсудил с ними сложившуюся обстановку. Они приняли решение: каждому в своей роте уточнить, сколько осталось в живых бойцов и с их помощью перетащить раненных в землянки и блиндажи, чтобы не только оказать им необходимую медицинскую помощь, но защитить их от артиллерийского противника.

Очень важным было определить наиболее опасные подходы противника для нанесения удара с флангов и с применением лобовой атаки. Приняли решение сосредоточить все имеющееся оружие: пулеметы, винтовки, автоматы, ручные гранаты и боеприпасы по основным точкам, то есть, с правого фланга, с левого фланга, а также сосредоточить ударный кулак и прямо по фронту.

Наступили сумерки. В заснеженном, искореженном лесу вокруг землянок, дотов и дзотов, в которых всего несколько часов назад еще находились гитлеровцы, теперь разместились остатки 2-го батальона. Кругом продолжались изредка перестрелки. Доносился тяжелый стон раненых бойцов, которых успели определить в то или иное укрытие.

Трескучий мороз донимал всех. Уже сутки никто ничего не ел. Нужна незамедлительная помощь оставшемуся отряду батальона. Нужно подкрепление, чтобы удержать стратегически важный рубеж для наступающей дивизии. И не только для дивизии, но и для всех наступающих войск. Но знает ли командование полка, командование дивизии, где находятся его войска, в каком тяжелейшем положении они оказались? Уже больше суток отсутствует связь с вышестоящим командованием. Из средств связи в батальоне остался лишь один полевой аппарат, который каким-то чудом сохранил телефонист батальона солдат Иванов. Укрывшись в одном из блиндажей, поблизости от последнего места сражения, он все время периодически пытался наладить связь с "Соколом", со своим полком. Но где, в каком месте "нитка" перебита, никто не мог знать. Предпринимались меры в ходе боев найти порыв нитки, но до порыва, как видно, не доходили связисты, и назад не возвращались.

Оставалась надежда только на вышестоящее командование. Возможно, сверху будут предпринимать меры наладить связь.

И в полку, и в дивизии предпринимались меры наладить связь с наступающими батальонами. Командиру дивизии доложили, что один из батальонов прорвался вперед, но уже вторые сутки о нем ничего не известно, так как нарушилась связь. Узнав об этом, командир дивизии генерал-майор Иванов срочно прибыл на КП 255 стрелкового полка. Он добивался того, чтобы любым способом наладить связь с батальоном, который прорвался далеко вперед.

Когда Простояну доложили, что рядом в укрытии находится телефонист, живой и невредимый, с телефонным аппаратом, он приказал: ни на минуту не отходить от аппарата и вызывать "Сокол!" И только далеко за полночь, вдруг, послышался зуммер. Ожил телефон и заговорил. «У телефона солдат

Командир 123 стр. дивизии, генерал-майор А.П. Иванов (в центре) с начальником штаба артиллерии майором М.М. Победимовым (слева) и командующим артиллерией полковником А.А. Розановым уточняет план ведения огня.

Иванов!» – громко и бодро ответил связист.

– Какое совпадение. И я – генерал Иванов.

– Я вас слушаю, товарищ генерал!

– Дорогой солдат Иванов, позови срочно к телефону любого офицера батальона, роты, взвода.

– Офицеров у нас нет. В бою все вышли из строя. Из всех офицеров в строю с перевязанной головой имеется один офицер. Он находится на левом фланге в боевом охранении с группой оставшихся в живых бойцов. Они готовятся к отражению атаки противника.

– Во чтобы то ни стало, срочно разыщите этого офицера и пригласите к телефону.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Положив трубку рядом с аппаратом, солдат Иванов побежал по ходам сообщения, чтобы отыскать офицера с перевязанной головой. Перебегая от одного укрытия к другому, связист встретился со старшиной Колосковым. Связист, запыхавшись, спросил у старшины, где можно найти нашего офицера? Его срочно вызывает генерал Иванов к телефону.

– Неужели же налажена связь? – с восторгом и радостью спросил старшина и тут же сказал: – замполит батальона старший лейтенант Простоян находится в соседнем дзоте.

Подбежав к полуразрушенному дзоту, связист увидел офицера, сидящего у амбразуры с ручным пулеметом, проверяет его исправность.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите к вам обратиться!

– Что там случилось у вас?

– Вас срочно вызывает к телефону генерал.

Не веря своим ушам, Простоян переспросил: «Какой генерал, к какому телефону?»

– К нашему батальонному телефону. Только что связь наладилась, – сказал телефонист.

– Ну, так бы и сказал сразу. Давай же быстрее води к телефону.

Будучи взволнованным от такого неожиданного сообщения, Простоян стрелой помчался вслед за телефонистом. Подбежав к аппарату, он схватил трубку своими чуть дрожащими руками и открытым текстом доложил:

– Товарищ генерал! Замполит 2-го стрелкового батальона 255 стрелкового полка старший лейтенант Простоян докладывает: батальон ближайшую задачу боя выполнил. Вышел на рубеж с высотой "Круглая", выбил противника и захватил доты, дзоты и землянки с ходами сообщения. В них разместили всех раненых. Они нуждаются в срочной медицинской помощи и немедленной эвакуации в тыл. Батальон, выполняя боевую задачу, понес огромные потери. В строю остался один офицер с легким ранением, старшина роты, старший сержант и 29 солдат. Закончилось питание. Нуждаемся в срочном подкреплении, так как противник к утру наверняка пойдет в атаку.

– Старший лейтенант Простоян, слушайте меня внимательно. Сделайте все возможное и невозможное. Мобилизуйте всех, кто только может держать винтовку в руках и даже из числа раненых. Организуйте круговую оборону. Продержитесь до утра, до подхода резерва. Родина вас не забудет!

– Слушаюсь, товарищ генерал. Будем стоять насмерть до последнего бойца, до последнего дыхания.

– Помните, судьба всей дивизии находится в ваших руках, – в заключение сказал генерал.

– Вас понял, товарищ генерал, – бодро ответил Простоян. Ободренный разговором по телефону с самим генералом, старший лейтенант Простоян понял, что ими захвачен весьма важный рубеж. И поэтому противник предпримет все меры, чтобы выбить отряд из укреплений.

Простояну ясно, что каждому находящемуся здесь в строю и вне строя, терять больше нечего. Всем до единого надо готовиться к тому, чтобы зря не отдать своей жизни.

Взяв с собою телефониста Иванова, Простоян собрал в землянку всех, кто находился в строю и сообщил им о том, какую задачу перед отрядом поставил генерал. Задача заключалась в том, чтобы малыми силами оставшихся в живых удержать этот стратегически важный участок фронта. Для этого необходимо мобилизовать и грамотно расставить все силы оставшихся в живых бойцов, а также раненых, кто способен держать винтовку или гранату в руках.

Простоян обратился ко всем, кто смог прибыть в землянку и сообщил, что не иначе, как рано поутру фашистские гады пойдут в атаку. Им важно прощупать наши силы и возможности защищаться. Для этого мы должны занять круговую оборону.

– Ответственным за правый фланг назначается старшина Колосков, и с ним группа солдат его роты. На фланге установить станковый пулемет. Разобрать винтовки, автоматы и гранаты. Задействовать в резерве трофейное оружие, захваченное у противника: ручной пулемет, гранатомет, автоматы и к ним патроны. Все боеприпасы сосредоточить в непосредственной близости от основных и запасных огневых точек.

Напомню еще одну весьма важную деталь для всех присутствующих: необходимо обратить особое внимание на приведение в порядок защитных средств перекрытий и ходов сообщений, а также оборудование площадок для

огневых точек, как основных, так и запасных. В этом не малый наш шанс выдержать напор противника.

Я с группой солдат-бронбойщиков нахожусь на левом, танкоопасном направлении. Здесь будет установлен ручной пулемет, два противотанковых ружья, винтовки, автоматы и гранаты.

Между флангами с группой бойцов будет располагаться боевая группа старшего сержанта Васильева. По фронту Васильеву оборудовать площадки для двух ручных пулеметов. На запасной позиции поставить станковый пулемет. Подготовить винтовки, автоматы с боеприпасами и гранаты.

Телефонист, солдат Иванов, находится с группой солдат на КП отряда и несет ответственность за тыльный сектор круговой обороны. Всем старшим групп пройти по землянкам, дотам и дзотам в своих зонах и поговорить с ранеными, чтобы кто способен держать оружие в руках, был готов к бою, на крайний случай, при неминуемых схватках с противником. Военная хитрость нашего отряда будет заключаться в том, чтобы мы могли создать видимость для противника о большом сосредоточении огневых сил.

Для этого и необходимо по всем секторам круговой обороны, на флангах и по фронту, оборудовать запасные огневые точки для маневра огнем. Выделить по одному — два человека, чтобы наряду с основными огневыми точками действовали периодически и резервные.

— Всем все ясно?

— Все ясно! — раздался голоса.

— Времени у нас остается очень мало. Необходимо немедленно всем приступить к оборудованию и укреплению огневых точек.

В заключение дадим друг другу клятву: драться до конца, до последнего дыхания.

Все собравшиеся в землянке поклялись: «С места не сходить! Отвоеванной земли врагу не отдавать!»

До рассвета оставалось совсем немного времени. Оборудовать намеченные огневые точки, установить огнестрельное оружие, поднести боеприпасы и все необходимое для отражения атак, спешили все после получения приказа своего командира.

Наступил рассвет, кругом было тихо и спокойно. Но все понимали, что перед бурей бывает затишье. Прошло еще немного времени, и солдаты-наблюдатели доложили своему командиру старшине Колоскову, что прямо перед ними в лесном кустарнике замечена группа противника, которая, пробираясь по глубокому снегу, наверняка накапливается для атаки.

Старшина Колосков предупредил бойцов боевого охранения правого фланга:

— Без команды не стрелять, подпустить противника поближе и залповым, прицельным огнем уверенно наносить удар.

Прошло еще несколько минут, и противник, идя по пояс в снегу, начал бешеную атаку.

Подпустив противника совсем близко, все ждали команду. И вот послы-

шпалас твердый голос командира:

— По противнику залпом, огонь!

Со всех стволов раздались выстрелы. После выстрелов тут же раздался крик, рев, стон. Гитлеровцы, как снопы подкошенные, один за одним падали в снег. После первой цепи, пошла вторая цепь гитлеровцев, их подпустили еще ближе и прицельным огнем косили наповал. Не выдержав шквального огня, на открытой местности образовалось замешательство. Гитлеровцы в панике начали бежать. Так на правом фланге группа солдат отразила одну атаку за другой.

На левом фланге все слышали, какой жаркий бой шел на правом фланге. После атаки справа наступила мертвая тишина. Но все были в особом напряжении. Состояние каждого в отдельности, в эти часы и минуты, просто невозможно передать одним словом. Для каждого ясно было, что рядом с ними все: и жизнь, и смерть. Сила воли, решительность и упрямство, стремление к победе над врагом, вот их чаяние. В батальоне осталось совсем мало активных штыков, но все понимали до предела свое положение, находясь в укрытии с огневыми средствами, которых было крайне недостаточно, чтобы отразить все возможные атаки противника, который имел численное преимущество. Он шел в открытую на укрепления, ими же созданные.

Прошло еще совсем немного времени, и прямо по фронту, между правым и левым флангами, началась новая атака. Ставший сержант Васильев был опытным и умелым командиром. Он так же приказал своим бойцам, как можно поближе подпустить противника. На этом направлении фашистских захватчиков оказалось в два-три раза больше, чем обороняющихся. Все это видели, но понимали, что это только начало боя, что немцы фактически прорывают прочность флангов и боевую мощь обороняющих этот рубеж.

Натиск противника был настолько яростным, что некоторые фрицы волной врывались к ходам сообщения, где заканчивали свой поход в рукопашной схватке. Трупы гитлеровцев лежали навалом у самой близости огневых точек нашей обороны. Через несколько минут, когда закончилась неудачно одна атака, гитлеровское командование бросило в бой свежие силы.

Страх не было ни у кого из нас в этом бою. Была лишь ненависть и злоба к гитлеровским захватчикам. И эта атака противника захлебнулась. Находясь в невыгодном положении, они отступили.

Прошло два с лишним часа после последней предпринятой атаки противника. Никто не мог знать, что дальше предпримет противник, после захлебнувшихся атак. Все ждали в напряжении новых, более мощных атак. Но для этого нужны резервы, нужны новые силы, а они таяли и с одной, и с другой стороны. Отряд старшего лейтенанта Простояна, занимая обширный район обороны, с нетерпением ждал подкрепления своих войск. Но его все не было и не было.

И вот, ровно в полдень, началось самое страшное. По укрепленному району, захваченному 2-м стрелковым батальоном, был нанесен мощный

артиллерийским и минометным огнем, как на левом, так и на правом фланге, группы гитлеровских солдат, волна за волной, шли в атаку. Как и в боях по прорыву блокады Ленинграда, так и здесь на этом сравнительно небольшом участке, огонь и дым, комья снега и груды земли со щепками бревен от укрытий, все летело вверх и далеко в стороны. Визжали осколки, свистели пули со всех сторон. Казалось, невозможно здесь устоять ничему и никому живому. Гитлеровцы в трудно проходимых местах бросали танковые десанты. Непрерывно атаковали наши позиции, вклиниваясь непосредственно в оборону боевых охранений отряда.

В ход пускались гранаты, штыки, приклады, применялся рукопашный бой. Многие гитлеровцы нашли себе здесь могилу. Боевое охранение отбило 11 атак. В неравном бою из 29 человек бойцов осталось в живых 9 человек. Среди них: старший лейтенант Простоян, старшина Колосков. Старший сержант Васильев, в одной из атак получив ранение в руку, оставался в строю, пока мог.

День отражения одной атаки за другой уже близился к концу. Андрей Простоян после личной беседы с генералом по телефону был уверен, что подкрепление вот-вот должно подойти. Но его не было и к исходу дня.

Наступали морозные зимние сумерки. Никто не предполагал, что у противника еще найдутся силы для новой атаки. Но вышестоящее гитлеровское командование добивалось во что бы то ни стало овладеть своими бывшими укреплениями. Именно в это позднее время гитлеровское командование в отчаянии забросило десант пьяных солдат во главе с матерыми офицерами на штурм укрепрайона. Ведя бесприцельный огонь из автоматов, они шли напролом с целью захватить хоть один из дотов, где можно было бы укрепиться для сосредоточения своих сил.

Эту нехитрую затею разгадал командир Простоян. С горсткой оставшихся солдат он пробрался скрытно по траншеям к доту, откуда всеми имеющимися средствами наносили удар по противнику.

Очень трудно было вести бой с превосходящей по численности группой противника, прорвавшегося в непосредственной близости к доту. Видя сложнейшую ситуацию, Простоян послал связного солдата на правый фланг за помощью. Атака противника дошла до рукопашного боя. Штыком и прикладом солдаты со своим командиром выбивали противника, просочившегося к ходам сообщения. К доту не удалось проникнуть ни одному фрицу. Бой шел за очищение ходов сообщения. Ходы сообщения надо было очистить во что бы то ни стало, где мог затаиться прорвавшийся сюда противник.

Пробежав вперед вдоль траншеи по брустверу, Простоян сделал несколько выстрелов из автомата в сторону скрывавшегося противника, которому удалось просочиться. Противник был во время замечен. Простояну показалось, что несколькими очередями выстрелов ему удалось уничтожить лазутчика. Он помчался дальше вдоль траншеи, чтобы уничтожить других, успевших проникнуть в нее.

Пробежав несколько метров вперед, он услышал свист пуль над головой. Повернувшись в ту сторону, откуда просвистели пули, он заметил силуэт фигуры противника. Дал туда очередь одну, вторую... нужен еще выстрел для гарантии, но... но он не последовал. Патронов в диске автомата больше не оказалось. Солдата от себя отпустил. Прикрыть, подстраховать в таком случае некому. В резерве командира оставался пистолет "ТТ" и граната "лимонка".

Противник накапливался в ходах сообщения. Простоян один против многих гитлеровских лазутчиков. Молниеносно работала солдатская мысль, как поудобнее укрыться от противника. Но вот как из-под земли перед ним появился один, второй, третий солдат противника. Настал момент для "лимонки". Фигуры противника исчезли на какое-то мгновение. Наступило затишье. Но из-за поворота траншеи еще появилось несколько фигур противника. А до ближайшего укрытия Простояну не успеть.

Через несколько секунд в сторону Простояна произведены автоматные очереди одна за другой. Автоматная пуля противника нанесла смертельное ранение Простояну. Он по инерции еще пробежал несколько шагов и свалился в воронку из-под снаряда противника, головой вниз.

Когда старшина Колосков прибежал с группой солдат с правого фланга к лоту, где должен быть командир, то они его не обнаружили. Они все побежали вдоль траншеи на поиски командира. И там, среди убитых Гансов, увидели в движении одного недобитого фрица. Старшина разрядил в него автомат, и все побежали дальше, вдоль траншеи. Один из солдат, перепрыгивая через воронку, вдруг закричал: «Здесь лежит наш командир». Все наклонились над бездыханным телом. Старшина заметил, что с левой стороны из-под руки командира сочилась кровь. Он наклонился и спросил: «Вы живы, товарищ командир? Вы живы?» Но ответа никакого не последовало. Командир даже ни разу не застонал.

— Всё, ребята! Мы потеряли своего боевого командира навсегда, — сказал старшина. Бездыханное тело командира перенесли в ближайший блиндаж, где лежало несколько убитых и раненных бойцов.

В эту же ночь, под покровом темноты, на участок боя прибыла смена. Это был батальон из резерва командования. С батальоном прибыли: бойцы похоронной команды и санитары, которые подбирали трупы для захоронения, и оказывали помощь раненым.

Старшина Колосков доложил командованию нового батальона о том, что всего несколько часов назад погиб их командир в неравном бою. Замполит, старший лейтенант Простоян, пять дней и ночей вместо выбившего из строя комбата вел батальон в бой, и под его командованием была выполнена задача по овладению этим укрепленным районом гитлеровцев.

— Видать, боевой он у вас был, что вывел вас на это столь мощное укрепление противника? — спросил командир нового батальона.

— Да, он у нас не только боевой, но смелый и рассудительный. Он так организовал оборону участка, что с горсткой людей мы уложили множество

гадов на этом месте. Отразили более 11 самых яростных атак противника — сообщили новому командованию старшина Колосков.

— Ну, что же, старшина, сдавайте свой участок и с группой оставшихся в живых отправляйтесь в тыл, в резерв командования.

Новое командование оценило обстановку предстоящих боев и разместило взводы и роты по боевым участкам для круговой обороны.

Похоронная команда подбирала трупы убитых для эвакуации с поля боя, к местам захоронения, в братские могилы.

Трупы на плащ-палатках доставлялись к местам сосредоточения, откуда на санях партиями доставлялись к братским могилам.

В этом тяжелом бою 255 стрелковый полк, как и другие, понес такие большие потери личного состава, что для их захоронения пришлось рыть сразу несколько братских могил. К одной из таких могил, человек на 100-150, был доставлен в числе с другими трупами и труп старшего лейтенанта Простояна.

Когда санитары, бойцы спецкоманды, доставили к могиле трупы, то огромный ров с трупами почти полностью был покрыт замерзшим песком, камнями и горами земли, а привезенные трупы уже почти некуда было класть. И только в самом конце могилы еще имелась узкая траншея, где ранее привезенные трупы еще не были укрыты. Сюда и свалили трупы, привезенные из 2-го стрелкового батальона 255 стрелкового полка.

Вскорости начали засыпать горами земли с песком и эти трупы. Труп офицера Простояна оказался почти на самом верху. Земля так замерзла, что только с помощью ломов и лопат можно было откалывать гряды земли.

Когда засыпали трупы, то на голову офицера Простояна попала большая гора замерзшей земли. В это время, от сильного удара, Простоян впервые очнулся, и от нестерпимой боли он сильно застонал. Рядом в это время находился санитар — пожилой, коренастый боец с пышными усами и красным круглым лицом. Он услышал стон трупа и тут же крикнул: «Братцы, да мы же хороним живых людей!» В тот же миг над телом стонавшего офицера склонилось несколько бойцов спецкоманды и сопровождавших солдат его батальона. Все с удивлением кричали: «Вы живой, что с вами, куда вы ранены?» Не дождавшись никакого ответа, бойцы начали вытаскивать своего командира из могилы. И, вдруг, он чуть приоткрыл глаза, и совсем слабым голосом произнес два слова: «Вы свои?» и тут же уснул еще более крепким сном.

Пожилый солдат спецкоманды, первым услышавший стон офицера Простояна, сказал: «Вы слышали, он даже заговорил. Пусть всего два слова. Но мертвые не могут стонать и говорить. Говорят только живые, даже если и очень тяжело ранены или сильно контужены. А мы его зарывали в сырую холодную могилу. Он совсем молодой офицер, курчавый и очень даже симпатичный. Возможно еще и жизни даже не видел настоящей. Молодой, крепкий он, должен смерть победить. А это значит, что мы его вернули с того света. После этого он должен еще долго жить и помнить о нас, своих

спасителей. Видать, он в рубашке родился, так как уже вторые сутки пролежал без сознания, а живой и нашел в себе силы вымолвить хоть два, так нужных слова. Он очень хотел знать: к кому и в чьи руки попал, будучи тяжело раненым. Но он у своих. Будем надеяться, что люди в белых халатах помогут ему выздороветь и найти в жизни земной свою радость и счастье».

Солдаты спецкоманды, перед тем как засыпать остальные трупы, начали тщательно проверять: нет ли среди остальных кого-либо с признаками жизни? И к великому их удивлению, они среди трупов обнаружили с признаками жизни еще одного рыжеволосого сержанта, с тяжелоранеными, истекающими кровью, обеими ногами.

Старшего лейтенанта Простояна и сержанта Кудимова, доставили в ближайший медсанбат. В медсанбате раненым оказали первую медицинскую помощь. Составили на них карточки передового района, и подготовили к эвакуации в госпиталь города Ленинграда.

По окончании боевой операции на этом участке фронта в полку и в дивизии считали, что замполит батальона старший лейтенант Простоян погиб и захоронен в братской могиле. Но похоронка так и осталась не отосланной, так как город Бердянск, где проживали родители, как и вся Украина, были под оккупацией немцев.

Тяжелораненых — старшего лейтенанта Простояна и сержанта Кудимова доставили в эвакогоспиталь города Ленинграда.

Врачи, предварительно осмотрев раненного Простояна, пришли к выводу, что ранение его очень серьезное и положение безнадежное. Его и сержанта Кудимова положили в палату для тяжелораненых, где уже лежало шесть человек.

Когда Простоян пришел в себя, он открыл глаза и увидел перед собою потолок подвала — тяжелые своды.

Услышав, что кто-то вошел в палату, он тихо спросил: «Где я нахожусь, что со мной?»

Вошедшая медицинская сестра Шура Шувалова подошла к кровати Простояна и сказала: «Вы тяжело ранены. Вас доставили в эвакогоспиталь города Ленинграда. Будем лечить вас, все будет в порядке».

Прошли сутки нахождения Простояна в госпитале. Для решения вопроса о дальнейшем лечении нужен совет врачей. Нужен консилиум хирурга, терапевта, невропатолога и других. Врачи находятся в затруднительном положении. Если слепое пулевое ранение и нет сквозного выхода, то, как она прошла и где она разместилась, какую нанесла травму, каким внутренним органам?

Кушать Простоян ничего не мог. Он заметил, что у него не работают ни руки, ни ноги. Вместо пищи ему делают уколы, вводят глюкозу в ноги. Срочно нужен рентген, но света электрического в городе нет. Он в госпитале появляется изредка и внезапно исчезает.

Простояна внесли на носилках в большой зал и положили за занавеской, отгораживающей от кабинета врачей. Он лежит, никто не подходит. Простоян

подумал, что о нем уже забыли. Но нет, кто-то из врачей за ширмой заговорил:

— Что с ним будем делать?

— Ничего особенного, — отвечает другой, он долго не протянет. Но нам нужен рентген. О том, что у него перебит позвоночник, получена спинномозговая травма с корешковым повреждением нам ясно, так как парализованы пуки и ноги. Не исключена возможность, что у него прострелены легкие, и он выжил до сих пор лишь только потому, что они у него чистые, он, видимо, никогда не курил. Возможно поврежден и желудочно-кишечный тракт. Сейчас важно точно знать, где находится пуля, а без рентгена мы не можем знать.

Среди врачей консилиума находился один из молодых врачей, Виктор Пашков. На консилиуме он заявил: «Я уверен, что тяжелораненый офицер будет жить. Ему нужно срastить нервы, вернуть функцию движения рук и ног. Пусть он находится в моей палате. Я буду его лечить своим способом. Если сердце крепкое, то я его вылечу».

Так началось сражение молодого врача за жизнь казалось бы совсем безнадежных людей.

В течение месяца с лишним в палате три человека тяжелораненых умерло. Первым из них умер сержант Кудимов, который был доставлен сюда вместе с Простояном. Он умер от сильного поражения ног гангреной. Его уже невозможно было спасти.

Андрей Простоян перенес кризис, начал подавать признаки жизни, он пошел на поправку. При дальнейшем обследовании установлено, что желудочно-кишечный тракт не поврежден пулей. Он начал пить понемногу теплый чай, а иногда принимал жидкие навары супов.

Молодой врач Пашков разработал свою методику лечения. Пружинными приспособлениями больной Простоян был распят на больничной койке. Под позвоночник была подставлена повязка "Дезо". Через каждые сутки-двое пружины ослаблялись на доли миллиметра.

Прошел месяц, второй. Общее состояние Простояна улучшалось, но признаков движения рук и ног не было. На уколы в них специголкой Простоян не реагировал. Доктор Пашков заявлял не раз о том, что он не теряет надежды на выздоровление. При обходе больных он нередко подшучивал и говорил, что он, Простоян, не только будет ходить, но даже сможет встать в строй, чтобы продолжать бить фашистов.

Прошло еще некоторое время, и при очередном осмотре больных врач Пашков энергично сделал укол иглой в пальцы ног. Андрей молчал, не реагировал. Но когда доктор такой же энергичный укол сделал в указательный палец правой руки, то Простоян неожиданно дернул руку и крикнул: «Доктор, что-то вы сегодня очень больно колете! Мне же нельзя выдержать!»

Услышав эти слова больного, доктор Пашков, словно ребенок, заскакал между койками и произнес слова: «Что я говорил? Мы победим, мы на

В Ленинграде наступила настоящая весна. Даже в подвальной палате стало светлее и веселей. С бодрым настроением в палату вошла медсестра Шура Шувалова. Она принесла с собою свежие газеты. Лежащие больные попросили её почитать газету, чтобы узнать новости на фронтах и новости, происходящие в мире.

В газете сообщалось, что на мгинско-синявинском направлениях идут бои местного значения. На некоторых других участках фронта, враг сосредотачивает свои силы, и нередко переходит в наступление. Затем медсестра Шура сообщила, что в армейской газете есть колонка о награжденных, наиболее отличившихся солдат и офицеров в боях под Красным Бором. Сестра в виде юмора сказала: «А нет ли случайно кого-то из вас в этих списках?» Зачитав несколько фамилий сверху, в первой колонке, она перешла читать фамилии, где был список посмертно награжденных. Среди них было несколько фамилий: подполковник А.Г. Кушель, младший лейтенант М.Б. Кипаренко, старший лейтенант А.П. Простоян.

Как только медсестра назвала фамилию Простояна, о том, что он посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, Андрей тут же остановил медсестру и сказал: «Сестрица! Я – Простоян, я же живой, а меня посмертно наградили». Все в палате были удивлены такому случаю, и тут же сказали сестре, чтобы она об этом доложила начальству. Ведь об этом живом человеке никто из начальства ничего не знает. Не знают и в части, что он жив и находится в эвакогоспитале на излечении.

На второй день при очередном врачебном обходе, когда они зашли в палату тяжелораненых, медсестра Шура доложила заведующей отделением Айше Гиреевне Мухаметдиновой о том, что тяжелораненый старший лейтенант Простоян посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, о чем они узнали вчера случайно, читая больным армейскую газету. Узнав об этом, зав. отделением подошла к койке Простояна, душевно поздравила его с такой высокой наградой и сказала: «После этого тяжелейшего ранения вам приказано долго жить». И тут же, обращаясь к палатной сестре, она приказала немедленно составить письмо от имени начальства эвакогоспиталя и отправить в дивизию, так как там наверняка ничего не знают о том, что он жив.

Начальство эвакогоспиталя сообщило в 123 стрелковую дивизию о том, что считавшийся убитым и захороненным старший лейтенант Андрей Петрович Простоян, зам. по политчасти 2-го стрелкового батальона 255 стрелкового полка находится в настоящее время на излечении в эвакогоспитале 1014 в Ленинграде.

С применением всевозможных методов лечения, в зависимости от степени ранения и состояния организма, с применением медикаментозных и механотерапевтических приемов, внимательным и заботливым врачам удавалось не только вернуть жизнь многим тяжелобольным, о и вернуть их

Политработники 123 стр. дивизии.

готовился встретить праздник Первомай.

Работала "Дорога жизни" – ледяная трасса через Ладожское озеро, которая в труднейших условиях была открыта в декабре 1941 года, как только образовался лед на озере. Это была единственная дорога надежды, дорога связи с большой землей, откуда днями и ночами завозились продукты питания для катастрофически голодающего Ленинграда.

Самое мрачное и самое тяжелое время блокады для Ленинграда и ленинградцев осталось позади.

Андрей Простоян об этом в своем дневнике записал так: «Эти наши записи, дневники, драгоценные уцелевшие документы послужат для истории памятью о том, в каких поистине тяжелейших, нечеловеческих условиях велась борьба ленинградцев и воинов, защитников Ленинграда, в этой войне».

Во время лечения приятным сообщением для Простояна было то, что из политотдела своей дивизии получено письмо, адресованное на имя начальника эвакогоспиталя, в котором сообщалось, что в дивизии помнят и знают о мужестве и героизме Андрея Простояна, они рады, что Простоян выжил и вернется в строй. В письме так же сообщалось, что на торжественные дни Первомая из дивизии прибудет представитель для вручения наград, находящихся на излечении больных.

С получением письма из дивизии к торжественному собранию в эвакогоспитале готовились всерьез, по-особому. Ведь здесь предстоит трогательная встреча представителя от воинов дивизии со своими питомцами, которым они, люди в белых халатах, возвращают жизнь.

Физически еще слаб был Простоян. Без костылей ему не устоять на ногах. Однажды, при обходе, замполит госпиталя подполковник Астафьев зашел в палату тяжелораненых и сообщил Простояну о том, что он включен в состав президиума торжественного собрания от имени воинов, находящихся на

снова в строй.

Старшему лейтенанту Андрею Простояну также удалось восстановить функции движения рук и ног. Он начал учиться ходить на костылях по палате, а затем и по отделению эвакогоспиталя, чему радовался не только он сам, но и его друзья по палате, а также его лечащие врачи и медсестры.

На дворе стоял уже апрель. Ленинград после прорыва блокады как никогда

излечении. Он сообщил, что именно его, считавшегося погибшим, посмертно награжденного, желают увидеть все медработники, чтобы еще больше убедиться в том, какое счастье и радость они несут людям, воинам, в таких тяжелых битвах с озверелым врагом.

Замполит госпиталя предложил Простояну от имени всех больных сказать несколько слов на торжественном собрании. Не задумываясь, Простоян ответил: «Невозможно найти такие слова, чтобы хоть как-то вылить ту душевную благодарность людям, которые вытаскивают тебя из могилы и говорят: ты должен, ты будешь жить! Здесь надо не слова говорить, здесь надо спеть гимн победы врачам и медсестрам, ведущим борьбу за нашу жизнь, за возвращение нас в строй».

— Вот и прекрасно, — сказал замполит, именно эти слова вы им и скажете.

— Я постараюсь, если не забуду, шутя ответил ему Простоян.

Ко дню проведения торжественного собрания медработников госпиталя, посвященного празднику Первомай, из 123 стрелковой дивизии к ним прибыл заместитель начальника политотдела дивизии подполковник С.Я. Рахман.

В президиуме, за огромным столом встретился с ним Андрей Простоян. В зал торжественного собрания Простоян шел на костылях в сопровождении медсестры Шуры. По случаю торжества ему подобрали свежевыглаженную, чистую пижаму и до снежной белизны подобрали и надели рубашку. Уже это само по себе придавало Андрею чувство радости и дух торжества.

Главврач, начальник эвакогоспиталя, полковник Буданов открыл торжественное собрание. В краткой вступительной речи он поздравил весь персонал медработников и лечащихся больных с праздником Первомай и с освобождением города Ленинграда от блокады. Начальник пожелал всему составу эвакогоспиталя дальнейших успехов в их нелегком, но благородном труде по возвращению в строй раненных больных. От души пожелал всем присутствующим в зале хорошего здоровья, бодрого духа, личного счастья и всех благ жизни.

Затем слово было предоставлено заместителю начальника политотдела дивизии подполковнику Рахману. В краткой речи он передал горячие и сердечные поздравления от всех воинов дивизии медицинскому составу эвакогоспиталя. Раздалось море бурных аплодисментов в зале в знак солидарности с воинами Советской Армии, с которыми весь город держал тесную и неразрывную связи в дни 900-суточных испытаний и блокадных дней.

— Дорогие товарищи, — сказал он, мне выпала большая миссия, сегодня, в день торжества вручить правительственные награды солдатам и офицерам, отличившимся в боях по освобождению Ленинграда от блокады. Награжденных, которые были приглашены в зал на торжественное собрание, было пять человек. Среди них был и старший лейтенант Простоян.

После вручения наград председательствующий торжественного собрания сказал: «Слово от имени награжденных предоставляется заместителю командира батальона по политчасти, старшему лейтенанту Андрею

Простояну».

Услышав свою фамилию, он, забыв даже о своих костылях, которые стояли рядом, и без них пошел к трибуне, что стояла рядом, сбоку. Поднявшись из-за стола, он пошатнулся, чуть было не упал. Кто-то его поддержал, он собрал все свои силы и уверенно подошел к трибуне. Вцепившись в нее обеими руками, он окинул зал беглым взглядом, немного помолчал, а затем начал говорить:

— Дорогие наши врачи и сестры, дорогие люди в белых халатах! Разрешите мне в этот столь торжественный час от имени всех больных и выздоравливающих передать вам особую, глубоко сердечную благодарность за то ваше волшебство, с помощью которого вы нас, безнадежно больных возвращаете к жизни. А что может быть самое дорогое у человека на свете? Все вы, не задумываясь, в один голос ответите — это жизнь!

Вот я, доставленный к вам некоторое время назад, завернутый во фронтovou плащ-палатку, никчемным калекой, в бессознательном состоянии, не мог не то что двигаться, самостоятельного даже промолвить слова, чтобы, изнывая от боли и жажды, попросить глоток воды.

И вот это бесформенное существо, лежавшее на земле на плащ-палатке, берет в свои руки человек в белом халате и говорит: «Ты, дорогой наш солдатик, пришел к нам чуть ли не с того света, ты пришел из ада, но ты должен и ты будешь жить. Мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы ты, перенеся свой кризис, смог бы пойти на поправку и продлить свой путь в царство жизни, в дорогу земного рая.

И это так. У меня не работали руки и ноги. Нервы повреждены до такой степени, что я не мог двигаться. Вражеская раскаленная пуля травмировала мой позвоночник. Последствие закрытой травмы спинного мозга привело меня к потере сознания на несколько суток.

Все слушали рассказ Простояна, затаив дыхание. Он продолжал далее:

— А сейчас я вот живой стою перед вами. Вы, дорогие, фактически подарили мне вторую жизнь. Как же не поблагодарить мне вас от всего солдатского сердца, как не позвать вам ваши натруженные руки. И я это делаю сейчас мысленно. Я прижимаю вас к своей груди так тепло и сердечно, как любящая мать прижимает своего дорогого ребенка, которого она так долго ждала.

Сейчас для всех нас наступило самое торжественное время в жизни. Оно особое не только для тех, кому возвращают радость жизни и надежды, но и для тех, кто под вражеским обстрелом и бомбежкой, в голоде и в холоде, недоедая и недосыпая, стоял на боевом посту, исцеляя своих больных, кто день и ночь, не отходя от стонущих кроватей, отдавал свои силы, умение и энергию, крупницы своих пламенных сердец из груди милосердия.

Вы вселяли в нас силу веры, бодрость духа и надежду вернуться снова в строй, чтобы можно было продолжать уничтожать фашистских гадов не только вокруг Ленинграда, но и на всей нашей священной земле.

Сегодня, от имени всех тех, кого вы лечите, я хочу заявить: нет, не

покорить фашистским палачам наш народ, нашу страну. Пока мы живы, мы будем беспощадно громить коричневых гадов.

И в заключение, дорогие наши врачи и сестры, поздравляя вас в этот светлый, торжественный день Первомая, я хочу обратиться к словам поэзии, как к музыке души, и зачитать вам выдержки из своего стихотворения "Люди в белых халатах". Нет, я не поэт и не литератор, я — физик-математик, но та радость и вдохновение, которые дарите вы нам, возвращая нас в строй, побудили меня записать в своем фронтовом блокноте такие строки:

Врачи и сестры, дорогие!
Все взоры к вам устремлены!
Спасибо вам передают больные,
Все те, чьи жизни спасены.
.....

В халате белом медсестра,
Как солдат на поле боя,
И днем и ночью, до утра
У больных снимает боли.
Шприц волшебный в ее руках,
Мы часто вспоминаем ...
Теплой улыбке на устах
Мы, больные, цену знаем.
.....

Вы все на переднем крае.
За жизни сражения идут...
Родина любовно поздравляет
Вас за ваш благородный труд!

Когда Простоян закончил читать свои стихи, то в зале вначале стояла мертвая тишина. Затем кто-то зааплодировал, и раздалась овация по всему залу. Раздались голоса: «Спасибо, браво, молодец!»

После первомайских торжеств, проведенных в эвакогоспитале, прошло несколько дней. Совсем неожиданно для Простояна, как и для других больных, в их палату вошло сразу несколько человек в белых халатах. Среди них заместитель начальника эвакогоспиталя по политчасти Корней Астафьев, корреспондент армейской газеты И. Розенфарб, известный скульптор Ленинграда Вадим Боголюбов и ленинградская художница Римма Загорская.

Поздоровавшись со всеми больными палаты, заместитель по политчасти спросил больных, как идут дела с лечением, на что они жалуются, какие есть пожелания? «У всех у нас пожелание одно, — сказал пожилой солдат с ампутированной ногой, — быстрее отсюда выписаться, чтобы встретиться со

своей дальнейшей судьбой». В палате это вызвало у многих некоторое оживление. Кто-то добавил: «Пока война не закончилась, то судьба у всех одна: готовиться к новым боям, и ничего другого. Да, но я уже, кажется, отвоевался, так как остался с одной ногою». Подойдя поближе к койке Простояна, замполит спросил: «А что думает Простоян по этому вопросу?»

— Здесь все ясно, товарищ подполковник, — кто своих косточек еще не растерял, тот наверняка должен готовиться к грядущим боям.

— Это верно, бойцам нужны опытные, умудрены войною офицеры. А у вас его накопилось уже немало. Вот корреспондент из армейской газеты собрал о ваших подвигах немало материала, он хочет с вами еще побеседовать, чтобы подготовить специальную полосу для газеты. А так, как вы в дивизии и в армии у нас первый кавалер двух орденов Отечественной войны, 1-й и 2-й степени, то командование решило увековечить вашу память. Скульптор Боголюбов будет лепить ваш бюст, а художница Загорская будет писать ваш портрет для музея защитников Ленинграда.

Конечно же, идя в бой, выполняя любое задание командования со своими подчиненными роты, а затем батальона, Простоян никогда не мог подумать о том, что все это может быть замеченным, и что ему, простому человеку, солдату будет уделено столько заботы и внимания.

Андрей после такого события испытывал возвышенные чувства личного фронтового счастья и радости успешных боев.

На второй день, с утра пораньше, к нему в палату вошел уже знакомый ему корреспондент газеты. Он спросил Простояна: «Ну, так с чего же мы начнем наш репортаж?»

— Я думаю, что начнем с самого начала, тогда вы сами поймете, что вам надо, а чего не надо.

— Это верно, — сказал корреспондент, а я голову ломаю над этим вопросом. Подвиги в боях у вас много, а с чего лучше начать?

— Там у меня в тумбочке лежит фронтовой блокнот и в нем есть некоторые записи в порядке хронологии.

— Да вы что, еще и пишете? — удивленно спросил корреспондент.

— Видите ли какое дело. Голова человека не энциклопедия, а память у человека, к сожалению, не совершенна. У меня уже было много записано, но в боях я не смог сохранить эти драгоценные записи. А вот эта маленькая книжечка — это своего рода компас. По этим заметкам я сверяю себя, как я мыслил о некоторых вещах раньше и как сейчас? Есть ли у человека какие-то сдвиги в сторону усовершенствования, независимо от того, в какой обстановке он находится, что он переживает, что ощущает, и в чем истина жизни человека. Все находится во взаимосвязи. А если учесть, что я замполит, то это тем более важно. Здесь уже речь идет не столько о себе, сколько о живых людях, своих подчиненных, с самой различной психологией. До армии я учил и воспитывал детей в школе, любил я это дело, и у меня были некоторые успехи. А здесь у меня в роте, в батальоне, те же школьники, только они в солдатской форме. Они нуждаются в том, чтобы

повседневно общались с ними. А что ни человек, то свой характер, своя психология. Характеры разные, а задача у всех одна: громить врага беспощадно, но с наименьшими потерями. Значит, нужен опыт и смекалка. Нужна взаимовыручка в бою. О подвигах, о мужестве и героизме воинов я уже не раз писал в наших армейских газетах. И в этом всегда мне помогал вот этот фронтовой блокнот.

Вот недавно я обнаружил в газете очень важную для меня сводку Совинформбюро о зверском расстреле в моем родном городе Бердянке местных жителей, которые находились в оккупации. Эту сводку я вырезал из газеты, и храню вот в этом кармане гимнастерки. А как она помогает в моей работе, в подготовке моих солдат к боям. В ней дан образ врага. А о зверином облике врага молодой боец мало что знает. Он идет в бой, врага убивает, а иначе сам будет убит. А если в душе у бойца бушует злоба и ненависть к врагу, то он не только его убивает, он выискивает его в бою. Он с особой силой проявляет мужество, смекалку и находчивость, он подвиг совершает.

Я заметил, что правду жизни, которая со временем становится историей, некоторые деятели стараются фальсифицировать, изменить до такой степени, что истинный патриотизм, мужество и героизм людей, добывших славу на поле боя, в жестоких сражениях, во имя Родины, искажаются до такой степени, что их вымысел и пренебрежение к фактам действительности затмевают порой все то ценное, чем мы должны дорожить, чему должны радоваться и свято хранить в сердцах поколений.

— Я очень рад был с вами встретиться и побеседовать, хотя признаюсь, что и к вам я шел не с большой охотой, так как от многих, с которыми я беседовал, совсем мало чего подходящего находил для газеты. Ведь писать надо что-то такое, чтобы оно других зажигало, чтобы каждый видел, как надо сражаться в борьбе за свою собственную жизнь, за жизнь и судьбу своего народа.

— Мне сказали, что завтра к вам придет скульптор и художница. Вам придется так или иначе позировать. А я в это время сделаю фотоснимок, чтобы была статья с вашим портретом.

Много дней подряд Простоян позировал скульптору Боголюбову и художнице Загорской.

Скульптор, человек чуть старше среднего возраста, то есть ему было наверняка уже за сорок, с продолговатым, худощавым лицом и седыми волосами. Он обладал свойством привлекать к себе внимание людей своей вежливостью, вниманием, шутками и юмором.

Противоположностью ему была художница Загорская. Она была сравнительно молодой, лет 30-35, с удлинненным лицом, светлыми волосами, малоразговорчивая и почти отталкивающая в общении с людьми. Казалось вначале, что никак ей не идет профессия художника. Но это поначалу так казалось. А в ходе проведенных сеансов по наброске эскиза портрета выяснилось, что она, еще не приступая к работе, уже обдумывала свой план создания художественного произведения. Удачный выбор композиционного

размещения деталей портрета на холсте давал возможность показать человека веселым, энергичным, жизнерадостным.

Как скульптор, так и художница, старались зафиксировать главные черты характера, которые можно было уловить по внешнему виду. Сделав основные эскизные наброски, они уже могли работать в своих мастерских над окончательным завершением скульптурного бюста и портрета.

Никогда Андрей Простоян даже и не мог подумать, что не где-нибудь, а именно на фронте может произойти такое невероятное явление, когда при жизни увековечена память об обыкновенном простом человеке, о солдате.

Прошло еще несколько недель нахождения Простояна в госпитале на излечении, и он почувствовал, что уже свободно может передвигаться, без костылей. Это состояние побудило его обратиться к лечащим врачам, чтобы выписали его из госпиталя в свою часть. Несколько раз врачи отклоняли его просьбу, мотивируя тем, что он еще очень слаб и в строй не годится. И все же, по твердому настоянию, его в конце июня решили выписать, но не в часть, как полагал Простоян, а в батальон выздоравливающих.

Что такое батальон выздоравливающих, какой он живет жизнью, Простоян не знал. Но он душою понимал, что это не то, к чему он стремился, это не своя часть, и не то, что надо. Он должен быть в своей части, которую он всегда считал своим родным домом.

После прибытия в батальон выздоравливающих, через несколько дней он уже понял, что жизнь в этом батальоне проходит однообразно, неинтересно. Тех, кто может, водят на плац, на строевую, а остальные находятся в казарме и изучают устав внутренней и караульной службы и вопросы огневой подготовки. Конечно же, после совсем недавней учебы на курсах офицеров Простоян здесь не мог ничего получить нового, что могло бы пригодиться в будущих боях. А к ним он готов в любое время, как ему кажется.

Но вот, после двухнедельного пребывания в батальоне выздоравливающих, Простояна вызвали к командиру батальона подполковнику Трифонову. Это Простояна насторожило, так как он не мог себе представить, по какой причине вдруг его могут вызывать.

Прибыв в штаб батальона выздоравливающих, Простоян доложил дежурному офицеру, что он прибыл по вызову командира. Дежурный сообщил: «Командир ждет вас». Дверь в кабинет приоткрылась. Комбат пригласил войти.

— Разговор у нас будет коротким, — сказал подполковник Трифонов. Вас приглашают, как коммуниста-политработника, в военный отдел Фрунзенского райкома партии города Ленинграда для выполнения важного и срочного задания. Как вы смотрите на это дело?

— Если я только смогу справиться с заданием, то и сомнений не может быть в этом. Я готов в любое время, — сказал Простоян.

— Значит, договорились. С завтрашнего дня вы находитесь в распоряжении Фрунзенского райкома партии. Когда явитесь туда, там вам все расскажут, что надо делать.

На следующий день Простоян прибыл в райком партии. Там уже знали, что прибудет он, и подготовили на его имя временное удостоверение на право выполнения спецзадания, которое связано с проверкой ряда организаций района. В течение двух недель предстояла серьезная напряженная работа по выполнению важного общественно-политического задания.

Работая по выполнению задания райкома партии, Простоян чисто случайно встретил в городе своего бывшего сослуживца из 200-го артполка — солдата Алексея Яцубу, который шел вместе со своим другом, солдатом Федоровым — сапожником, как он отрекомендовал его.

При встрече с Простояном Алексей Яцуба был не то, что удивлен, а просто не поверил своим глазам, так как увидел, что он — Простоян, его бывший друг, жив и здоров.

Яцуба сообщил Простояну, что они имели сведения о том, что Простоян погиб под Выборгом во время окружения противником трех дивизий на Карельском перешейке.

Но еще больше Яцуба был удивлен тому, что Простоян уже не сержант, а старший лейтенант и к тому же уже награжден двумя орденами Отечественной войны — 1-й и 2-й степени. Встретившись со своим другом Простояном на улице, Алексей Яцуба пригласил его к себе на квартиру, на чай. Простоян так был рад этой совсем неожиданной встрече, что охотно принял приглашение. Когда они прибыли на квартиру, то были рады угостить друга чаем с сухарями. За чашкой чая, во время разговора, Простоян очень многое узнал от них, а главное о том, как им удалось вырваться из окружения? Друг, солдат Яцуба сообщил следующее: после сражения под Выборгом, когда создалась угроза полного окружения противником, был отдан приказ командирам частей пробиваться группами к Финскому заливу, и на кораблях эвакуироваться к Ленинграду. Другая часть войск выходила самостоятельно с боям на Ленинград.

Яцуба сообщил также, что многие погибли в заливе во время эвакуации на кораблях при бомбежке вражескими самолетами.

Яцуба сообщил также, что наш общий друг, Миша Муханов, который служил в штабе артполка, благополучно эвакуировался в первом эшелоне, и находится в части на линии обороны.

Перед уходом от своих друзей Андрей спросил их о том, как они очутились в самом городе, чем они занимаются?

Яцуба сообщил, что во время эвакуации он сильно заболел, и его оставили по болезни во внутренних войсках на охране объектов города. Находясь в батальоне выздоравливающих, при выходе в город по выполнению задания райкома партии Простоян чувствовал, что ранение его было серьезнее, чем он думал. Оно подорвало его силы, он еще был слаб. Слабы и не окрепли его руки и ноги. И все же он мечтал, как можно быстрее вернуться в боевой строй, и только в свою дивизию, по возможности в свой полк, который он не переставал считать своим родным домом.

Заместитель командира
272-го стрелкового полка
по политчасти майор
П.А. Шабанов.

И в этом помог ему счастливый случай. Работая по заданию райкома партии в одной из организаций, он совсем неожиданно для себя встретил в городе знакомого ему майора П.А. Шабанова — заместителя по политчасти командира 272 стрелкового полка, который в беседе с Простояном сообщил, что дивизия находится в резерве командования. Все части в настоящее время готовятся к решительным боям. Идет доукомплектование штатов в частях и подразделениях.

Старший лейтенант Простоян сообщил майору Шабанову, что после боев под Красным Бором, в схватке с противником он был тяжело ранен и находился на излечении в эвакогоспитале в Ленинграде. Когда наступило улучшение его здоровья, то он начал проситься, чтобы выписали его в свою дивизию. Но вместо дивизии его выписали в батальон выздоравливающих, где он и находится в настоящее время, и работает по заданию

Фрунзенского райкома партии в организациях по выполнению спецзадания.

— Да как же так, у нас не хватает сейчас людей, идет подготовка к боям, а вы выполняете какие-то гражданские задания, — в эмоциональном тоне заявил майор Шабанов. Вам немедленно надо вернуться в свою дивизию, вас там все помнят, вас там ждут.

— Так это то, о чем я сейчас мечтаю, — с радостью сказал Простоян. Но как это практически сделать?

— А это очень просто. Если хотите, то я сообщу об этом в политотдел дивизии, и на вас немедленно поступит запрос.

— Да я буду очень благодарен вам, если вы в этом мне поможете, — сказал Простоян.

— Конечно же, я все это сделаю в самое ближайшее время.

После выполнения задания райкома партии Простоян написал докладную записку на имя секретаря райкома, в которой все подробно изложил, внес свои практические предложения в заключение докладной, сделал выводы по ходу проверки.

Для ознакомления с докладной запиской Простоян обратился к одному из инспекторов военного отдела. Тот прочитал записку и понес ее заведующему отделом, чтобы доложить о том, что задание по проверке выполнено полностью.

Зав. отделом внимательно прочитал докладную записку и сказал своему инструктору: «Так это же документ, что надо. В нем изложена суть дела, дан анализ, и сделан практический вывод на должной высоте. Позовите проверяющего ко мне.

Простоян зашел в кабинет. Зав. отделом поздоровался с ним и пригласил присесть на стул поближе.

Зав. отделом Котельников сообщил, что он познакомился с докладной запиской и остался очень довольным его работой по проверке объектов и организаций. Стиль изложения материала в докладной записке очень хорош. Вы словно прирожденный партийный работник.

— Нет, я обыкновенный учитель, физик-математик. Ну, а в армии вот приобрел еще новую профессию — политработника. Здесь же, за заслуги в боях, прямо в траншеях мне вручили партбилет, и сказали, что отныне я могу считать себя коммунистом.

— Так вот, товарищ Простоян, у меня к вам возник прямой вопрос: «Не желаете ли вы работать у нас в аппарате? Город освобожден, его надо восстанавливать и отстраивать заново. Нужны деловые, энергичные люди в аппарате. Как вы смотрите на это дело? Подумайте, взвесьте свое состояние здоровья и сообщите свое решение».

— У меня ответ может быть только один: как только закончится война, так я немедленно приду к вам посоветоваться, хотя и школу я очень люблю, и мечтаю вернуться на свою работу.

— Ну, что же, ответ ваш мне ясен. Видать, вы настоящий солдат и патриот своего дела. Я с удовольствием пожму вашу руку. Еще раз благодарю за усердную работу, за оказанную помощь нам и пожелаю вам дальнейших боевых успехов, — сказал зав. отделом райкома партии.

— Спасибо и вам большое. Вы просто выручили меня тем, что я, набираясь сил и энергии, смог практически проверить свое состояние здоровья в работе, в движении, ибо в батальоне выздоравливающих царит угнетающая обстановка шаблона и застоя. Там никто никому фактически не нужен. Идет простая трата времени, пока человека оттуда не заберут. А что касается меня, то я изо дня на день жду поступление запроса на меня из своей дивизии.

В середине июля в батальон выздоравливающих поступил запрос. По запросу незамедлительно старшему лейтенанту Простояну выписали предписание в 123-ю стрелковую дивизию.

Простоян был одержим желанием идти в бой и громить врага до полного его уничтожения. Все чаще и чаще доходят сообщения Совинформбюро об освобождении районов страны от немецко-фашистских захватчиков.

Его родная Украина стонет под пятой коричневой чумы. Он слышит стоны и крики людей, своих родных: отца, матери, брата и сестры. Вырезка из газеты о том, что немцы расстреливают мирных, ни в чем не повинных людей, увозят молодежь, парней и девушек, в рабство, в Германию. Все эти сообщения о злодеяниях жгли душу Простояна.

В середине июля 1943 года Андрей Простоян прибыл к месту дислокации дивизии. Около недели он был без действия. Потом ему хотели дать 1-й батальон своего полка, потом 3-й батальон соседнего 245 стрелкового полка. Но окончательное решение было принято позже. Как бывшему артиллеристу, ему предложили должность заместителя по политчасти командира 229-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона (ОИПТД).

Такое назначение и переназначение было связано с тем, что в политотдел дивизии поступила заявка от командующего артиллерией дивизии, в которой сообщалось, что артдивизион, как самостоятельная единица, ведет бои на наиболее опасных направлениях, куда нужен опытный, бывалый в боях замполит. По мнению политотдела дивизии, туда подходит как раз Простоян. Ему выписали предписание. По прибытии в истребительный артдивизион командира дивизиона не оказалось на месте. Его вызвали в штаб артиллерии дивизии. За него остался начальник штаба капитан Д. Хмыс. Старший лейтенант Простоян представился ему, и вручил приказ о назначении на должность заместителя по политчасти командира дивизиона.

Капитан Хмыс пожал руку новому замполиту и сказал: «Мы давно ждем вас и особенно сейчас, перед предстоящими боями».

К штабной машине в это время подошел боец с котелками, в которых принес завтрак. Начальник штаба сообщил Простояну, что это его ординарец, рядовой Федор Пискунов.

Андрей Простоян спросил его, откуда он родом, давно ли находится в дивизионе? Солдат Пискунов сообщил, что родом он из Ленинграда. В дивизионе он находится уже давно.

Начальник штаба пригласил Простояна к завтраку. Во время завтрака он расспросил замполита о том, где он воевал и как попал в дивизион?

Андрей Простоян кратко рассказал, что воевать он начал еще с Финской войны, затем служил в полковой артиллерии, участвовал в тяжелых боях под Выборгом, а затем, окончив фронтовые курсы офицеров, попал в пехоту: в роту, в батальон, и в последнем бою под Красным Бором был тяжело ранен. Находился на излечении в эвакогоспитале города Ленинграда. В дивизион попал совсем неожиданно, так как была подана заявка командующего артиллерии дивизии с запросом на опытного обстрелянного офицера.

— Значит, вы бывалый, обстрелянный солдат? — спросил начальник штаба. — Да, видимо так посчитало вышестоящее начальство.

Позавтракав, старший лейтенант Простоян решил не терять зря времени, и сразу же со своим ординарцем он отправился на огневые позиции батарей дивизиона.

Ординарец Пискунов был на много старше своего замполита и, видать, умудрен опытом жизни. Он сообщил, что лучше сначала пойти в артиллерийский взвод лейтенанта А. Ворожеева, что находится на левом фланге. Конечно, для Простояна фактически не имело значение, в какой взвод или батарею они попадут, так как, так или иначе, ему предстоит очень

большая работа по знакомству со всем личным составом, и в первую очередь, с офицерами — командирами взводов и батарей.

Когда прибыли в распоряжение 1-й батареи, во взвод лейтенанта Ворожеева, Простоян представился как вновь назначенный на должность замполита, и тут же он спросил: как идут дела, какое морально-политическое настроение у личного состава взвода?

Лейтенант Ворожеев, сравнительно молодой командир взвода, высокий, стройный, с розовым, чуть вытянутым лицом и светлыми волосами, доложил, что настроение у личного состава хорошее, кормят сейчас куда лучше, чем раньше. Жалоб не имеется. Весь личный состав взвода горит желанием идти в бой, громить врага, гнать его беспощадно из-под стен Ленинграда.

— А вы уверены в высоком морально-политическом духе? Откуда у вас такое заключение? Значит, вы проводили с личным составом беседы, собрания, митинги по подготовке к новым и решительным боям? — спросил замполит командира-артиллериста.

— Да нет, ни собраний, ни митингов мы не проводили.

— А что известно вам о боях на других фронтах? Читаете ли вы личному составу сводки Совинформбюро?

— Нет, товарищ старший лейтенант, замполита у нас давно уже нет, и мы не получаем никаких указаний. Нам даже перестали доставлять газеты. Мы варимся в своем собственном соку, делаем, кто что может.

Такое сообщение офицера-артиллериста задело Простояна за живое. Он помахал головою с сожалением и поспешил в другие батареи.

Простояну хотелось побывать и в других батареях и взводах, больше побеседовать с личным составом. Но сначала, и в первую очередь, ему необходимо встретиться с командиром дивизиона. Увидеть, что он собою представляет, что за личность, так как с ним придется вместе вести в бой личный состав дивизиона.

Когда старший лейтенант Простоян со своим ординарцем вернулся в штаб дивизиона, командир уже находился у себя, в штабной машине.

Простоян подошел к раскрытой двери машины, увидел высокого, худощавого блондина средних лет и доложил, что он прибыл на должность замполита командира дивизиона.

Командир дивизиона капитан Г. Катковский встретил старшего лейтенанта Простояна настороженно и даже недружелюбно. Он иронически произнес фразу: «Значит из пехоты прямо в артиллерию?»

— Да не совсем так, — ответил Простоян. А что касается пехоты, то вы что, имеете к ней претензии? Ведь пехота уже в первых боях по прорыву блокады показала массовый героизм, и удостоена высоких наград Родины. Ее опыт последних боев по прорыву блокады и развитию дальнейших наступлений, по решительному штурму самых укрепленных позиций противника кстати, очень и очень нужен и истребительному дивизиону. А что касается меня лично, то получилось здесь наоборот. Именно из артиллерии я попал в пехоту, а из пехоты, где получил практический опыт и не раз водил роту, а

затем и батальон в рукопашные бои, меня лично вот и направили в артдивизион по заявке командующего артиллерией дивизии, чтобы поднять ему дух и боевое настроение, хотя я после госпиталя уже был назначен предварительно в один, а затем в другой стрелковый батальон на должность замполита. Но по настоянию командующего артиллерией дивизии, политотдел дивизии вынужден изменить свое решение и направить меня в истребительный дивизион.

— Да, здесь ничего не скажешь, — загадочно ответил он.

Безусловно, два высоких ордена у пехотинца на груди имели свое психологическое воздействие. За ними кроются смертельные схватки с ненавистным врагом. Факт награждения двумя орденами Отечественной войны вызывал любопытство и особый интерес не только у командира дивизиона, но и у всего личного состава, так как во всем дивизионе ни у кого еще не было ни одной награды.

После недружелюбного знакомства и беседы с самолюбивым и напыщенным командиром дивизиона, замполит Простоян спросил его: «Какая же работа в дивизионе проведена с личным составом перед столь серьезными и тяжелыми боями с сильно укрепленным на синявинских высотах противником?» Он ответил: «У личного состава есть свои командиры, а они не подведут, свое дело они знают».

— И это все? — с укором спросил замполит.

— Да, этого вполне достаточно, а демагогии перед боем мы не разводим, — яро, с негодованием ответил Катковский.

— А политико-моральный дух солдат, а их психологический настрой разве у вас не в счет? А роль коммунистов, комсомольцев в подготовке к бою? А проведение бесед, собраний и митингов перед боем? Что, тоже не нужны?

— А это само собою, — уклончиво ответил он.

— Значит, и газеты, и сводки Совинформбюро, все должно доходить до личного состава тоже само собою?

Вы спросите в любом артиллерийском взводе, когда они читали последний раз газеты? Видимо этого вопроса никто не решал с тех пор, как не стало замполита в дивизионе?

По всему видно, что дивизион еще настоящего пороха не нюхал, не находился в переплетах, так как в нем царит благодушие и самоуспокоенность, — в сердцах сказал Простоян. — Всю эту аполитичность в корне надо изживать.

— В дивизионе, в этот ответственный момент, перед боем, должны все работать с максимальной энергией. Все должны быть на своих местах и нести полную ответственность за поднятие высокого морального духа личного состава. Война не терпит благодушия, бахвальства и самоуспокоенности, она не прощает никого, кто недооценивает силу и коварство врага. А о том, кто и как работает в дивизионе, мы еще поговорим, и сделаем определенный вывод, — сказал Простоян.

— У нас тут был один замполит. Он то же самое примерно говорил.

Проповедовал то, что и вы. А что из этого вышло? Мы просто не сработались, и он ушел от нас.

— А что вышло, почему вышло и что выйдет — это мы еще посмотрим, — твердо и решительно заявил замполит Простоян.

— Впереди бои, это испытание для всех. В них раскрывается мудрость руководства, стратегия и тактика управления боем. Но главное, не упустить момент подготовки. Сейчас мы все должны побывать на точках, в батареях и во взводах, на боевых точках, чтобы поговорить с людьми по душам и подготовить их морально к нелегким боям. Убедится лично в том, что все готовы к весьма серьезным сражениям, чтобы как можно больше истребить врага и с наименьшими потерями, — в заключение заявил Простоян.

При этой непростой беседе в штабной машине присутствовал начальник штаба дивизиона капитан Хмыс. Он согласился с доводами замполита, но не набрался смелости выразить более твердо свое мнение. Видимо, манера командира дивизиона Катковского, вести себя напыщенно и самодовольно, надоели здесь всем, сделал вывод Простоян.

Когда Простоян получал предписание в политотделе дивизии, то ему там сообщили о том, почему бывший замполит вынужден был уйти из дивизиона, и попросился в любую другую часть. Это откровение политотдела было очень важным для Простояна, он заранее знал как и о чем беседовать, и как держать себя, встречаясь впервые в жизни с человеком такого крутого нрава. С командиром, в руках которого судьбы всего личного состава дивизиона и его личная судьба.

Проверяя, как артиллеристы оборудуют огневые позиции и устанавливают орудия в районе предстоящего прорыва наступающих войск, А. Простоян на передней линии встретился со старшим лейтенантом Федором Потаповым, заместителем командира по политчасти саперного батальона. Без взаимодействия с группой прорыва саперного батальона невозможно было орудия выкатить на высоту, за колючую проволоку переднего края. Два политработника Ф. Потапов и А. Простоян делали все необходимое в подготовке личного состава к предстоящим боям, в их полосе прорыва для наступления войск.

Во второй половине июля дивизия вступила в бой под Синявиным. Очень трудно пришлось в бою частям и подразделениям по прорыву укреплений противника. Несколько рядов колючей проволоки, ходы сообщений с окопами полного профиля, доты, дзоты, блиндажи и ливневый огонь пулеметов, минометов и пушек. Вот с чем встретились наши войска. Казалось, что никаких сил не хватит, чтобы сбить врага с его выгодных позиций.

Местность не позволяла нашим войскам скрытно сблизиться с противником, чтобы рывком броситься в атаку. Наши солдаты бесстрашно шли вперед под его шквальным огнем. Одни падали, скошенные огнем. Другие продолжали упорно двигаться вперед. На выручку не раз приходили истребители-артиллеристы, которые, находясь в боевых порядках пехоты,

обнаруживали огневые точки противника и прямой наводкой, смело и решительно их уничтожали, обеспечивая дальнейшее продвижение пехоте.

В то время, когда в заграждениях противника делались проходы для наступающей пехоты и противотанковой артиллерии, немцы перешли в атаку. Группа прорыва саперного батальона вынуждена была занять круговую оборону на гребне синявинской высоты. В неравном бою они отражали одну атаку за другой до подхода основных сил. К утру, когда в прорыв были брошены основные силы, которые пошли в наступление, они обнаружили у траншей с колючей проволокой трупы наших солдат. Среди них был тяжелораненый старший лейтенант Потапов.

Обнаружив тяжелораненого старшего лейтенанта Потапова, бойцы-саперы из истребительного дивизиона перенесли его в блиндаж рядом с запасной огневой точкой, где санитар сделал перевязку.

О том, что в блиндаже артиллеристов находится тяжелораненый офицер саперного батальона Простоян узнал несколько позже, когда на позиции устанавливали орудия солдаты дивизиона.

Простоян, увидев в блиндаже раненного офицера, замполита саперного батальона, с которым они здесь встречались накануне перед боем, наклонившись над его телом, попытался говорить, уточнить его состояние в настоящее время. Простоян попытался как-то успокоить раненого и смягчить его боль. Но оказалось, что это не тот случай. Потапов внутри чувствовал совсем другое. И пока еще мог говорить, он попросил Простояна наклониться к нему, и прошептал слова: «Умираю, но прошу вас, по письму, которое лежит в моей планшетке, сообщить моей жене Потаповой Ангелине, которая проживает в городе Воронеже о том, где и как я был ранен. Она осталась с двумя малыми детьми и старушкой матерью. Пусть обратится к местным властям, чтобы помогли семейству в трудное время. Прощайте, дорогие мои друзья».

Вслушав эти слова, Простоян сделал все необходимое, чтобы раненого замполита Потапова как можно быстрее доставили в медсанбат. На второй день Простоян поручил своему ординарцу навестить раненного в медсанбате, и узнать, как обстоят дела с Потаповым, как он себя чувствует?

Поздно ночью, на третьи сутки, ординарец Пискунов разыскал замполита Простояна и доложил, что замполит Потапов в медсанбате пожил несколько часов и умер от большой потери крови при ранении. Похоронен он в братской могиле у поселка Синявино.

Андрей Простоян вот уже несколько суток не покидал поле боя. Он выбирал такие участки, где больше всего мог быть нужным в самое трудное время, чтобы помочь артиллеристам-истребителям. Во взаимодействии с наступающими частями и подразделениями пехоты артиллеристы дивизиона выдвигались на танкоопасные направления и выслеживали его огневые точки.

Находясь в районе того или иного артиллерийского взвода, Андрей Простоян, помимо получаемой информации от командиров взводов, сам

непосредственно наблюдая картину боя. Видел, кто и как действовал. Командиры взводов и батарей были удивлены тем, что их замполит находится непосредственно в боевых порядках на самом переднем крае, чего они не видели раньше. Лейтенант Ворожеев даже возразил против прибытия замполита в расположение оружейных расчетов взвода. Он заявил: «Товарищ замполит, вам не место здесь быть. Мы сами справимся с любой задачей. Вы в этом уже могли убедиться не раз. На ваших глазах сержант Васильев впервые в своей жизни встретился с громадой скрипящего и ползущего металла тяжелого немецкого "тигра". Но под его жерлом никто не дрогнул. Расчет подпустил танк поближе, который шел прямо на орудие и даже не стрелял, а пытался его раздавить сходу, но просчитался. Бронебойщики в упор сделали один выстрел за другим. Фашистский танк сначала завертелся на месте, подставил свою боковую броню артиллеристам, и метким выстрелом был поражен. Фрицы начали вылезать из горящего танка, но живыми им не удалось уйти. Автоматчики-артиллеристы огнем и броском гранаты добивали их на месте. Увидев горящий ведущий танк, остальные немедленно развернулись и пытались пройти вдоль линии фронта, став мишенями для других орудий, которые еще один подожгли».

На второй день, рано утром, на участке второго взвода неожиданно завязалась дуэль между орудиями, находившимися на танкоопасном направлении, и фашистским самоходным орудием "Фердинанд". Маневренность самоходки не позволяла артиллеристам-истребителям быстро взять на прицел. Прямой наводкой расчет сержанта Мощенко пытался подбить мощного "Фердинанда". Снаряд за снарядом направлялся в сторону чудовища, а оно шло, и шло вперед. Падает раненный заряжающий, задерживается подносчик, он ищет снаряды, но их поблизости нет.

Орудие молчит. "Фердинанд" приближается. Всего в нескольких сотнях метров, из-за укрытия за ходом боя наблюдал замполит Простоян. Он понял весьма сложную ситуацию. Мгновенно бросился в сторону орудия. В нише под укрытием обнаружил ящик со снарядами, схватил его, и пополз к орудию.

Сержант Мощенко, увидев замполита, даже прослезился, но это были слезы радости в критический момент. Он моментально схватил снаряд, зарядил орудие, и навел его в сторону "Фердинанда". Произвел выстрел один, второй, и только после третьего выстрела удалось подбить фашистскую бронемашину. Исход поединка решался в несколько минут. «Никогда эта громада с черным крестом больше не будет ползать по нашей земле», — сказал артиллерист.

Замполит Андрей Простоян понимал, что трудно себе представить всю сложность и напряженность динамики боя. Нельзя понять действия каждого в отдельности и взаимодействие частей, подразделений и родов войск, не побывав в горниле боя, и не увидев всего этого своими глазами, а, тем более, что в такого рода артиллерии, как истребительная, орудия которого находятся в боевых порядках пехоты, а иногда даже и впереди нее. Здесь воины должны

быть особой закалки. Должны быть расторопными и находчивыми, чтобы в считанные секунды можно было принять наиболее верное решение, а затем с таким же мгновением воплотить его в жизнь. Минута замедления, растерянность или неправильно принятое решение – смерти подобно. Это Простоян усвоил себе давно, раз и навсегда.

Теперь и здесь, в артиллерии, замполит Простоян уже принял настоящее боевое крещение.

Он видел своими глазами, что в боях за Синявино особо отличались слаженностью расчетов и смелостью действий артиллеристы 1-й батареи, где командирами взводов И. Остапчук, П. Ворожеев. На боевом счету артиллеристов-истребителей в этом бою было записано: три подбитых танка, самоходная пушка "Фердинанд", два транспорта и свыше 30-ти гитлеровских солдат и офицеров.

Не по чужим докладам и донесениям, а по личному наблюдению замполит Простоян видел действие и активность участия в жарких схватках личного состава, начиная от рядового бойца и кончая штабом дивизиона, во главе с самым командиром дивизиона.

Дивизион теперь родной дом Простояна, а в доме – родная семья. С чувством ответственности, по складу характера, убежденности и вниманию к людям Простоян, сразу же по прибытию в дивизион, уделил внимание подготовки его к боям, а в ходе боев следил за тем, как дивизион наращивал свой опыт и умножал славу боевого оружия в руках умелых солдат. Видя настоящее, заслуживающее внимания действия солдат, сержантов и офицеров в ходе боев, замполит Простоян опыт достойных распространял через армейскую печать.

Он помещал статьи, в которых рассказывал о подвиге и мужестве артиллеристов. И на этот раз, в одной из статей под названием «Люди, добывшие славу» он писал: «Приближается годовщина нашего соединения. В эти дни бывалые воины, приумножившие своим героизмом и умением славные дела нашего соединения т.т. Васильев, Хорин, Садыков, Мощенко рассказывают новичкам о своих смелых и решительных действиях, о том, как они в только что проведенных жестоких боях под Синявино били немцев, заставляли их сдаваться в плен и бросать на поле боя свое оружие. Сержанта Васильева не раз просили рассказать о своих подвигах. Он впервые в своей жизни поджог фашистский танк "тигр", который засек орудие, пошел на него и пытался раздавить вместе с расчетом. Но бронебойщики не дрогнули, подпустили поближе и подожгли. Увидев горящий ведущий танк, остальные немедленно повернули, став мишенью для других орудий, которые еще один танк подожгли. Сержант Садыков рассказывал молодым бронебойщикам о том, как орудийный расчет старшего сержанта Мощенко, проявив храбрость и умение, оставшись вдвоем у орудия, в поединке с самоходной пушкой "Фердинанд" прямой наводкой подбил фашистскую бронемашину, расчистили путь для наступающей пехоты.

Славой в нашем подразделении пользуются бойцы: Горелов, Гуляев,

Трифонов, проявившие на поле боя беспримерное мужество по уничтожению живой силы и техники противника. На их боевом опыте, проявленном мужестве и героизме учатся новички, которые прибыли в дивизион на пополнение. Их примеру будут подражать они в последующих грозных боях».

4. Освобождение

Закончились тяжелые наступательные бои по разгрому синявинской группировки противника, в которых были понесены значительные потери в живой силе и боевой технике. Тот, кто побывал в горниле этой схватки и остался в живых, тот никогда не забудет такого накала боев. Огонь из всех видов оружия был насыщен до такой степени, что пламя пожаров, черные тучи дыма с перегаром земли поднимались на огромную высоту над полем боя, закрывали все небо.

Горел не только лес, кустарники, а в низинах и торфяники. Горели танки, автомашины, горели блиндажи, доты и дзоты. И именно в такой тяжелой, нечеловеческой обстановке шли наступательные бои. Нельзя было терять обладание. Надо было видеть ход боя, оценивать обстановку, руководить наступательными операциями. Бой ни на минуту не прекращался в течение нескольких суток. От огневого вала орудий тяжелого калибра и минометов содрогались земля и небо. Накалялись стволы пулеметов и автоматов до такой степени, что к ним невозможно прикасаться руками. Встреча с противником, как правило, заканчивалась в рукопашной схватке, в траншеях, окопах и блиндажах.

Никто не боялся боя, ни у кого не было страха в груди. Чувство боязни появлялось у некоторых новичков, зачастую в начале боя, а затем, после принятия первого боевого крещения, оно - это чувство, уходило само собой. У каждого рождалась только одна мысль: не допустить бы оплошности в ходе боя, не дать врагу обхитрить тебя, не дать ему возможности раньше тебя выстрелить или бросить в тебя гранату.

Из этих видимых и невидимых моментов, моментов боя складывался успех. Шаг за шагом освобождалась изрытая и исковерканная земля. Ценой человеческих жизней добывается победа над врагом на том или ином участке фронта.

После окончания боев под Синявино 123-я стрелковая дивизия вновь была выведена в резерв фронта на переформирование и пополнение частей и подразделений. 229 ОИПТД дислоцировался неподалеку от штаба дивизии в лесу. Он ожидал новое, молодое пополнение взамен выбывших из строя.

Стояли теплые августовские дни. Кругом тишина, словно не существует противника. Бойцы истребительного дивизиона оборудовали огневые позиции, рыли окопы, рыли землянки. Начались будни для дивизиона после выхода из боя.

Для замполита Простояна теперь гораздо больше прибавилось работы и

ответственности, чем было в стрелковом батальоне. Если в батальоне работа велась в основном с личным составом, то в отдельном истребительном противотанковом артиллерийском дивизионе, кроме этого, необходимо было много внимания уделять состоянию технических средств и материальной части. Автомашин и артиллерийские орудия всегда должны быть в полной исправности, и полностью укомплектованы личным составом. Ничего нельзя было откладывать на завтра. Автопарк и материальную часть необходимо было как можно быстрее отремонтировать в условиях походных мастерских.

Батарей, взводы и расчеты должны были быть укомплектованы материальной частью. Они должны быть слажены и обучены мастерству ведения огня по внезапно появляющимся танкам, самоходным орудиям и транспортным средствам противника.

Кроме того, сам замполит артдивизиона должен снова переквалифицироваться из "пехотинца" в "артиллериста". Простоян помнил недвусмысленный намек командира дивизиона в день его прибытия на должность замполита.

В работе по более широкому и всестороннему знакомству с личным составом дивизиона замполит Простоян первоочередное внимание уделял новому пополнению, которое поступило в артдивизион.

Перед подготовкой к прошедшим боям и в ходе боя замполит Простоян стремился как можно больше изучить характер и боевые качества офицеров и младших командиров дивизиона. Их он более тщательно изучал непосредственно в ходе боя, в ходе своего первого боевого крещения в дивизионе.

Замполит Андрей Простоян, понимая, что где бы он ни находился, в батальоне, дивизионе, невозможно успешно справиться с задачей по подготовке личного состава к последующим боям, не опираясь на актив. Актив он сколачивал не только из числа коммунистов и комсомольцев, но и из числа беспартийных: солдат, сержантов и офицерского состава, наиболее отличившихся в боях.

С помощью актива живо и интересно были проведены в дивизионе партийные и комсомольские собрания с одним вопросом: итоги прошедших боев и подготовка к новым наступлениям.

На живых примерах раскрывался опыт отличившихся в боях и умноживших славу дивизиона, от рядового до офицерского состава. В то же время подвергались острой и принципиальной критике солдаты и сержанты всех служб, допустившие нерадивые и даже трусливые действия в критические моменты хода боя.

Недосыгаемый критике из числа коммунистов в дивизионе оставался один — командир дивизиона. По уставному положению действия командира обсуждению не подлежат. Хотя его же заместитель по политчасти Андрей Простоян, встретившись впервые с такого рода действиями, был совсем иного мнения. Некоторые его действия и приказания не способствовали подъему и укреплению морального духа личного состава. Но изменить что-то

в лучшую сторону в его действиях в настоящее время Простоян был не в силах. Это могло сделать время, обстоятельства и твердые, уверенные и решительные действия в работе с личным составом.

Одним из таких моментов было появлений в дивизионной газете "На боевом посту" статьи замполита под названием «Люди, добывшие славу», что, несомненно, у личного состава дивизиона вызвало восхищение.

Прочитав ее, командир дивизиона поделился своим мнением с коммунистом, равным ему по званию, но старшим по возрасту, начальником штаба дивизиона, капитаном Хмыс.

Когда оба находились в штабной машине, командир дивизиона капитан Катковский спросил начальника штаба: «Ты читал в газете статью нашего замполита Простояна?» Тот ответил: «Да, я читал статью. Это весьма ценный материал для поднятия боевого авторитета нашего дивизиона. Все факты смелых и решительных действий наших солдат и командиров добыты им непосредственно в бою».

— А ты откуда знаешь, капитан?

— Мне доложили командиры взводов Остапчук и Ворожеев о том, что он все время находился на батареях, которые вели бои с противником, и пристально следил за ходом их действий. Мало того, они рассказали, что замполит, находясь в непосредственной близости от орудийного расчета старшего сержанта Мощенко, который вел поединок с наседавшей на него самоходной пушкой "Фердинанд". Пушка вела смертоносный огонь, и ранила подносчика снарядов, а затем и заряжающего. В этот критический момент и помог орудийному расчету замполит. Стремительным броском он приблизился к огневой позиции, разыскал в укрытии ящик со снарядами и доставил его к орудию. Тут же прогремели, один за другим, меткие выстрелы старшего сержанта Мощенко, и "Фердинанд" был подбит.

— А почему же я об этом ничего не знаю, почему мне никто не доложил? — в смягченной ярости и смятении спросил Катковский.

— Видимо потому, что штабная машина была очень далеко от переднего края, — набравшись смелости, но, приближаясь к истине, дерзнул начальник штаба.

— Кто это вам сказал, сам замполит?

— Нет, замполит этого не мог сказать, так как он до последнего дня не выходил из поля боя. А сообщили это наши раненые, доставленные в санчасть дивизиона, которые вместе с ним находились на передовой в ходе боя.

— Как же он находился на боевых позициях и даже без бинокля? Ведь артиллеристу без него нельзя наблюдать за ходом боя, — сказал командир дивизиона.

— Конечно же, бинокль для артиллериста очень нужен был в ходе боя, но мы ему не предложили его, — сказал начальник штаба.

— Эту ошибку надо исправить, — сказал Катковский.

— А другие? — спросил начальник штаба.

— Что другие? — с недоумением спросил Катковский.

— Ну, другие ошибки.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что его никто так унизительно не встречая в частях и подразделениях, как мы встречали в дивизионе. А когда он прибыл в дивизион и представился мне, — сказал начальник штаба, — то он говорил мне, что отныне дивизион, это мой дом, а в доме — вся моя семья. А разве же в порядочной семье так кого встречают?

Замполит Простоян поделился со мною о том, что когда его после курсов младших лейтенантов направили в артпульроту, то они с командиром роты так дружили, что с одного котелка кашу ели. А когда ему дали батальон, то с командиром батальона они одну шинель под себя клали, а другой укрывались.

— Но все это дело поправимое. У нас был замполит..., но этот, это дело совсем другое. Он не спорит, он дело делает, — сказал командир дивизиона.

— Нет, не просто дело делает, а героизм и отвагу проявляет. Личный состав в бою своим примером вдохновляет. Вот он у нас какой замполит, — с восторгом сказал начальник штаба капитан Хмыс.

— Конечно, по всему видно, что он смелый и решительный, но в тоже время он и рискованный, — сказал Катковский.

— Но без этих качеств невозможно по-настоящему громить врага, — в заключение сказал начальник штаба капитан Хмыс.

Прошло несколько дней после выхода из боя, и стало известно, что 123 стрелковая дивизия передана в распоряжение 2-й Ударной Армии. Произошла некоторая передислокация частей и подразделений.

Из политотдела дивизии в истребительный артдивизион пришло распоряжение о том, что в Доме Красной Армии, в районе дислокации 2-й Ударной Армии во второй половине сентября месяца 1943 года будет проведено совещание офицеров-политработников полков и отдельных частей. Замполиту 229 ОИПТД, старшему лейтенанту А. Простояну необходимо подготовиться к выступлению по обмену опытом работы в прошедших боях и о подготовке к новым наступлениям.

Через несколько дней после полученного распоряжения о проведении совещания, заместитель по политчасти старший лейтенант Простоян отправился в населенный пункт Сольцы, где дислоцировался штаб 2-й Ударной Армии.

Находясь на таком важном для Простояна совещании, первом за все время боев, он чувствовал себя по-особому бодро и радостно. Здесь царила обстановка торжества и деловитости. В период регистрации участников совещания играла музыка. На столах, в смежной комнате, были разложены подшивки газет и журналов. Непрерывно работало радио.

Просматривая подшивки газет, Простоян интересовался сводками Совинормбюро о положении на фронтах. По одной из сводок Совинформбюро Простоян узнает важную для себя новость. Он прочитал, что

в начале августа 1943 года нашими войсками освобождены города Орел и Белгород. В августе освобожден Харьков, и завязались бои у Донецка.

Но какая же была радость на душе у Андрея Простояна, когда он обнаружил в подшивке газеты "Ленинградская правда" сводку Совинформбюро о том, что в числе освобожденных населенных пунктов от немецко-фашистских захватчиков был освобожден и его родной город Бердянск на Азовском море, где живут его родные: отец, мать, брат и сестра, о судьбе которых он уже третий год ничего не знает. Третий год не получает весточек ни от родных, ни от близких и знакомых людей.

Великое горе прошло по украинской земле. Из последних сводок Совинформбюро все больше и больше просачивается сведений о злодеяниях фашистских захватчиков на оккупированной земле. Одно из таких сообщений он вырезал из газеты еще раньше, где упоминалось о злодеяниях в его родном городе Бердянске. В сводке Совинформбюро сообщалось следующее:

«Получено сообщение о чудовищном злодеянии немецко-фашистских мерзавцев. Недавно местные жители города Бердянска получили из немецкой комендатуры приказ явиться с семьями на Мерликовую балку для отправки в тыл. Когда старики и женщины вместе с детьми собрались в указанном месте, их окружили немецкие автоматчики и заставили рыть ров. Затем гитлеровские палачи открыли по своим жертвам огонь. Всего было расстреляно более 800 советских граждан».

Кто знает, возможно среди этих жертв фашизма были и его родные? И вот, увидев своими глазами сводку Совинформбюро об освобождении ряда населенных пунктов на юге страны, и в том числе его родного города Бердянска, Андрей Простоян решил во чтобы-то ни стало в ходе работы совещания дать несколько телеграмм его родным, близким и знакомым, с таким расчетом, что хоть кто-нибудь ответит на его запрос. Но как это сделать, к кому обратиться по данному вопросу?

Конечно же, все можно сделать через узел связи, подумал Простоян. И он решил обратиться в армейский узел связи.

На второй день, к концу работы совещания, Простоян пошел искать узел связи. Он зашел в здание штаба армии, предъявил часовому приглашение на совещание и пошел по коридору смело и решительно, словно он здесь уже был не раз. Прошел мимо нескольких комнат, дошел до предпоследней двери с надписью "Спецсвязь". Узла связи не нашел. Наугад он приоткрыл дверь рядом со спецсвязью. За большим столом, покрытым зеленым сукном, сидела за работой довольно симпатичная на вид, грациозная девушка. Она подняла свою курчавую, с черными волосами, голову и спросила: «Вам кого?» Простоян, не призадумываясь, сказал: «Вы мне очень нужны. Я хочу с вами посоветоваться по очень важному делу».

– И что же это за дело? – спросила она с любопытством.

— Дело в том, что освободили мой родной город от фашистов. Три года я ничего не знаю о судьбе своих родных. За это время ни от кого не мог получить ни одного письма. Совсем осиротел. А сейчас вот вызвали вы нас на армейское совещание. И я решил обратиться за помощью — мне нужно дать телеграммы в родные края, где я жил и где работал.

— Но мы же можем давать только служебные телеграммы, — сказала с сочувствием девушка.

— В том-то и дело. Но все же имеется у нас какой-то вариант? Отсюда можно телеграммы передать в Ленинград на гражданский телеграф или узел связи?

Девушка живо заинтересовалась судьбой, сложившейся для старшего лейтенанта Простояна. В душе она была склонна как-то помочь ему наладить связь со своими родными, или хотя бы узнать о том, какая судьба его родных, находившихся в оккупации. Живы ли они или нет?

Чтобы решить вопрос о передаче телеграммы, ей нужно было посоветоваться с начальником связи штаба армии или с его помощниками.

— Вы посидите здесь, напишите тексты телеграмм, а я схожу на узел связи и посоветуюсь, как вам можно помочь? Но, прежде всего, скажите, как ваша фамилия и с какой вы части? А то меня спросят, а я ничего не знаю о вас.

— Да, конечно, вы должны хоть что-то знать обо мне. Я — Простоян Андрей Петрович, — заместитель по политчасти командира 229 истребительного дивизиона 123-й стрелковой дивизии.

— Так это о вас напечатана такая большая статья о подвигах, да еще и с фотографией?

— Какая статья? Я даже понятия не имею, кто бы это мог обо мне написать?

— Да у меня даже вырезки есть из армейских газет. Мы такой материал о подвигах собираем для альбомов. Вот почитайте эти статьи, здесь вы найдете и о себе. А я схожу на связь, — сказала она.

— Но, простите, вы не можете сказать, как вас зовут, как ваша фамилия?

— Я — Екатерина Михайлова. И машинально протянула свою теплую и нежную руку Простояну. Дотронувшись до трепетной руки Кати Михайловой, Андрей подумал: неужели же на свете есть такие добрые и чуткие люди? Ведь она от души хочет помочь совсем незнакомому человеку в его просьбе.

Положив на стол огромный альбом с фотографиями и статьями из различных армейских газет Ленинградского фронта, Катя Михайлова тот час же ушла. Из последних, самых свежих вырезок статей Простоян сделал вывод, что к армейскому совещанию было приурочено несколько армейских газет. В них были подготовлены рубрики о героизме и подвиге в боях с немецко-фашистскими захватчиками воинов Ленинградского фронта.

В альбоме Простоян обнаружил много интересного и захватывающего, и, в том числе и о его однополчанах, с которыми он не раз ходил на штурм укреплений противника под Ленинградом. Среди них: Герой Советского Со-

юза Заика, знатный снайпер, кавалер ордена Славы Быканов, старший сержант Борзенков, старший сержант Сухаревский, солдат Кожарский и другие.

В одной из статей рассказывалось о том, как недавно при отражении вражеской атаки, отличился сержант Плеханов. Вместе со своим отделением он стойко дрался с врагом. И даже после ранения не ушел с поля боя.

Здесь же, на другой странице альбома, была наклеена длинная статья под названием "Кавалер двух орденов". Это была подборка материала корреспондента И. Розенфарба о боевых подвигах старшего лейтенанта Простояна. Прошло немало времени с тех пор, как к Простояну был направлен корреспондент в госпиталь, где он находился на излечении. Об этой встрече, о беседах Простоян уже и перестал вспоминать. Ему даже и не верилось, что может появиться в печати такой материал. И, вдруг, сегодня он сам читает о себе следующие строки:

«С болью в сердце читал Андрей Простоян сообщение Совинформбюро о чудовищных злодеяниях немцев на Запорожье, в его родном городе Бердянске. Кто знает, может быть среди 800 невинных жителей, по приказу гитлеровского зверья рывших себе могилу в Мерликовой балке и затем тут же расстрелянных, были и его отец, мать, брат и сестра? Вырезку из газеты он спрятал в левый карман гимнастерки. Она жгла его сердце, наполняла жгучей ненавистью к врагу, придавала в сражениях силу, зарождала смелость, самоотверженность.

... Шел жаркий бой. В одном из напряженных моментов ранило командира роты. Андрей взял командование в свои руки и успешно отбил самую яростную из атак. В другом бою, когда, лишившись командира, бойцы замешкались, Простоян поднялся во весь рост и увлек за собою роту. Немецкие укрепления были прорваны. Вскочив в траншею, Простоян пристрелил троих гансов, четвертому раздробил голову прикладом, метнул гранату в землянку и уложил на месте еще двух гадов. 500 оккупантов уничтожила рота.

... Батальон наступал на немцев в совершенно открытой местности. Нужна была поистине нечеловеческая выдержка, воля, смелость, чтобы успешно завершить атаку. И вот под ураганным огнем 24-летний командир-большевик, переползая от бойца к бойцу, подбадривает их. Воодушевленные воины, презирая смерть, бросаются вперед, опрокидывают врага, отбрасывая его на 6 километров. Тяжело раненый падает Простоян.

За отвагу и героизм правительство наградило Простояна орденами Отечественной войны I и 2-й степени, медалью "За оборону Ленинграда", а командование присвоило ему звание "старшего лейтенанта".

И. Розенфарб».

Пока Катя Михайлова решала вопрос на узле связи, Простоян продолжал читать вырезки из газет, и рассматривал различные фотографии о ходе боев, помещенные в альбоме. Ему показалось, что она слишком задержалась там. Но это так и было. Когда она зашла на узел связи, то увидела там целое столпотворение корреспондентов газет и радио, которые были так же приглашены на совещание офицеров-политработников, для освещения хода работы. Свои репортажи они стремятся передать незамедлительно через узел связи. Были здесь корреспонденты, прибывшие из Ленинграда. У Михайловой родилась мысль обратиться к одному из Ленинградских корреспондентов и посоветоваться с ним по вопросу об отправке телеграмм там на месте.

Когда она спросила, кто есть из Ленинграда, то откликнулся один из них, корреспондент Хитров. Она ему и рассказала об одном из участников этого совещания, старшем лейтенанте Простояне.

Корреспондент Хитров живо заинтересовался этим случаем. Ему не доставало хорошей, свежей информации от непосредственного участника боев для репортажей в газеты и на радио. Он согласился пройти с Михайловой к ней в кабинет, где ждал ее Простоян. Дверь открылась, и Простоян увидел рядом с Михайловой высокого, рослого, чуть худощавого человека в погонах капитана. Он вначале подумал, что это один из работников узла связи, но эмблемы не подходили. Тот подошел поближе к Простояну, протянул ему руку и сказал: «Корреспондент Хитров из Ленинграда». Андрей Простоян мгновенно приподнялся и сказал: «Я очень рад с вами познакомиться».

— Вы, что прибыли на совещание политработников?

— Да, я замполит 229 отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

— А Михайлова говорит, что вы воевали в роте, батальоне, и о ваших подвигах в альбоме есть вырезка.

— Да, она верно говорит. Я был вначале замполитом артиллерии, затем замполитом стрелкового батальона. Я был тяжело ранен, и после излечения в эвакогоспитале, как бывшего артиллериста из гаубичного артполка, меня направили в истребительный противотанковый артдивизион, где я участвовал в синявинской операции.

О том, что обо мне имеется такая статья, я совсем и не знал, так как армейская газета до меня не дошла.

Корреспондент бегло ознакомился со статьей и сказал: «Это очень важный и ценный материал для книги».

— Простоян улыбнулся и сказал: «Это обычное солдатское дело на войне».

— А что вы можете рассказать о последних боях в истребительном дивизионе? — спросил корреспондент.

— Это были очень тяжелые бои. И если в пехоте я шел в бой в цепи со своими пехотинцами, то здесь в истребительной артиллерии наши орудия находились не только в боевых порядках пехоты, но даже впереди нее на

танкоопасных направлениях, и первый удар танков противника истребители принимали на себя. Об этих боях артиллеристов дивизиона я писал в дивизионной газете "На боевом посту". Если хотите, вы можете познакомиться с материалом. Вот он у меня в планшетке. А о некоторых деталях боя я могу кое-что еще рассказать.

— В этом бою я впервые увидел и ощутил, как на тебя ползут фашистские чудовища смерти: "тигры", "пантеры", "Фердинанды". Я сам лично видел, как артиллеристы одного из взводов уничтожили два танка противника, а затем вышла самоходная пушка "Фердинанд" и чуть было и меня самого не накрыла.

— Как, вы же замполит артдивизиона и находились у самой пушки в ходе боя?

— Да, я никогда солдат одних не оставлял в тяжелых боях, а тем более на танкоопасных направлениях.

— Но у вас же целый дивизион и пушек много?

— Но я именно находился на наиболее танкоопасном направлении. И на этот раз, возможно, было очень полезным быть там. Я увидел, как расчет старшего сержанта Мощенко в поединке с "Фердинандом" оказался в критическом положении. В расчете все были ранены. Снарядов рядом не оказалось, а "Фердинанд" наседал. Я это заметил и успел доставить ящик снарядов к орудию. А остальное командир орудия сам сделал. Третий выстрелом подбил самоходку.

— Ну, что же, я благодарю вас за столь важную и нужную для меня информацию о последнем бое.

— А теперь о вашем вопросе, который привел вас сюда в этот кабинет. Мне Катя сообщила, что вы узнали, что освобожден ваш родной город от оккупации.

— Это так. Да, именно здесь на совещании, когда в подшивках газет я нашел сообщение Совинформбюро, что освобожден мой родной город Бердянск, где проживают мои родители, вернее, до войны проживали. И вот уже три года я о них ничего не знаю. Вот я и обратился сюда за помощью: отправить в мой город и на место бывшей учительской работы пару телеграмм.

— Так это мы сделаем запросто, — сказал корреспондент. — Завтра, после окончания совещания, наша группа выезжает в Ленинград. А я срочно выезжаю на ленинградское радио, и мы пошлем не только ваши телеграммы, но и другой материал. О вас услышат и узнают не только ваши родные, друзья и знакомые, но и вся страна.

— За это вам огромное спасибо. Вы вселили в мою солдатскую душу радость и надежду. Мне посчастливилось, что я дожил до такого времени, когда узнал об освобождении своего родного города. У меня были всякие переживания в жизни, связанные с войною. Судьба складывалась так, что я не раз подвергался смертельным опасностям, и уже дважды считался погибшим в бою. За это время войны и жизнь, и смерть были рядом.

много командиров и начальников более высокого ранга. Разбирались причины удачных и неудачных операций, а, особенно, под Красным Бором, где задача не была выполнена по достижению намеченной цели. Но почему, кто виноват в этом? Об этом главном так и не сказали... Простоян об этом не услышал ничего вразумительного.

И все же о формах и методах работы с личным составом рассказано было много. Андрей Простоян многое записал в своем рабочем блокноте, а многое принял к сведению.

В общем же побывать на таком совещании, повидаться со многими политработниками для замполита Простояна было очень важным моментом в его фронтовой жизни.

Не окажись на этом совещании, он возможно еще долго не мог бы знать о том, что его родной город освобожден. Он не мог бы предпринять меры по розыску родных, чтобы скорее узнать об их судьбе после трехлетнего перерыва переписки с ними. Теперь у Простояна есть хоть какая-то надежда на то, что если кто есть в живых, то телеграмму его они получают.

После окончания совещания все участники 123-й стрелковой дивизии отправились к месту дислокации своих частей.

Начались будни подготовки личного состава к грядущим наступающим боям. По полному освобождению ленинградской земли от фашистских захватчиков.

Через некоторое время, после передачи 123-й стрелковой дивизии в распоряжение 2-й Ударной Армии, истребительный противотанковый дивизион по приказу командования был передислоцирован на новое место. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы отрыть землянки в лесу, разместить весь личный состав побатарейно и укрыть материальную часть в отрытых нишах. После этой первоочередной задачи начнется усиленная подготовка к боям.

По распоряжению начальника штаба артдивизиона, землянку для замполита Простояна вырыли отдельно. Это было очень кстати. В этих условиях вся массово-политическая работа, работа по воспитанию личного состава велась более активно и продуктивно со всем активом дивизиона: партийными, комсомольскими организациями, офицерским составом и составом младших командиров. Вся эта работа в любых условиях шла своим чередом.

Но у Простояна были и свои сугубо личные тревожные вопросы. Он изо дня в день ждал весточки из освобожденного родного края. Но ее не было уже второй месяц после отправки телеграмм. Значит, причина в другом, в том, что телеграмма не была вручена адресату. Но он посылая ее не только домой, но и в школу, где раньше работал. Откуда и был призван в армию. Разве же и туда она не дошла? Кругом одни загадки. Для разгадок нужно время и терпение. Надежда его не покидала.

И вот, спустя немногим более двух месяцев, в лесную землянку с двумя накатами, с полом, покрытым душистыми зелеными ветками хвои, хлынула

Первый раз это было, когда, выполняя спецзадание командования, наша спецгруппа выходила навстречу к своим войскам по тылам врага и выносила знамя полка. Тогда я не желал ничего на свете, кроме одного — не погибнуть на чужой территории, не попасть по оплошности живым в руки врага. Дойти до своих, увидеть хоть одного русского, доложить о выполнении задания. И я снова в строю, хотя был опасно ранен в ногу.

После этого, находясь в различных боях по прорыву блокады Ленинграда, как бы меня ни ранило, а я жил одним желанием — дожить до того дня, когда хоть что-нибудь станет известно о моем крае, о моем городе, о судьбе моих родителей.

И вот, чисто случайно, здесь на совещании, я узнаю, что мой город освобожден. Поэтому вполне логично сделать все необходимое, чтобы разыскать хоть кого-нибудь из родных, друзей или знакомых. Вот почему я очень буду надеяться на вас, что мои телеграммы дойдут.

— Заверяю вас, что мы сделаем все необходимое, чтобы они дошли до ваших родных или знакомых, если там кто есть в живых, — сказал Хитров.

На этом старший лейтенант Простоян простился с корреспондентом Хитровым, еще раз поблагодарив его за обещанную помощь.

Перед уходом из кабинета Екатерины Михайловой Андрей Простоян подошел к ее столу, протянул свою, чуть дрожащую руку и сказал: «Дорогая Катюша, сама судьба мне вас послала. Я очень благодарю вас за оказанную помощь и содействие. Вам же желаю от всей души самого крепкого здоровья и всех благ в этой нелегкой армейской жизни. Но еще я хочу спросить вас, каким образом мне можно достать вырезку из армейской газеты, такую, как у вас в альбоме?

— А это очень просто. В зале, где проходит совещание офицеров-политработников, у нас имеется в отдельной комнате подшивка газет и журналов. Если найдете там газету со статьей о вас, то я разрешаю вам взять не только статью, но и изъять из подшивки всю газету.

— Все так просто? — спросил Простоян.

— Конечно же, если надо, — сказала Катя.

Простоян наклонился, пожал руку Кати, и слегка поцеловал.

— До свидания, Катюша, — сказал он, уходя из кабинета, хотя ему вовсе не хотелось уходить от нее сейчас.

На следующий день совещание продолжалось. За первых два дня немало выступило политработников по обмену опытом работы из разных частей и различных рангов. Ждал своей очереди и Простоян. У него было что рассказать, было чем поделиться, рассказать хотя бы несколько эпизодов о личном участии в боях, доходивших до рукопашных схваток. Об этом ни один из выступающих до сих пор почему-то не говорил. А в достоверности участия в непосредственных боях нужны факты, чтобы понять истинную картину боя.

На первый день Простоян не попал в список выступающих, а на второй день времени не хватило для всех желающих выступить, так как выступало

как морская волна, та весточка, которая словно живительным эликсиром радости наполнила солдатскую душу. В землянке на столе, сколоченном из жердей и покрытом брезентом, перед глазами Простояна лежало письмо, впервые за многие годы принесенное ему почтальоном со знакомым подчерком его родной сестры и обратным адресом матери. Невыразимое счастье и радость влились бурным потоком в исстрадавшуюся душу старшего лейтенанта Простояна. Дух бодрости и радости он почувствовал даже еще не вскрывая и не читая его, не зная, что таится в его содержании.

Много лет подряд не получая ни от кого из родных весточки, он чувствовал себя словно осиротевшим. Но теперь письмо пришло, и он не одинок на этом белом свете, под небом голубым.

И все же Простоян какое-то время медлил вскрывать это письмо. Ведь оно пришло из края, бывшего в оккупации, под игом фашизма. В нем таились всякие неожиданности для Андрея. Осмотрев еще в который раз конверт, наконец-то, он вскрыл его и начал читать. В письме, словно на гранитной плите, вычерчены, выгравированы слова радости и слова печали: погиб отец, брата Ваню увезли в Германию, в рабство. Чудом уцелела мать и сестра. Это то главное, что узнал Андрей из письма. В этом первом письме сестра сообщала следующие подробности: «Дорогой и любимый братик Андрей! До нас чудом дошла твоя телеграмма. Чудом потому, что того дома в городе, в котором жила вся наша семья, теперь нет. Немецкие оккупанты при отступлении сжигали и взрывали многие дома в городе, взорвали в том числе и наш. На людей устраивали облавы, и под предлогом отправки в Германию сгоняли в Крутой яр и там расстреливали целыми семьями.

После освобождения украинской земли, и в том числе нашего города, приходят сотни писем и телеграмм, а кто, где живет, куда их разносить и кому вручать, почта не знает. Так накапливалась мешками всякая корреспонденция. Мы сами, местные жители, начали ходить на почту, и среди вороха писем и телеграмм искали: нет ли нам откуда-либо весточки. Там же оставляли свои адреса для почтальонов. И вот для того, чтобы получить от тебя телеграмму, понадобилось так много времени.

Дорогой братик! Как печально было для нас, когда мы узнали, что ты так давно послал телеграмму, а мы ничего не знали. И в тоже время, какая же это была для нас радость, какое счастье, когда из этой маленькой, самой драгоценной весточки, мы узнали, что ты жив.

Что касается нас и всего нашего семейства, то даже страшно тебе обо всем писать. Здесь сплошная трагедия. Сама я чудом уцелела. Нас — молодежь города, как скотину сгоняли в немецкую комендатуру, а затем партиями отправляли на вокзал, и всех отвозили на каторгу в Германию. Два раза отправляли меня. Но оба раза я бежала с дороги. Мы выжидали подходящие моменты, и прыгали из вагонов на ходу, хотя понимали, что рискуем жизнью. А затем после прыжков с травмами и синяками добирались до дома.

Отца нашего в немецкой комендатуре расстреляли за то, что он укрывал своего младшего сына Ивана, который с другими ребятами сбежал из

города в деревню Малиновку. Там они на окраине деревни в овраге вырыли себе землянку, и некоторое время жили. Но бывший тамошний кулак выследил их и предательски выдал немецким полициям. Была сделана облава. Всех ребятишек выловили, и в скорости угнали на угольные шахты в Германию. Что с ним, какая его дальнейшая судьба, никто с тех пор ничего не знает. Возможно, он погиб.

Когда второй раз, после отправки в Германию, я сбежала, и снова прибыла домой с разбитой ногой, то мать решила в городе больше не оставаться, а перейти в пригород, в рыбацкий поселок. Там мы нашли хижину, и дожили до дня освобождения.

Дорогой братик! Какой охватывает нас ужас, когда подумаешь о том, что наш такой цветущий город, красивый город у самого моря, город-курорт, фашистские орды превратили в конюшни, казармы и лагеря с колючей проволокою. Кто же им за это отомстит за все?

Мы спешим отправить тебе это небольшое письмо, ибо знаем, как ты ждешь его. В следующем письме мы опишем тебе более подробно о том, что мы пережили с самого начала войны, что здесь творили фашистские оккупанты, сколько они истребили невинных людей, и отправили на каторгу в Германию. До свидания, дорогой братик. Пиши нам. Крепко целуем тебя. Мама, сестра Катя».

Прочитав строки этого письма, Простоян был просто потрясен. В одном и том же письме было так много ужасного и трагичного с одной стороны, и в то же время радостного и возвышенного для него, что просто невозможно было справиться со своими чувствами, вызванными письмом.

Когда ординарец принес обед в землянку и увидел Простояна в таком состоянии, в котором его никогда не видел, то он с недоумением спросил: «Что с вами, товарищ старший лейтенант?»

— Да вот, Федя, получив это первое письмо от сестры из освобожденного города, я узнал о такой трагедии и перенесенном ими горе и ужасе, что просто невозможно так просто всего этого пережить. Вот возьми письмо и почитай. Тебе станет самому все ясно.

Ординарец Федя сам немало горя пережил. Его самого дорогого друга жизни — жену убило в своем собственном доме в Ленинграде при налете на город армады самолетов противника.

Взяв письмо в руки, он с огромным вниманием начал читать его. Вначале он читал его про себя, а затем начал читать во весь голос. Прочитав его, он лишь смог сказать: «Что же это они творят, фашистские гады, на нашей земле? Когда же будет этому конец?»

— А конец будет, дорогой Федя тогда, когда мы их всех погоним с нашей земли, — сказал, как бы успокаивая его и самого себя, Простоян. Такое время теперь уже не за горами.

Вскоро, после обеда, в землянку замполита зашел начальник штаба дивизиона капитан Хмыс. Поздоровавшись, он сообщил, что на завтра намечено построение личного состава дивизиона для зачитки некоторых

приказов командования. Он спросил, не будет ли у замполита каких-либо сообщений для дивизиона?

Ординарец Пискунов, как коммунист, не был безразличным к обстановке в дивизионе, а так же к судьбе своего замполита, которого он так ценил и уважал как человека, его неустомимый труд, за его мужество и героические поступки. Услышав разговор начальника штаба, он сказал, что сегодня старший лейтенант получил от родных из освобожденного города первое письмо, которое наполнено ужасами и трагедией пережитого ими в оккупации. Вот бы это письмо и зачитать перед строем.

Простоян вынул письмо из планшетки и дал почитать начальнику штаба. Он согласен с мнением своего ординарца в том, чтобы его зачитать личному составу, ибо понимал силу письма.

Письмо — острейшая стрела, разящая сердца. А если учесть то, что в письме имеется такие действительно разящие достоверные факты о зверствах фашистов, то несомненно, что они вызовут побуждение многих высказать свое мнение, а, возможно, выразить свой гнев, свою ненависть к фашистским гадам.

Когда начальник штаба прочитал письмо, то в заключение он сказал, что эти факты злодеяния фашистов, которые изложены в письме, они для многих солдат раскроют истину, о которой мало кто знает, и во сто крат сильнее могут возыметь воздействие на психическое состояние каждого, а особенно сейчас, в подготовке к новым боям.

Конечно же, если письмо потрясло самого Простояна и возымело такое сильное воздействие на ординарца, и тем более на начальника штаба дивизиона, то его следует зачитать для всего личного состава дивизиона, подумал Простоян.

После того, как перед строем был зачитан приказ личному составу дивизиона о важности и серьезности подготовки к новым боям, об ответственности каждого воина за повышение своих боевых качеств и укрепление воинской дисциплины, слово было предоставлено заместителю по политчасти старшему лейтенанту Простояну.

— Дорогие товарищи, воины истребительного дивизиона. Только что здесь был зачитан приказ вышестоящего командования о подготовке к новым, решительным боям по изгнанию немецко-фашистских оккупантов со всей нашей земли. На всем протяжении нашей многострадальной страны, от севера до самого юга, идут тяжелые, напряженные бои с немецко-фашистскими оккупантами. После разгрома гитлеровских войск под Москвой и Сталинградом, здесь, в прорыве блокады Ленинграда и на Орловско-Курской дуге идут повсюду сражения с врагом по освобождению народов от фашистского ига.

Не выдерживая мощного натиска наших войск, противник отступает и на своем пути уничтожает города и села, угоняет людей в рабство, на каторгу в Германию, а нередко целыми семьями уничтожает.

Дорогие товарищи! Сегодня до меня дошло первое письмо от моих

родных из оккупированного района. Письмо это уже многие читали в дивизионе и все пришли к выводу, что я его должен зачитать перед всем дивизионом.

Медленно, но четко и ясно, Простоян произносил каждое слово письма. У него появились спазмы в горле, но он, чуть прокашлявшись, продолжал его читать. Все слушали с огромным вниманием. В строю царил мертвая тишина. После прочтения письма замполит Простоян сказал: «Как видите, дорогие товарищи, во время оккупации фашисты творили самые страшные дела. Они убивали ни в чем не повинных людей: стариков, женщин и детей. Они убили в немецкой комендатуре моего отца, угнали в Германию на шахты моего младшего брата, дважды увозили в неволю мою сестру, которая оба раза бежала с поезда и чудом уцелела. От цветущего, красивого южного города, на Азовском море остались одни руины.

Чем больше освобождается наших городов и сел, тем больше раскрывается преступлений фашизма. В одном только Донецке шахты заполнены трупами советских людей, которых туда сбрасывали живыми. Вот она перед нами вся трагедия советского народа. Эта правда, эта истина из разных источников доходит до нас, тревожит наши души, проникает вглубь наших сердец острой болью. И мы сегодня с вами клянемся, что будем громить врагов с лютой ненавистью, беспощадно, как громили их наши бесстрашные воины-бронбойщики оружейных расчетов сержанта Васильева, старшего сержанта Мощенко и многие другие воины дивизиона, покрывшие себя неувядаемой славой».

Зачитав письмо и сказав несколько слов по его содержанию, замполит Простоян убедился в том, что многие выразили свой гнев и свое возмущение. Это видно было из выступлений командиров батарей, артвзводов, оружейных расчетов и рядовых.

От имени командования дивизиона выступил коммунист, начальник штаба, капитан Хмыс. В своем кратком взволнованном выступлении он сказал: «Дорогие воины дивизиона! Только что мы заслушали с вами слова письма из освобожденного города, где ранее проживал наш замполит старший лейтенант Простоян. Не высказать словами того негодования и возмущения, которыми наполнены наши сердца, узнав о зверских злодеяниях фашистов. Я думаю, что не ошибусь, если от имени всего дивизиона скажу, что мы сумеем отомстить врагу, здесь под Ленинградом, за горе и страдания наших людей. Враг пытался нас здесь задушить голодом, уничтожить бомбами и снарядами. Но мы выстояли. И не он нас, а мы его вгоним в сырую землю». В знак солидарности с выступающим в строю раздались бурные аплодисменты.

Обычное построение дивизиона для зачитки приказа о подготовке к последующим решительным боям, после того как замполит Простоян прочитал письмо, вылилось в митинг солидарности по мобилизации духовных сил личного состава и поднятия наступательного боевого духа.

В период напряженной работы с личным составом дивизиона по

подготовке к наступательным боям по полному освобождению Ленинграда и Ленинградской области, в землянку Простояна пришла еще одна важная и радостная весточка. Из школы, где он работал до армии, пришла открытка от одной пожилой учительницы. На открытке было написано всего несколько слов: «Если вам дорого имя Валентины Ставцовой, то я сообщаю ее адрес. С уважением, Соловьева». Получив эту немногословную открытку, Простоян был рад, так как из этой весточки он узнал, что ему удалось выйти на след человека, имя которого ему дорого. Это имя он хранит в душе своей, как незыблемую святыню. Не исключена возможность, что эта пожилая учительница, с которой жила рядом и дружила Валентина Ставцова, что она и ей сообщила адрес Простояна. И тогда к нему совсем неожиданно может прийти эта важная весточка. Но теперь, имея ее адрес, даже не зная ее сложившихся обстоятельств жизни, Простоян решил написать кратенькое письмо и сообщить собственноручно свои координаты и некоторые подробности своей фронтовой армейской жизни. А главное, что он жив и здоров, что все эти годы, начиная с 1939 года, когда она провожала его в армию, он ее не забывал и остался верным ей, как своему идеалу.

В походном блокноте Простояна помечена еще одна очень важная и памятная дата его фронтовой и боевой жизни. Это выписка из приказа командования фронтом о присвоении ему очередного воинского звания. В приказе указывалось: «За успешные боевые действия личного состава 229 ОИПТД, за личное мужество и героизм Простояну Андрею Петровичу присвоить очередное воинское звание "капитан". 25 декабря 1943 года».

Большим событием и высокой честью для Простояна было то, что в канун нового 1944 года, с присвоением этого высокого воинского звания, его поздравил Политотдел 123-й стрелковой дивизии, где его ценили и знали, что на какой бы участок его не посылали, он не подведет.

То, что лично для Простояна присвоение очередного воинского звания явилось событием огромной важности, как в моральном, так и духовном значении, — это само собой разумеется.

Но то, что присвоение ему звания "капитан" возымело огромное значение и для всего личного состава дивизиона, стало известно Простояну чуть позже.

При сложившейся атмосфере взаимоотношений между командиром-единоначальником и личным составом всем хотелось эту ситуацию как-то изменить, разрядить, порвать нити натянутости между ним и его подчиненными. И именно присвоение звания замполиту, равного званию командира, словно всколыхнуло всех, словно обнадежило, привнесло новую волну суждений и размышлений среди личного состава.

Многие прямо говорили: теперь в высшем эшелоне командования дивизиона не два, а три капитана. А это значит, что жизнь дивизиона должна более-менее уравновеситься, стабилизироваться. Об этом заговорили не только рядовые солдаты между собою, но также и младшие командиры и офицеры, о чем сегодня поведал замполиту ординарец Пискунов в довольно интересной форме. Принеся с пищеблока дивизиона завтрак и поставив его на

буржуйку" подогреть, ординарец спросил замполита:

— Товарищ капитан, вам можно задать один вопрос?

— Конечно же, Федя, о чем может быть речь.

— Вот я хочу спросить вас: «Помните ли вы из мифологии, как древние индусы представляли, на чем держится Земля?»

— Конечно, Федя. Я этот рисунок: очень хорошо помню. Там нарисовано три кита, а на китах покоится Земля в виде полусферы.

— Так вот, по ассоциации с мифологией, солдаты считают, что теперь, с появлением трех капитанов, дивизион не будет штормить, качать из стороны в сторону, как раньше.

— Это довольно любопытно, — сказал Простоян. — Неужели же солдаты так и говорят, что дивизион штормит и качает?

— Безусловно, говорят, так как его начало штормить еще задолго до вашего прихода в дивизион. Личный состав все видит, и все понимает. Все знают, что вы осуждаете неверные, чванливые и самолюбивые действия командира, его грубое, чиновничье отношение к некоторым офицерам, не говоря уже о младших командирах и рядовом составе.

И уж если вы разрешили мне задать вам прямой вопрос, то я, как коммунист, хотя и далек от обсуждения действий командира, но ради справедливости скажу вам то, чего не скажут вам другие солдаты.

Они все видели вас в ходе тяжелых боев именно на поле боя, рядом с собою, хотя понимали, что замполит в дивизионе один, что каждому в бою свое место. Но именно ваш личный пример, ваше появление в критический момент там, на самом танкоопасном направлении и придавало уверенность и силу, и энергию бойцам выстоять против напора танков и самоходок противника. Об этом вашем подвиге не один раз рассказывал командир орудия старший сержант Мощенко, так как он больше всех это почувствовал на себе. Многие говорят, что с таким смелым и решительным, с таким справедливым замполитом, как у нас, они готовы идти хоть на край света, на выполнение любого задания командования. Для каждого воина дивизион — это, прежде всего, его родная часть, его родной дом, это наша большая семья, а у каждого в семье имеется своя жизнь, своя судьба. Судьба во многом зависит не только от складывающейся обстановки хода боя, но и от сугубо внутренней жизни, как во время хода боев, так и входе подготовки к ним.

Вам, в бывшем звании "старшего лейтенанта" было труднее решать некоторые вопросы по сплочению личного состава вокруг командира-единоначальника, так как он зачастую допускал несправедливость по отношению к личному составу, так как у него были и остаются свои любимчики, через которых он проводил свою сугубо корыстную, эгоистическую линию, идя вопреки здравому смыслу, принимая роль политико-воспитательной работы, которую вы твердо и неустанно проводите в дивизионе, придерживаясь правила, что для вас все равны в дивизионе по своему человеческому достоинству, независимо от воинского звания и занимаемой должности. Вы одинаково заботливо относитесь ко всему

личному составу, как к своей единой боевой семье. Вот почему в дивизионе присвоение вам очередного воинского звания "капитан" воспринято всеми с чувством гордости и радости за вас, считая, что три капитана — это три кита. Для дивизиона это закономерно и даже необходимо. Это даже несколько символично. И если уж когда затрясет, заштормит в жизни дивизиона, то только в силу особой необходимости. Вот так примерно мыслят и рассуждают солдаты дивизиона, — сказал ординарец Пискунов.

— Конечно, вопрос поднят коммунистом, его ординарцем, и имеет под собою почву, — подумал Простоян, так как с той минуты, как только он встретился с командиром дивизиона, он понял, что такого типа советских офицеров он до сих пор не встречал, и не мог себе представить, что такие имеются, хотя при назначении на эту должность в политотделе дивизии ему недвусмысленно дали об этом понять, так как именно из-за крутого характера, эгоизма и чванливости командира дивизиона бывшему замполиту и пришлось уйти с занимаемой должности.

Все понимали, что нелегкая жизнь предстоит замполиту Простояну в работе совместно с командиром, которому вверены судьбы людей в довольно сложной боевой обстановке, в которой вместе необходимо готовить и вести в бой солдат против хитрого и коварного врага. Перед молодым коммунистом-политработником Просторном жизнь поставила острую необходимость: постепенно, но твердо и уверенно, начать работу по изменению тяжелого, крутого характера командира дивизиона, что само по себе куда сложнее, чем работа со всем самым многохарактерным составом дивизиона. Это потребует максимум времени, силы воли и психолого-педагогического подхода в решении данного вопроса. Это прямая, открытая и скрытая, тонкая и острая идейно-политическая борьба, направленная на восстановление справедливости. Должен победить, восторжествовать здравый смысл во взаимоотношениях между командирами-офицерами всех должностей и рангов и их подчиненными, — так мыслил себе замполит Простоян.

Налицо сложная и противоречивая обстановка, с которой встретился впервые в своей жизни Андрей Простоян, будучи заместителем по политчасти. С одной стороны, надо укреплять единоначалие, поднимать его авторитет, а с другой стороны, с ним самим лично надо вести борьбу по изменению его характера, его взаимоотношений с подчиненными, так как его действия подрывают его же авторитет, противоречат высокому званию офицера, командира-единоначальника Красной Армии. И эту задачу надо решать сегодня, сейчас. От нее никуда не денешься, так как речь идет не просто о личном взаимоотношении двух человек с различными характерами, мировоззрением и понятиями своей роли в боевой обстановке. Личные взаимоотношения двух офицеров могли бы в какой-то степени отражаться на них самих. Но в данном случае речь о взаимоотношении одного человека, командира, наделенного высокой властью военного времени, со всеми своими подчиненными. Ошибки и недостатки в действии любого можно исправлять с помощью довольно мощной партийной организации дивизиона.

кроме ошибочных или преднамеренных действий командира-единоначальника, так как его действия недосыгаемы критике. К тому же его действия поддерживают или делают вид, что все нормально, в штабе артиллерии дивизии. Простояну, как и некоторым другим лицам в дивизионе, стало известно, что взаимоотношения командир дивизиона со штабом артиллерии дивизии прочно поддерживает через своего представителя – начальника отдела снабжения дивизиона, который нередко посещает штаб артиллерии, и, конечно же, не с пустыми руками, а с приношениями работникам штаба в виде "правительственного пайка" – спирта, тушенки, колбасы копченой и прочего...

Иная позиция политотдела дивизии в этом вопросе. Отсюда капитан Простоян делает вывод: предстоит очень серьезная и напряженная психология и философия борьбы с теми негативными явлениями, которые реально существуют в отдельной части, 229 ОИПТД, оперативно важной единицы в составе дивизии. Только он один может взять на себя функцию по борьбе с явными недостатками или, прямо сказать, нарушениями этикета и достоинства советского офицера во всех его действиях и взаимоотношениях с подчиненными. Сумеет ли мобилизовать свою силу воли, свой разум и умение бывший учитель школы Простоян на то, чтобы хоть как-то изменить обстановку в дивизионе, восстановить справедливость? Этого никто точно не может сказать сейчас. Только время сможет ответить на этот вопрос. Все зависит от уровня и силы мировоззренческих взглядов самого замполита дивизиона, от его умения направить ход диалектического развития и борьбы мнений тех здоровых сил, на которых держалась и будет держаться боеспособность личного состава дивизиона.

Время шло своим чередом. События на фронтах развивались неумолимо. Приближался Новый – 1944 год. Отдельный противотанковый артдивизион на этот раз находился в заснеженном зеленом хвойном лесу, зарывшийся глубоко в землянках под двумя и тремя накатами.

Что несет Новый год воинам и всему народу? Такой вопрос не сходит с уст каждого. Все возлагают на него большие надежды, так как все понимают, что 1944-й – это не 1941-й год. Должны наступить великие перемены в жизни войск.

Наступили они и во фронтовой жизни замполита Андрея Простояна. Получив на днях новое звание "капитана", замполит дивизиона, словно шире расправил свои мощные солдатские плечи. Он понимал, что это высокое звание требует от него высокого мужества, обязывает его еще больше и энергичнее развернуть свою деятельность среди личного состава дивизиона в подготовке к грядущим наступательным боям.

Возвратившись из большого армейского форума офицеров-политработников, где он получил свежий идейно-политический заряд, обогатив свой опыт работы на новом этапе наступательных боев, Простоян занялся поиском новых форм и методов идейно-политической и организационной работы применительно к многообразной структуре своего

дивизиона.

Анализируя опыт работы в подготовке к предыдущему бою, он понял, что для поднятия ее качества и эффективности старые формы уже исчерпали себя.

Нужен поиск новых форм и методов, необходимо находить главное звено, за которое надо взяться, чтобы через него поднять качество и весь уровень политработы. Конечно же, главными звеньями, через которые можно проводить все необходимые мероприятия, были и остаются партийные комсомольские организации и актив дивизиона. Но тогда при проведении работы не предусматривался дифференцированный подход во всех звеньях работы. Не проводилась тщательная подготовка по внедрению мероприятий. Давались общие указания партийным, комсомольским организациям, но с ними не проводились семинары или инструктивные занятия. Просто полагались на их прежний опыт. Но если они и обладали практическими навыками, то теоретический уровень их подготовленности, чтобы ответить на тот или иной вопрос или поставить его, был крайне низок.

Добиться подъема духовного потенциала и высокой боеспособности дивизиона можно с помощью теоретических источников, через которые прививается ежедневно и ежечасно высокое самосознание воинов, а это является основой для успешного выполнения задач командования.

Учитывая важность партийно-политической и воспитательной работы в период подготовки к последующим боям, замполит Простоян, помимо проведения семинарских занятий с секретарями партийных, а так же комсомольских организаций, выступал с докладами перед коммунистами первичной парторганизации и перед комсомольцами дивизиона. Как правило, старался наряду с раскрытием теоретических вопросов поднятия самосознания, использовать яркие примеры из боевой деятельности дивизиона, а также опирался на отдельные примеры героизма и мужества, проявленные на поле боя.

В своих выступлениях перед коммунистами и комсомольцами Простоян обращал внимание на то, что один из главных источников укрепления морального духа и боевой мощи дивизиона заключается в четком знании и понимании своих задач, своих возможностей, которые у каждого не ограничены. Это находчивость, боевая выучка, смекалка, политический кругозор.

Но знать и понимать то, что наше дело правое, этого мало. Надо эти знания применять в повседневной практике, в ходе подготовки к боям и непосредственно в ходе боя. Можно ненавидеть врага всеми фибрами души, но стоит струсить в ходе боя, когда на тебя идет танк, или растеряться, как сам погибнешь, и весь дивизион подведешь.

Отдельный истребительный дивизион — это весьма своеобразный и сложный организм в системе родов войск. В нем имеются самые разнообразные виды служб. Начиная от продовольственно-вещевого снабжения и до материально-технического. Отдельный истребительный

дивизион в своем составе имеет самых различных специалистов высокого класса, различных рангов и направлений, начиная от водителя автотранспорта и кончая заряжающим и наводчиком орудия.

За каждой службой — человек с высокой ответственностью: рядовой, младший командир или офицер. Боеготовность и боеспособность зависит от уровня подготовленности каждого в отдельности, от знания своих задач и стремления проявить мужество и героизм на поле боя.

Боеготовность и боеспособность зависят от морально-политического уровня всего личного состава. А эти факторы сами по себе не приходят. Эти факторы не постоянная величина, они зависят от различных обстоятельств И, в первую очередь, от уровня повседневного идейно-политического воспитания во всех звеньях, во всех службах дивизиона.

Но каждый вид идеологического, идейно-политического воздействия требует тщательного, научно-обоснованного отбора тех элементов, которые подходят для применения в зависимости от уровня образования и общего кругозора того или иного солдата или офицера, с которым беседуешь по самым различным вопросам, которые могут принести свой эффект, результат, внести в воспитательную работу эмоциональную окраску, произвести яркое впечатление, вызвать живой отклик.

Выступая на одном из партийных собраний дивизиона, замполит Простоян обратил особое внимание на то, что именно роль идейно-политического воспитания в любых условиях, а тем более в боевой обстановке, некоторые коммунисты недооценивают, принижают или просто недопонимают, хотя всем ясно, что сама по себе пушка не стреляет по танкам противника, а автомашина, загруженная снарядами, так нужными на передовой, не сдвинется с места без водителя. Значит они должны быть готовы в любое время, в любой обстановке к действию.

Как реагировал на эти слова сам командир дивизиона, трудно сказать. Но все же, видимо, он догадывался, что речь шла именно о нем. Его недопонимание или нежелание понимать важность фактора партийно-политической и воспитательной работы, это своего рода аполитичность. Она несовместима с высоким званием офицера, командира-единоначальника, которому вверены судьбы людей. Это необходимо изжить, с этим надо бороться, применяя все способы и средства, ибо это наносит огромный ущерб сплочению и повышению боеготовности личного состава.

Самоотверженная борьба, подвиги, мужество и героизм совершаются при наличии высокого уровня самосознания.

Постоянный творческий поиск форм и методов работы в боевой обстановке, истинный дух новаторства в работе Простояна заключались в том, что он акцентировал внимание секретарей партийных и комсомольских организаций на то, что в новых условиях боев, когда противник начал терять моральный дух и чаще начал понимать, что "Гитлер капут", меняется и тактика боя. Бои должны быть мощными, стремительными, с применением новой тактики обходов и обхватов укрепленных позиций противника. При

этом сохраняется живая сила и техника наших войск. Решается главная задача по овладению важными опорными пунктами противника.

Выступления замполита на собраниях с докладами не оставляло коммунистов и комсомольцев равнодушными. Они чувствовали струю нового, свежего поветрия, слушали его с большим вниманием, и горячо поддерживали его принципиальную линию в своих выступлениях и практических предложениях.

Живое слово в распоряжении замполита было единственным средством воздействия на умы и поступки личного состава дивизиона. Он понимал, что словесно-логический способ, хотя был и не вполне достаточным в проведении партийно-политической и воспитательной работы, но другие методы с применением технических средств пропаганды: проекционной, статической и динамической аппаратуры, как в школе на уроках, здесь были недоступны, а стало быть, и проводимые мероприятия всегда были ниже по своему уровню и качеству. Вот почему в общении с личным составом, при проведении бесед и докладов, совещаний и семинаров, он совершенствовал и усиливал эту словесно-логическую форму.

Используя словесно-логический метод наглядности, он использовал достоверные, разительные факты и примеры, как из жизни дивизиона, так и из жизни армии, что способствовало формированию убеждений личного состава, которые определяют целенаправленность деятельности и поведения каждого при выполнении боевого задания.

Не сбрасывал со счетов замполит и психофизиологические способности человека. Учитывались индивидуальные способности воинов, что позволяло находить самый короткий путь к душе солдата.

Среди солдат-артиллеристов Простоян встречал таких, которые имели высшее образование, а несколько человек имели по два высших образования. В своей практической работе он в полной мере использовал этот арсенал интеллекта в проведении бесед и политинформаций по взводам и расчетам.

Применяя живое слово в переплетении со свежими фактами из собственных наблюдений, Простоян добивался повышения качества и эффективности воспитания в своей довольно непростой профессии замполита.

Педагогические знания играли большую роль в работе замполита Простояна. Он применял общие дидактические требования к проводимым беседам и докладам, основу которых составляют учение о единстве конкретного и абстрактного, чувственного и рационального. Дидактика совершенно четко определяет зависимость и соблюдение правил проведения бесед и докладов: от легкого к трудному, от известного к неизвестному, от простого к сложному, от близкого к далекому. Научность, идейная направленность, информативность, актуальность, философская и речевая культура, приемы популяризации, доказательность и аргументированность, ораторское мастерство — вот к чему стремился замполит, вот какие профессиональные требования предъявлял он к каждому своему

выступлению, к каждой беседе и докладу. В этом суть его новаторских поисков, в этом сила и эффект по достижению цели в его работе, которую не так легко увидеть, и не взвесить ни на каких весах. Простым глазом не увидеть, но можно измерить общим уровнем морально-политического духа, дисциплиной и организованностью, монолитностью и боеспособностью личного состава дивизиона.

В этом весь боевой потенциал личного состава частей и подразделений. Из таких частиц и крупиц работы политработника в войсках и складывался успех наступательных боевых действий войск, который в конечном итоге приводил к победе над врагом.

Что касается вопросов личного характера, то Простоян удручал один серьезный вопрос. После получения первой весточки от родных из освобожденного города, он длительное время не получал писем. Причина не ясна, и предполагать в таком случае что-либо определенное, очень трудно. Самым тяжелым и тревожным для него было неведение, незнание истинных причин задержки писем. Ведь из них он мог черпать минуты фронтовой радости и успокоения.

И вот, ожидая с нетерпением писем из дома, Простоян столкнулся с небывалым случаем в своей фронтовой жизни. В канун Нового, 1944-го года, экспедитор принес в дивизион почту, а среди нее на имя Простояна было сразу 14 писем. На второй день ему прислали 16 писем, на третий день он получил 36 писем. Письма присылали ему со всех концов страны.

В дивизионе это было событием номер один. Все удивлялись, откуда они вдруг? Почему так много писем и все замполиту? Не меньше других удивлялся и сам Простоян. Он не сразу мог догадаться, как это могло произойти, что явилось причиной такого потока писем на полевую почту дивизиона, на его имя? Но, начав перечитывать эти ворохи писем, он понял, что это дело рук корреспондента Хитрова, с которым он встречался на совещании офицеров-политработников во 2-й Ударной Армии.

Конечно же, корреспондент Хитров сдержал свое слово, сказав о том, что телеграммы он отправит по просьбе Простояна. При этом, подобрав некоторые эпизоды из боевых действий Простояна, он отправил материал в Москву, на радио для передачи. Прошло время, и вот он результат, вот она отдача. На передачу по радио откликнулись десятки и сотни советских людей.

Замполиту Простояну писали письма люди самых различных возрастов и профессий: ученики и учителя, рабочие и колхозники, служащие и студенты. Письма были, как от отдельных лиц, так и от целых коллективов.

В одном из писем говорилось: «Дорогой наш защитник! Мы слышали по радио о ваших боевых подвигах и вашем личном горе. Вы много лет не получаете вестей от своих родных, которые находились под сапогом немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории. Помните, вы не один, мы с вами. Бейте фашистских извергов до полной победы. Учащиеся школы, город Москва. Адрес».

В одной из открыток от декабря 1943 года были такие слова: «Дорогой защитник Родины! Услышав по радио письмо, я решила написать пару слов, хотя и не отношусь к числу ваших родных и знакомых, но желаю поздравить вас с наступающим Новым годом и пожелать вам самых наилучших успехов в деле разгрома немецких захватчиков. Пусть эти простые слова совсем незнакомой девушки волеют вам новые силы и вдохновят на новые подвиги. Пишите мне о ваших боевых делах. Жду. С приветом. Мария. Город Москва. Полевая почта 34712 "А". Князевой М.Б.»

Вначале письма пошли из Москвы. Они были от студентов текстильного техникума, инженерного института, от учащихся школ и ряда других жителей столицы. Потом капитан Простоян получал их из более отдаленных районов страны. Многие из них настоятельно просят ответить на письма и сообщить о своих боевых делах, об армейской жизни.

Во многих письмах советские люди, обращаясь к Простояну, в то же время обращались и к другим воинам, с которыми он воевал и которых готовит вести в бой. Вот почему замполит многие письма читал воинам дивизиона, и они чувствовали, что с ними весь народ нашей страны.

Некоторые письма замполит Простоян вручал тем воинам, которые желали сами написать письма, поближе познакомиться, рассказать о солдатской жизни и от души поблагодарить за теплые слова и наилучшие пожелания воинам в их боевых делах.

В канун наступающего Нового года еще более неожиданным для Простояна явилось то, что наряду с потоком писем на его имя чуть позже начали поступать и посылки. Здесь замполит решил посоветоваться с активом дивизиона о том, как лучше поступить с посылками, кому их лучше вручить в дивизионе? Пришли к единому мнению, что предновогодние посылки необходимо вручить тем подразделениям, которых отдельные бойцы и оружейные расчеты наиболее отличились в последних боях.

Все воины, которым вручили письма и посылки в торжественной обстановке, как правило, в своих ответных письмах не только благодарили за теплоту, заботу и внимание к ним, но и со своей стороны давали клятву о том, что они не запятнают высокое звание воина в предстоящих боях по очищению советской земли от немецко-фашистских захватчиков.

Так, с каждым последующим днем, жизнь в отдельном истребительном дивизионе, дислоцируемом на освобожденной земле, в заснеженном зеленом хвойном лесу, наполнялась новым содержанием не только для замполита, но и через него для всего личного состава.

Казалось бы, это небольшие штрихи: получение писем, посылок с душевными записками, что они особо ничего не могли изменить. Но это далеко не так. Письма, а тем более посылки, с вложенными в них записками, которые шли из глубин страны, таили в себе огромную духовную силу. Они роднили и сближали людей. Рождалась крепкая дружба между фронтом и тылом. Черпались огромные родники радости и вдохновения, которых так недоставало на фронте. Немало было счастливых случаев в дивизионе, к которым

приходили ответные письма. Для многих это были самые незабываемые дни, так как молодость их проходила на фронте, в окопе, в лесу, в траншеях, в открытом поле, в жаре и в холоде.

Шло время. Дивизион, как и все войска Ленинградского фронта, усиленно готовился к наступательным боям.

За два дня до начала Нового 1944 года, поздно вечером, с наступлением сумерек, в землянку замполита зашел его ординарец с незнакомым для Простояна коренастым, круглолицым солдатом из соседней части. Чуть приоткрыв дверь, ординарец спросил:

— Вы разрешите, товарищ капитан нам войти?

— Конечно, разрешаю, — ответил замполит.

— Я не один, со мною друг из соседней части, портной Степан Волков. Он специалист высокого класса. Шьет все, что вам угодно.

— Ну, и что же вы собираетесь шить? — с любопытством спросил замполит.

— А мы не собираемся шить, а уже сшили, и вот пришли к вам на примерку, — улыбаясь, сказал ординарец Пискунов. Это для вас новогодний сюрприз от всего дивизиона. Вы же знаете, как в дивизионе все рады за вас, что вам присвоили новое звание. По случаю присвоения вам нового звания "капитан", мы сшили вам китель по новой форме, а заодно и каракулевую кубанку. Но так, как в дивизионе у нас нет хорошего портного, то мы обратились в часть к нашему соседу. Вот мы и сшили вам это.

Ординарец вынул из вещмешка завернутые в белоснежную простынь китель и кубанку.

Андрей Простоян, увидев все это, даже не поверил своим глазам, так как все это для него было действительно неожиданным сюрпризом. Он даже и на минуту не мог подумать, что о нем кто-то побеспокоится и окажет такую большую услугу. И, конечно же, ординарец у него на славу. Это он везде и всюду, где бы не находился замполит: в бою или в подготовке к боям, он всегда о нем проявлял заботу, как о своем родном сыне, так как он намного был старше своего замполита.

— Ну, так что, оденем китель, товарищ капитан?

— Конечно, оденем, если он уже готов.

Сняв свою гимнастерку, капитан Простоян одел китель. Одевая китель, он сказал: «Жаль, что я не увижу всей этой красоты на себе».

— Почему же это вы не увидите? У нас все предусмотрено, как в лучших домах Лондона, с юмором сказал ординарец, и вытаскил из вещмешка большой кусок зеркала.

Новый материал, новые погоны и новые петлицы придавали кителью неотразимую торжественность и красоту на плечах замполита.

— Ну, а черная кубанка, — это же нарушение военной формы?

— Нет, всем офицерам-гвардейцам, которые дослужили до звания "капитана" на нашем фронте негласно разрешается носить такие красивые кубанки.

— А что значит "негласно" разрешается?

– А то значит, что не запрещается носить, кроме случаев официального построения части, по заранее указанной форме.

– Даже так? – удивленно переспросил замполит.

– Да вы же видите, что офицеры из других частей уже давно носят кубанки, и к ним нет никаких претензий.

– Ну, как вы себя чувствуете в этом новом кителе, товарищ капитан?

– По-моему, прекрасно. Все, как на меня шито.

– А что скажет сам мастер? – спросил капитан.

– Я думаю, что он очень хорошо сидит на вас.

– Это очень хорошо, что так удачно сшили, даже без примерки. Но теперь скажите, кому я и сколько обязан?

– А вы, товарищ капитан, никому и ничего не должны. Мы уже давно рассчитались за ваш счет натурой.

– А как это может быть так? Об этом я ничего не знаю.

– А это очень просто, – сказал ординарец, – материал на китель вам положен, и я его получил. А за работу и за материал на кубанку мы с портным фактически уже рассчитались натурой.

– А что значит "фактически", это значит, что еще должны?

– Да, товарищ капитан, мы с вами в основном уже рассчитались. Как вам, так

и мне положены "правительственные сто грамм". Но вы не пьете, и я не пью. Вот и создались у нас некоторые резервы главного командования. Мы фактически в полном расчете. Но по договоренности с мастером, если китель вам подойдет, то его и папаху придется "обмывать", хотите ли вы этого или нет. А иначе не будут носиться, как надо.

– Тогда надо все это организовать. Сейчас уже вечер. Рабочий день закончился, и мы можем и должны угостить нашего великолепного мастера, который, без примерки, по форме гимнастерки, так великолепно сумел сшить китель.

– Есть ли у нас с тобою какие-либо резервы, Федя?

– Конечно, есть, – с бодростью ответил ординарец. – Если вы позволите, то мы мигом все подготовим. Здесь все предусмотрено. Каша есть, тушенка найдется.

– Ну, что же, ребята, жизнь есть жизнь, дела есть дела, что положено, то и положено. Сегодня, за два дня до наступления Нового года, я от души поздравляю вас с Новым – 1944 годом. Желаю вам удач во всех боевых делах. От себя лично я благодарю вас за такой приятный для меня сюрприз, и скажу прямо, что вы принесли в эту землянку большую радость для меня. Спасибо вам за все это, за ваше благодушие, за добрые ваши дела.

После совместного ужина ординарец пошел проводить своего друга ленинградца, солдата Волкова в его часть.

Простояв, оставшись один, прилег на мягкую кровать, построенную ординарцем из жердей и еловых веток, которые наполняли лесным ароматом всю землянку. Он долго думал над самым свершившийся фактом.

Аналогичное положение он встречал еще на заре начала работы в школе. Там сюрпризом было то, что его друг по институту Виктор Рябоконь, с которым он вместе уехал на работу в один район и даже в одну школу, ему уже преподносил сюрприз. Когда Простоян вдруг заболел, то Виктор, заказывая себе костюм у портного, заодно заказал такой же костюм и для своего друга, Андрея Простояна. Когда Простоян пошел уже на поправку, то в один из таких дней Виктор принес один костюм, чтобы примерить, и посоветоваться с Простояном, идет ли ему такой цвет материала или нет? И заодно узнать, нравится ли такой пошив ему?

— Андрей Петрович, ты можешь посмотреть, какой я пошил себе костюм?

— Конечно, могу.

— Тогда я одену, и ты дашь ему оценку.

Виктор Иванович одел костюм, вышел на середину комнаты и повернулся несколько раз налево, направо и вокруг своей оси.

— Ты знаешь, Виктор, это прекрасный материал. Он хорошо смотрится. Вот если бы мне такой.

— Так в чем же дело? Тогда поднимайся и примеряй, — сказал друг Рябоконь.

— Как примеряй?

— Да так, бери и примеряй. У меня их два. Я шил себе, и сшил тебе. Правда, возможно, тебе покажется дороговато, так как шил мастер высшего класса. Но я рискнул, так как слышал, как неоднократно ты говорил о костюме. Но ничего приличного не попадалось. А здесь и материал темно-синего цвета, который ты любишь, и портной хороший. Вот я и решил преподнести тебе сюрприз.

Простоян вспомнил, как это было кстати, как он был благодарен другу. А здесь, на фронте, в лесу, в этой землянке, снова аналогичный сюрприз. Значит, вокруг нас есть прекрасные люди, но зачастую мы этого не замечаем и не ценим, — подумал Простоян. Добро человеческое — оно везде есть добро, — заключил мысленно про себя Простоян.

Даже и здесь в бою, на фронте, старайся делать людям добро, и тебя никто не забудет. Так в самом деле и произошло. Человек настоящий, он и везде есть человек, где человек, там и жизнь. Жизнь человеческая в любых условиях, при любых обстоятельствах требует к себе внимания, заботы и любви.

К решительным наступательным боям по освобождению Ленинграда и Ленинградской области войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л.А. Говорова и Волховского фронта генерала армии Мерецкова готовились в строжайшей тайне.

2-я Ударная Армия, переброшенная с Волховского фронта, начала наступление 14 января 1944 года в 10 часов 40 минут утра. К середине дня все три линии вражеских траншей были заняты. Войска 30 гвардейского корпуса под командованием генерал-майора Симоняка продвинулись вперед на 3-4 километра.

123 стрелковая дивизия в составе 117 корпуса под командованием гене-

рал-майора В.А. Трубачева вступила в бой 19 января 1944 года, после освобождения Красного Села, южнее Ленинграда. Дивизия нанесла удар по противнику левее Гатчины, чтобы обойти город с фланга, выйти в тыл и перерезать коммуникации гитлеровских войск. Она продолжала наступление направлением вдоль шоссе на Лугу.

О том, какой силы и мощи был нанесен удар по противнику, войны 229-го ОИПТД узнали тогда, когда истребительный дивизион прибыл в район освобожденного Красного Села. О масштабах сражения в районе военного городка можно было судить по количеству подбитых и сожженных немецких танков. Некоторые немецкие пушки стояли даже вверх колесами, все вокруг горело. Немецкие захватчики ранее не сжигали такого количества домов и различных построек, как здесь. Они понимали, что сюда им больше не вернуться.

Когда дивизион выезжал из этого населенного пункта в район деревни Ретцеля, то по дороге увидели взорванные немецкие пушки самого крупного калибра, "Берты", то есть те пушки, из которых немцы методически все это время обстреливали Ленинград. Под обломками домов и заводов Ленинграда при обстрелах погибали люди.

Первый бой части 123 стрелковой дивизии приняли у деревни Ретцеля. Артиллеристы дивизиона поддерживали наступление пехотинцев. Стремительным броском в обход деревни рота лейтенанта Митрохина создала угрозу окружения противника. Одновременно, с другого фланга, деревню атаковала рота старшего лейтенанта Алексева, совместно с противотанковым взводом лейтенанта И. Иванова.

Гитлеровцы в отчаянии пошли в контратаку на участке, где находилось орудие старшего сержанта Меркулова. Расчет Меркулова подпустил фашистов на близкое расстояние, а затем открыл по ним губительный осколочный и шрапнельный огонь.

Артиллеристы противотанкового артдивизиона вели огонь не только из орудий, но так же из автоматов и винтовок. Забрасывали немцев гранатами. Меркулов был ранен, но продолжал оставаться в бою, и вступил в поединок с немецкой самоходной пушкой "Фердинанд". Немало пришлось израсходовать снарядов истребителям, чтобы прошить броню "Фердинанда" и поджечь самоходку. Но путь на танкоопасном направлении был расчищен. В наступление пошли основные силы 255-го стрелкового полка 123 стрелковой дивизии, в боевых порядках которой взаимодействовали артиллеристы истребительного дивизиона.

Зажатые в мешок фашисты были уничтожены. Деревня освобождена. Соседний, 245 стрелковый полк дивизии овладел селом Никольское, и, развивая наступление, второй батальон перерезал дорогу на Лугу.

Гатчинская группировка гитлеровцев оказалась под угрозой окружения. Сопротивление ее стало ослабевать. 26 января соседние дивизии, наступавшие на Гатчину, освободили город.

123-я стрелковая дивизия продолжала наступать в обход узлов сопротивления, по лесам и болотам. Дивизию шутливо называли "лесисто-болотистой". Ей пришлось идти по бездорожью. По лесам, по болотам, в толще снега тащили на себе орудия, минометы, пулеметы, боеприпасы. Трудно и даже очень трудно было продвигаться вперед. Но это давало возможность обходить узлы сопротивления противника, атаковать его с флангов и тыла, с наименьшими потерями личного состава, в повышенном темпе совершать наступление.

Тактику обходов и охватов начали применять не только полки и батальоны, но и отдельные взводы и отделения.

Сильное сопротивление гитлеровцы оказали в районе Сиверской, где естественным препятствием служила река Оредеж с ее крутыми берегами. Оборонительные тыловые сооружения противника тянулись вдоль реки Оредежа. Разгромив гарнизон фашистов в деревне Куровицы, дивизия 29 января завязала бои за Сиверскую. Брать в лоб сильно укрепленный пункт было трудно. Было принято решение другое. Ночью лыжный батальон капитана И.Е. Ткаченко направился в глубокий рейд по территории, занятой гитлеровцами, и обошел Сиверскую. Лыжники прошли около 50 километров по глубокому снегу, по болотам. Перерезали железную дорогу на Лугу и замкнули кольцо окружения. Гитлеровцы не успели взорвать мост через Оредеж. Наши саперы подобрались под огнем противника к мосту, перерезали шнур и обезвредили заложенный на мосту фугасы. Батальон Ткаченко ворвался на мост и с тыла атаковал Сиверскую. В это же время начали наступление и части, действовавшие с фронта.

Артиллеристы дивизиона прямой наводкой громили вражеские укрепления, оставшиеся целыми после обработки переднего края, орудиями всех калибров и «Катюшами». Затем поднялась пехота, стремительным

Командир артиллерийского взвода
Н.Калабулов ведет огонь по врагу.

ударом отбросила противника и ворвалась в Сиверскую. После ожесточенных уличных боев поселок и станция были полностью освобождены от гитлеровских захватчиков.

Отвлекающий маневр лыжников капитана Ткаченко завел противника в заблуждение. Когда часть его сил перебрасывалась в укрепрайон к мосту, в это время был нанесен мощный удар с фронта такой силы, что даже такой сильно укрепленный стратегический пункт, как Сиверская, был взят с наименьшими потерями.

Утром 12 февраля наступающие наши части подошли к Луге. После полуторачасовой артиллерийской подготовки началось дальнейшее наступление. Бои завязались на улицах города. Многие здания гитлеровцами были превращены в доты и дзоты. Пришлось сражаться за каждую улицу, за каждый дом. К вечеру Луга, охваченная пламенем пожаров, была полностью освобождена.

Луга, первый крупный город Ленинградской области, освобожденный 123-й стрелковой дивизией, в составе которой действовал истребительный артиллерийский дивизион.

В ходе наступательных боев истребительный артдивизион, как правило, действовал расчленено, побатарейно, на танкоопасных направлениях в составе наступающей пехоты.

В одном из направлений, действовавших самостоятельно и находившемся на значительном удалении от штаба дивизиона, постоянно находился начальник штаба, капитан Хмыс или заместитель по политчасти, капитан Простоян.

Штаб дивизиона со всеми службами продвигался вслед за наступающими частями, имея в колонне одну-две батареи, которые в любое время выбрасывались вперед, если нависала угроза со стороны противника.

13 февраля 1944 года столица нашей Родины Москва салютовала войскам, освободившим Лугу. Ряду частей и соединений было присвоено наименование "Лужских". Это наименование появилось и на боевом знамени 123-й стрелковой дивизии.

Утром на площади города, украшенной красными флагами и транспарантами, состоялся митинг воинов-освободителей совместно с населением освобожденного города и лужскими партизанами.

На митинге выступило несколько человек от частей, ворвавшихся первыми в город, а также от местного населения. Взволнованно на митинге говорил 69-ти летний житель города, Михаил Трифонов. Он сказал: «На этой площади казнили советских патриотов, по ней гнали советских людей в фашистскую неволю. Но мы знали, что о нас помнят, что к нам вернется Красная Армия. И мы дождались этого часа. Спасибо вам. Мы никогда не забудем вас, наших освободителей!»

Трогательной была встреча с освобожденным населением, с партизанами края, с которыми неоднократно встречался замполит Андрей Простоян. Он имел с ними беседы на самые разнообразные темы и главным образом о том, как им удалось выжить, сохраниться под оккупацией?

После освобожденного города Луга, бои развернулись в прилегающих населенных пунктах, в основном, в лесистой местности, где находились недобитые группы противника, примкнувшие к укрепленным районам. В укрепленных районах находились не только долговременные огневые точки, но и замаскированные бронечасты, зарытые в землю танки и самоходки.

На этот участок была направлена батарея, во главе которой находился замполит дивизиона капитан Простоян. Необходимо было совместно с пехотой уничтожить этот укрепленный район, подавить долговременные огневые точки.

Приблизившись к окраине небольшой деревни, артбатарея встретила сопротивление противника. Если доты и дзоты артиллеристам истребительного дивизиона удалось подавить гораздо быстрее, то зарытые в землю немецкие танки были практически неуязвимы для малокалиберной артиллерии дивизиона, так как невозможно было вести прицельный огонь прямой наводкой. Орудия пришлось выкатывать в непосредственную близость к зарытым танкам и, применяя всевозможные огневые средства, заставить их замолчать. Противник, понимая свое безвыходное положение, сражался до последнего снаряда, до последнего патрона, ибо уйти незамеченными им было невозможно.

Так с утра до позднего вечера шли упорные бои с противником, применяя все имеющиеся в наличии огневые средства, начиная от артснарядов и кончая гранатами и бутылками с горючей смесью. И только после подхода пехоты соседних частей удалось добить оставшихся в живых солдат и офицеров противника.

Выполнив свою задачу по подавлению долговременных огневых точек противника, батарея истребительного дивизиона снялась с огневых позиций. По просекам и лесным дорогам колонна артиллеристов вышла на основную дорогу и пошла вперед на запад, где уже несколько дней назад прошли с боями передовые части.

Выйдя из боя, батарея артдивизиона для приведения себя в порядок остановилась в деревне Васильевщина Ленинградской области. Здесь же располагался медпункт своей дивизии, где была оказана надлежащая помощь раненым артиллеристам.

Разместив повзводно артбатарею в деревне, Простоян подумал и о том, чтобы со своей машиной разместиться на ночь в деревне и отдохнуть после напряженных боев.

Выезжая из проулка деревни на основную дорогу, Простоян приказал водителю остановить машину, увидев старика, который шел навстречу.

— Здравствуйте, папаша!

— Здравствуйте, если не шутите.

— Вы не подскажете, где здесь лучше остановиться, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть ночью.

— Как не подскажу. Я вам посоветую очень хороших людей. Это партизанская семья Домниных. Проедете несколько домиков вперед и

встретите дом слева с зелеными воротами. Там найдете партизанскую семью Домниных. Только вход к ним с тыльной стороны.

— А как же вас зовут?

— Петряем все величают, — ответил старик.

— Ну, спасибо вам, дорогой Петряй, за ваш совет, — сказал Простоян, хотя сам не понял, Петряй — это фамилия или имя, или просто кличка? Проехав вперед несколько домов, Простоян увидел слева высокую, зеленую стену, за ней свернули в проулок и остановились.

Выйдя из машины, Простоян открыл массивные ворота с тыльной стороны дома, вошел во двор. Никого не встретив, он зашел в дом и, встретившись с женщиной, что сидела за столом, спросил: «Это дом Домниных?»

— Да, вы попали по правильному адресу.

— Мы не просто попали, а нас душевно рекомендовал ваш Петряй.

Мать семьи, Евдокия Харитоновна, приятная миловидная женщина, интеллигентная, с черными с проседью волосами, лет пятидесяти, когда услышала кличку Петряй, даже рассмеялась. Она сказала: «Это он в лесу, в партизанском отряде был Петряй, а сейчас он глава деревни — Петр Иванович». Евдокия Харитоновна с радушием предложила остановиться у них в доме, а автомашину она предложила поставить у них во дворе. Встреча с Домниными была необычайной, разительной и запоминающей для Простояна на всю жизнь, так как их приняли с высоким гостеприимством, как своих родных, или самых близких людей.

Дом состоял из 4-х комнат. Одна из них была предоставлена замполиту, ординарцу и водителю автомашины. В комнате стояло две кровати, а через несколько минут Евдокия Харитоновна с молодой, симпатичной девушкой, занесли еще топчан.

Хозяйка дома сообщила, что через несколько минут согреется вода. Все вы сможете помыться с дороги. Посередине комнаты было поставлено большое корыто, над которым поочередно мылись все трое. Пока все мылись, приводили себя в порядок, хозяйка Евдокия Харитоновна сварила картошки, где-то достала молока, свежего хлеба и всех пригласила к столу.

Все это до глубины души тронуло Простояна. Совсем чужие люди, впервые в жизни встретились, а она, как родная мать, от чистого сердца старалась сделать все, что возможно, чтобы воины остались довольны.

Андрею Простояну показалось как-то неудобно, нехорошо принимать их угощения, так как считал, что этим их обременяют, ведь они на днях только освобождены из-под многолетнего ига фашистов, и им и самим очень трудно с продуктами питания. Но отказ Простояна оказался неуместным, не к стати. Хозяйка дома отказ отвергла сходу, заявив при этом: «Запомните, ребята, что вы — самые дорогие наши гости. Мы вас так долго ждали с нетерпением. Дайте нам хоть разглядеть вас хорошенько, наших спасителей. А пока есть вокруг нас наши люди, то все будет».

Тогда замполит капитан Простоян приказал ординарцу Пискунову

присоединиться к: предложенному хозяйкой ужину и накрыть стол из запасов резерва "главного командования", как он всегда шутил, когда надо было поставить все, что только есть из самого ценного, вкусного и питательного. К их и нашему удивлению, ужин был подготовлен быстро и на высоте.

— Евдокия Харитоновна, вас и ваше семейство мы так же от себя приглашаем к столу.

Теперь хозяйка попыталась уклониться от совместного ужина, но Андрей Простоян настоятельно просил всех, кто есть в доме, сесть за стол. Через несколько минут за столом разместились трое военных и трое гражданских: сама хозяйка дома, брат ее мужа, сравнительно молодой, лет под 40 мужчина. Весь в щетине, с бородой, усами и бакенбардами, Василий младший — так назвала его хозяйка, и молодая, довольно красивая, с игривой улыбкой на устах, девушка Женя. «Это наша племянница из Ленинграда», — сказала хозяйка.

Видя такой состав семейства, у Простояна родилось много вопросов, которые пока что таились в глубине души.

Андрей Простоян предложил всем выпить за освобожденных из рабства, за их свободу и благополучие. Это было как никогда кстати. Такой ужин вызвал своего рода праздник и возможность самым непринужденным образом поговорить, пообщаться с местным населением в лице жителей этого дома. Первым задал вопрос Простоян.

— Скажите, Евдокия Харитоновна, почему семью Домниных местный житель Петрай назвал партизанской семьей?

— А это все неспроста, наша семья вся действительно оказалась партизанской. Как только мы узнали, что в соседнем селении разместились немцы, то мы все покинули свои насиженные места, и подались в леса, где и до сих пор находится мой муж Васько, такая его партизанская кличка. Об остальном лучше всего расскажет наша племянница Женя.

Женя рассказала о себе, о деревне, о людях деревни очень много интересного и увлекательного. О том, как жили люди в оккупации, сколько погибло в деревне людей, как стариков, так и молодых. Женя довольно интересно рассказала историю о своей жизни и о своей судьбе:

— Два с лишним года назад, после окончания школы в Ленинграде, она уехала на дачу к своему дяде Домнину Василию. Здесь красивые места, много зелени, лесов и дубрав. Отдохнув, подкрепив свое здоровье, она всегда бодрой и жизнерадостной возвращалась к себе домой в Ленинград после каникул.

И на этот раз она приехала, хоть немного отдохнуть, чтобы затем поступить на учебу в мединститут. Отдохнула, но домой не вернулась. Ее здесь в июле застала война. Начало новой войны, после финской кампании, было для всех сельчан трагедией неопишуемой. Но никто не считал, что надо сдаваться на милость "победителю". Здесь работала мощная подпольная организация. Женя была мобилизована подпольщиками в партизанскую "тройку", и была заброшена в глубокий тыл к немцам. Район партизанского

края с ходом войны пополнялся и расширялся с каждым месяцем за счет нового притока людей с окружающих деревень. Граница действия партизанского отряда доходила до деревни Васильевщина. Женя в своей тройке выполняла роль связной.

Отряд приносил много хлопот оккупантам. Делали смелые налеты на фашистские расположения, разрушали мосты и участки железных дорог, истребляли мародеров. Но сами оставались неуловимыми, так заявила молодая партизанка Женя.

В беседе она поразила Простояна своей, не по годам, мудростью, простотой, боевитостью, глубоким пониманием жизни такой, какой она есть. Не по годам она была развитой во всех отношениях, по всем вопросам жизни и борьбы. Она заявила о людях так: кто сам пережил много, того жизнь научила многому.

Закончив беседу после хорошего ужина, хозяйка дома забеспокоилась, как самая добрая и родная мать о том, что мы уже не успеем отдохнуть. Уложила она всех отдыхать, пожелала спокойной ночи и погасила в комнате свет.

Рано утром она уже была на ногах, приготовила завтрак, накормила всех, как родных сыновей, проводила в дорогу.

Когда Простоян собирался уезжать, то к машине подошла девушка Женя. Она вручила открытку Простояну и попросила ее отправить через свою полевую почту на имя одного офицера, который на днях стоял у них на квартире и потерял свой бумажник, о чем она его извещает в открытке. На открытке был указан обратный адрес: Ленинградская область, Лядский район, Язвенский сельсовет, п/о Маклочно, деревня Васильевщина. Зорина Евгения Григорьевна.

Андрей взял открытку из рук миловидной девушки и сказал: «Ваша просьба будет выполнена. До свидания, спасибо вам за все, за гостеприимство». Так Простоян еще раз убедился: за каких людей они воюют, за каких добрых, чудесных русских людей они не жалеют ни сил, ни жизней своих.

Когда подъехали к размещению батареи, то командир батареи старший лейтенант Дергунов доложил, что батарея готова к движению. Два солдата оставлены в медсанбате для лечения. Остальным оказана надлежащая медицинская помощь, и они остались в строю.

5. На Нарвском плацдарме

13 февраля 1944 года по директиве Ставки Верховного Главного командования Волховский фронт был расформирован, как выполнивший свою задачу по полной ликвидации блокады Ленинграда. Его армии: 8, 54, 59-я были переданы в состав Ленинградского фронта.

После освобождения Луги, по приказу командования Ленинградским фронтом, 123-я стрелковая дивизия была направлена на Эстонию. Сходу был захвачен Нарвский плацдарм. Он был небольшой. Глубиной до 5 километров и шириной 4 километра.

Здесь оборону плацдарма пришлось держать в очень трудных условиях. Сплошная болотистая местность не позволяла сооружать надежных укрытий: блиндажей, дотов, дзотов и ходов сообщений, так как на небольшой глубине выступала вода, а, тем более что по-весеннему дружно подогревало солнце.

Для укрытия от обстрелов противника блиндажи пришлось строить из бревен на специально расчищенных площадках от снега и льда. Немало было случаев прямых попаданий в блиндажи, и погибло немало личного состава без боев. Всего в нескольких километрах от Нарвы находился сильно укрепленный узел немецких войск – Апсаре Метсавахта.

Вначале 229-й истребительный дивизион дислоцировался в непосредственной близости от нарвского плацдарма. Приспосабливаясь к лесисто-болотистой местности, все батареи дивизиона были размещены на огневых позициях в готовности номер один к отражению танков противника. Все жаловались на то, что здесь невозможно окопаться, невозможно оборудовать огневые точки и укрыть материальную часть. Много усилий пришлось приложить на то, чтобы из бревен оборудовать блиндажи для укрытия людей, а огневые точки укрыть от обзора противника с птичьего полета.

Для укрепления наших позиций на Нарвском плацдарме, командованием было приказано: в непосредственной близости от укрепленного района противника, в кустарниках, оборудовать мощные огневые точки, но так как врываться глубоко в болотистую землю нельзя, то необходимо врыть в землю несколько своих танков надлежащим обзором. Артиллеристам истребительного артдивизиона было приказано выставить две пушки вдоль просек. Одну из них оборудовать непосредственно на переднем крае, в боевых порядках пехоты, а другую пушку разместить на просеке метрах в 500-ах позади первой пушки. Третья пушка должна защищать подступы с тыла.

Где бы не находились огневые позиции дивизиона, замполит по политчасти капитан Простоян, как правило, посещал их лично и беседовал с бойцами, указывая на то, что оплошность нельзя допускать даже там, где, казалось бы, особой опасности и не может быть.

На этот раз, в теплый мартовский день, замполит принял решение посетить огневые точки на самом переднем крае. С КП дивизиона он ушел рано утром, как только позавтракал. Ничто не предвещало беды. Простоян на этот раз даже не взял с собою ординарца.

Снег таял, под ногами хлопала снежная вода. Простоян шел лесной змееобразной дорожкой среди кустарников, молодых берез и сосен. Еще прошел вперед с полкилометра и увидел сбоку просеки замаскированное в снегу с ветками орудие сержанта Смолина. Замполит поздоровался со всем расчетом и спросил, как они себя чувствуют? Расчет сержанта Смолина, самый молодой во всем дивизионе. Солдаты расчета рассказали, что командир орудия сержант Смолин ежедневно, настойчиво, со знанием дела учит их воинскому мастерству.

Замполит спросил, где находится расчет сержанта Александра Вдовина? Они заявили, что Вдовин находится на самом переднем крае, в боевых порядках пехоты, на перекрестке просек, что в полукилометре от них.

Встретившись с бойцами расчета сержанта Вдовина, замполит от них узнал, что из их наблюдений видно, что гитлеровцы попытаются выбросить наши войска за Нарвский плацдарм. Это видно по тому, что слышен еженощно рев их транспортных средств, а в атаку они не идут, значит идет серьезная подготовка. Для атаки они накапливают технику и живую силу.

— Да, ребята, ваш участок самый важный и самый опасный, так как при наступлении противника они первыми встретятся с ним, и должны вступить в бой не на жизнь, а на смерть.

— Товарищ капитан, мы никогда не дрогнули перед противником, но нас волнует то, что к нам ни разу не приходил офицер из пехоты, в боевых порядках которой мы находимся. Солдаты там молодые, необстрелянные и могут нас подвести, оставить нас при натиске противника. И тогда нам никто не поможет. Мы с орудием останемся одни на этой танкоопасной просеке. Кроме того, боеприпасов нам выдали крайне мало.

— А вы сами не пытались связаться с их командиром?

— Да нет, еще не успели.

— Это очень плохо. Вы допускаете непростительную оплошность. Поэтому, сержант Вдовин, оставляйте за себя человека, и мы немедленно должны найти командира взвода или роты, на которых возложена ответственность за оборону данного участка.

Когда они пошли по снежным траншеям искать кого-либо из командиров пехоты, то установили, что на переднем крае в окопах их не оказалось. Командир взвода, лейтенант Отщепин, оставил за себя младшего командира, сержанта Прокопчука, а сам ушел в тыл на КП, без вызова, и неизвестно по каким причинам.

Узнав об этом, замполит Простоян был возмущен и огорчен до предела. В этом он усмотрел нарушение дисциплины и порядка несения службы в обороне, а тем более находясь на самом переднем крае и на самом опасном участке. Приказав сержанту Вдовину немедленно вернуться к орудию, капитан Простоян принял все меры, чтобы связаться со старшим начальством пехотного подразделения, переговорить и немедленно исправить положение, вернуть офицера на место.

Время уже было позднее, и капитан Простоян продолжал разыскивать КП роты, совместно с которой артбатарей держит оборону. Он разыскал командира артвзвода Ворожеева и приказал ему во что бы то ни стало наладить связь со взводами роты пехоты и быть наготове к серьезным боям. Оказалось, что лейтенант Ворожеев находится на КП роты, но никого из взводных не видел. Поэтому, наверняка, никто не наладил взаимосвязи для поддержки орудийных расчетов во время боя.

Андрей Простоян вынужден остаться на КП роты для того, чтобы дожидаться командира роты и наладить необходимую связь между взводами и

орудийными расчетами, между артобатареей и ротой.

К сожалению, командир роты старший лейтенант Трусов на КП пришел очень поздно. Он сообщил, что находился в расположении взводов на правом фланге. Но он был приятно удивлен, когда увидел замполита дивизиона капитана Простояна у себя на КП, чего за всю войну он не видел, и чему был очень рад.

Беседа была не простой с командиром роты, так как именно он позволил себе принять самое нелепое решение: отпустить командира взвода Отщепина в тыл помыться или хотя бы поменять белье, как он сообщил.

Видя такое безответственное положение в роте, Андрей Простоян не ушел к себе на КП дивизиона, а остался в расположении артвзвода, совместно с командиром роты.

На второй день, как и полагал командир орудия сержант Вдовин, рано утром противник начал усиленную артоработку нашего переднего края. Напоив спиртным до предела своих солдат, гитлеровское командование пустило их в бой. Шла атака за атакой. На наши позиции шли пьяные немецкие солдаты, они выходили из кустарников с автоматами наперевес, даже не видя перед собой наших замаскированных орудий, выходили на лесную поляну, и с фланга стреляли в солдат того взвода, в котором отсутствовал командир Отщепин. Молодые солдаты, не выдержав натиска, начали покидать свои траншеи, и, оставив орудия и артиллеристов, пытались скрыться в лесу.

Здесь капитан Простоян впервые увидел, как без командира солдаты дрогнули, трусили и, оставляя свои позиции, начали бежать, кто куда попал. Паника самое страшное дело в бою.

Громким голосом капитан Простоян приказал командиру роты Трусову и командиру артвзвода Ворожееву приостановить отход солдат пехоты и занять исходный рубеж.

Капитан Простоян, выбежав навстречу трусившим пехотинцам, немедленно вынул пистолет из кобуры, несколькими выстрелами вверх дал понять пехотинцам, что ходу нет назад. То же самое сделал и Ворожеев, и командир роты Трусов.

Наступление немцев было похоже на психическую атаку. Расчет первого орудия, находившийся на перекрестке просек, вместо встречи танков противника, встретил живую силу. Пришлось прямой наводкой бить шрапнелью по пехоте противника. Но бой был неравным, артиллеристы отстреливались со всех видов оружия: из пушки, из автоматов, гранатами. Но, оставшись беззащитными, были тяжело ранены, а некоторые убиты.

Солдаты взвода пехоты, которым было придано первое орудие, не оказали помощи расчету. Продолжавшаяся стрельба со второго орудия по немцам как бы дала возможность опомниться солдатам взвода. Они повернули свои винтовки и автоматы в сторону противника. Прикрываясь за стволами деревьев, разили пьяных гитлеровцев и увидели, что те вдруг повернули обратно.

Бои развернулись у второго орудия, куда вплотную просочились с фланга

пьяные немцы. У орудия лежали трупы гитлеровцев, лежали и наши. Остались в живых слегка раненый командир орудия Смолин и заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Простоян, который поспешил сюда на помощь орудью, и здесь же принимал бой. Завязалась рукопашная схватка. С автоматами, пистолетом и с помощью гранат отстояли свой рубеж на просеке у орудия Смолин и Простоян.

Артиллерист лейтенант Ворожеев повел пехоту вперед. И только в это время заговорили пушки слева наших замаскированных танков, которые в нужное время долго почему-то не открывали огонь.

Так всеми оставшимися силами и средствами восстановлено положение на данном участке Нарвского плацдарма. О чем штаб истребительного дивизиона доложил вышестоящему командованию.

Сам Простоян был просто удивлен, каким чудом он остался в живых, попав в этот ад открытого боя. Он не имел даже царапины на своем теле. Командир артиллерийского взвода в этом бою был ранен. Пять человек из орудийных расчетов похоронены здесь же, в районе укрепрайона Апсаре Метсавахта.

Узнав о тяжелых боях, проведенных истребителями на Нарвском плацдарме, примерно в середине следующего дня, в штабную машину дивизиона прибыл заместитель редактора дивизионной газеты капитан Лошиц. Он встретился с непосредственным участником этого боя, замполитом, капитаном Простояном. Подробно расспросил его об этой психической атаке пьяных немцев и описал в газете о подвигах артиллеристов орудийных расчетов на оборонительном узле плацдарма, из которого противник пытался во что бы то ни стало выбить передовые части, которые удерживали плацдарм до подхода основных сил.

Через несколько дней в дивизионной газете "На боевом посту" появилась статья под названием "На перекрестке просек", в которой писалось следующее:

«Пока в моей груди бьется сердце и глаза видят врага, не дам пройти фашистским бандитам!» — сказал командир орудия сержант Александр Вдовин, когда получал от командира приказ на оборону фланга наших войск.

Орудие бойцы поставили на перекрестке просек, в снежном окопе, и настолько искусно замаскировали ветками, что за несколько шагов было трудно его обнаружить.

Немцы показались на рассвете, они шли цепью, направляясь по просеке прямо на орудие Вдовина. Наводчик, младший сержант Павлов, прильнул к прицелу. Заряжающий красноармеец Цимбалистов дослал снаряд. Все было готово к выстрелу. Но Вдовин ждал. Когда до гитлеровцев оставалось метров 50-60, раздалась команда-"Огонь!" Осколочные снаряды один за другим рвались среди немцев, опустошая вражеские

ряды. Расчет работал спокойно и быстро. Попытка немцев овладеть нашими позициями закончилась неудачей.

Успешно была отбита орудийным расчетом вторая попытка гитлеровцев овладеть перекрестком просек. На этот раз артиллеристы, стреляя из пушек, пустили в ход и автоматы. Сержант Вдовин, укрываясь за щитом орудия, расстреливал гитлеровцев в упор. Метко били врага красноармеец Цимбалистов, Сидоркин и младший сержант Павлов. Когда уже не хватало снарядов и патронов, расчет пустил в ход гранаты. Выполняя приказ командования, артиллеристы проявили высокое воинское мастерство и отвагу. Только в первых трех атаках они уничтожили более 50 гитлеровцев.

Немецкое командование злобствовало, так как им не удавалось достигнуть важнейшей цели.

Наконец, они организовали "психическую атаку", напоив солдат спиртным, и пустили в решительную атаку. На этот раз они шли не только по просекам, но и по пояс в снегу по кустарникам, что примыкали к просекам. Ливневым огнем из автоматов они косили все, что встречалось на пути: верхушки кустарников, кроны деревьев падали им на головы. Они прочищали себе дорогу, шли натиском с истерическими криками, фактически не видя перед собою ничего.

Артиллеристы, оставаясь без боеприпасов, очень нуждались в поддержке пехоты с флангов, но такой не получили вовремя, и, оставаясь на огневых позициях, сражались до последнего снаряда, патрона, до последней гранаты. Многие погибли. С трудом удалось выстоять артиллеристам-истребителям и пехотинцам, пока не подошли основные силы наших войск. Кто остался в живых на этом укрепленном участке Апсаре-Метсавахта, тот никогда не забудет, что такое психическая атака немцев, что такое рукопашный бой. Немцы шли на все, на любые жертвы, лишь бы спихнуть наши войска за Нарвский плацдарм. Но этого не случилось.

М. Лощиц»

Чтобы овладеть Нарвой, надо было разрушить сильно укрепленный район противника на подступах к Нарве. Такая задача и была поставлена перед командованием 123 стрелковой дивизии.

После тяжелых боев по овладению глубокоэшелонированной обороной противника, частям 123 стрелковой дивизии удалось овладеть укрепленным районом Апсаре-Метсавахта. Были захвачены большие трофеи. Взято много пленных.

Общие успехи наших войск были налицо. Пядь за пядью освобождалась

советская земля от немецких захватчиков.

Пришло то время, которого так ждали воины Ленинградского фронта, когда от длительной обороны перешли к наступлению. В истории города на Неве день 27 января 1944 года отмечен особой строкой. Усилиями фронтовиков, партизан и жителей было полностью ликвидировано кольцо фашистской блокады. Девятьсот дней и ночей враг держал город Ленинград в тисках голода и холода, обрушивал на головы людей бомбы и снаряды, стремясь ворваться в обескровленный город и стереть его с лица земли.

Подвигу живых и павших отдают дань благородной памяти ленинградцы и все советские люди. Написано много книг, создано много фильмов о том, как воевали советские воины. Но еще далеко не все сказано, не все раскрыто до конца о том, как в голоде и холоде, в блокаде города добывалась победа, какой цены она стоит.

123 стрелковая дивизия после жесточайших боев с противником на Нарвском плацдарме получила новую задачу для наступления.

Перед новым наступательным боем, командир истребительного дивизиона капитан Катковский, совместно со своим заместителем по политчасти капитаном Простояном, построили весь личный состав дивизиона и провели митинг. А раньше такого не было.

Первым выступил капитан Катковский. В своем кратком выступлении он обратил внимание на допущенные ошибки и недостатки в прошлом тяжелом бою и о потере орудия, когда даже не было танков противника. Немцы взорвали его на перекрестке просек, когда там уже никого не осталось в живых. Обратил он внимание на усиление слаженности в боевой обстановке всех служб дивизиона.

Это первое было его выступление, в котором он фактически признал свою собственную вину за гибель смелого и мужественного расчета, который погиб лишь только по той причине, что во время не было доставлено нужное количество боеприпасов для продолжения сражения до победного конца.

После командира дивизиона выступил на митинге с краткой речью замполит Простоян.

— Товарищи гвардейцы! Мы с вами выдержали еще один ответственный бой. На важном боевом участке мы с вами и на этот раз решили очень важную боевую задачу по разгрому врага, который имел очень мощный узел сопротивления и даже прибегал к психической атаке.

На моих глазах прошло еще одно сражение наших воинов с немецко-фашистскими захватчиками. Личный состав дивизиона вписал новую страницу мужества и отваги в неравный бой.

Мы не забудем имена лучших наших товарищей, которые проявили храбрость, мужество и отвагу в этом тяжелом бою, многих из которых уже нет в этом строю. И среди них: командира орудия сержанта Александра Вдовина, наводчика младшего сержанта Павлова, заряжающего бойца Цимбалистова, командира артвзвода лейтенанта Ворожеева и многих других. Почти все они посмертно представлены к высоким правительственным

наградам.

Сегодня мы здесь торжественно заявляем, что пока враг ползает по нашей священной земле, никто и ничто нам не помешает громить врагов, умножая боевую славу артдивизиона, на боевом счету которого немало подбитых немецких танков, самоходных орудий, огневых точек и живой силы противника.

Затем выступил парторг дивизиона, старший лейтенант Гераскин. Он призвал всех воинов дивизиона к дальнейшему умножению боевой славы дивизиона в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

С Нарвского направления 123 стрелковая дивизия, а с ней и 229 ОИПТД, были направлены под Резекне, где развернули бой за освобождение Латвии.

6. Разгром фашистских войск в Прибалтике

С дальнейшим ходом боев ситуация на фронте так менялась, что порой казалось, что происходит какая-то неразбериха.

Находясь на территории Эстонии, после разгрома фашистских войск под Нарвой, 123 стрелковая дивизия то находилась в составе Ленинградского фронта, то она продвинулась так далеко, что находилась в распоряжении 2-го Прибалтийского фронта. Куда хуже складывалась ситуация для 229 ОИПТД, потому что он перебрасывался из одного участка фронта на другой, выходя из состава своей дивизии и попадая в подчинение другой дивизии или бригады. Или вообще сугубо самостоятельно решал вопрос по ведению боев с отдельными группами противника на разных участках фронта.

И снова дивизиону было приказано срочно передислоцироваться. В августе 1944 года дивизион уже был далеко от места боев.

14 августа прибыли на станцию Сланцы, своим ходом. Был подан эшелон. Дивизион с автомашинами и всей материальной частью погрузился, и отправился по железной дороге на новое место дислокации.

19 августа 1944 года, рано утром, достигли границы Латвии. Прошли пограничные ворота между Эстонией и Латвией. У всех воинов это вызвало особый интерес, так как через границу Прибалтийских республик проходили впервые. А там, за границей, для каждого солдата и офицера все открывалось новое: города, деревни, хутора и сами люди.

Дивизион остановился на станции Лудза, где разгрузились. Затем он пошел своим ходом в направлении станции Мадона, получив задачу: продолжить громить остатки гитлеровских войск в "котлах" Прибалтики. Но никто точно не знал, где находятся недобитые "котлы".

Дивизион до сих пор всегда имел задачу прикрывать пехоту на танкоопасных направлениях. А сейчас он один, без прикрытия, без связи с пехотой, находится в очень невыгодном положении. В одном из таких невыгодных обстоятельств по освобождению Прибалтийских республик оказался впервые 229 ОИПТД. Продвигаясь вперед к указанному пункту своим ходом для занятия огневых позиций и организации круговой обороны, дивизион совсем нео-

жиданно встретился с мощной колонной противника, прорывающегося из "котла".

Помимо мотопехоты, противник имел в походной колонне несколько танков. Он тоже не предполагал здесь встретиться с нашими войсками.

Заметив колонну противника, артиллеристы дивизиона сходу начали разворачивать орудия в сторону противника, вдоль лесной дороги, на которую он должен выходить. Разведчики взвода охраны дивизиона первыми завязали бой с мотопехотой противника. Первоначальная одиночная перестрелка переросла в мощное сражение между двумя колоннами, идущими навстречу друг другу.

Противник выпустил вперед колонны два танка, которые вели беглый огонь не столько по выдвинутым орудиям, сколько по более крупным мишеням, — по автомашинам. Пока артиллеристы устанавливали пушки на наспех подготовленных огневых позициях, танкам противника удалось поджечь вначале одну бортовую машину, а затем вторую. Страшно было смотреть на такое зрелище, когда горит техника, с помощью которой уже прошли много боев, а теперь на глазах она погибает. Без нее нельзя сохранить боевую мощь дивизиона. После того, когда танки противника подожгли несколько автомашин дивизиона, артиллеристы открыли огонь по танкам противника. Первый танк загорелся, завертелся на месте, но дальше не мог пойти. Второй танк пытался сдвинуть его с дороги и в обход пойти, чтобы вести прицельный огонь. Этим самым он подставил свои борта и стал более уязвим. Артиллеристы в упор расстреляли и второй танк. Оба горящих танка преградили путь всей колонне. В колонне противника создалось замешательство.

Мотопехота противника, увидев огромную колонну автомашин с орудиями, покидала свои машины и пыталась скрыться в лесу, ведя на ходу бесприцельный огонь. К этому времени развернулись почти все орудия и начали вести ураганный огонь по противнику. Казалось бы, исход боя решен. Но в колонне противника находился и третий танк. Вырвавшись из цепи колонны, он свернул вправо, в лес, где в основном находился кустарник, и, пройдя несколько сотен метров вперед, изготовился для нанесения удара по машинам дивизиона, но уже не в голову колонны, а в ее глубину. Продвинувшись еще несколько метров вперед, он нанес удар по одной из ближних машин, потом перенес огонь и сделал несколько выстрелов по следующей машине, в которой находился замполит дивизиона. Простояв с группой солдат из расчета. Он помогал солдатам артиллеристам разгружать ящики со снарядами, чтобы быстрее можно было доставить их к орудиям, которые ведут бой. И вдруг, после одного, второго выстрела в нее, она окуталась вся дымом, а еще через мгновение она, словно корабль на волнах, закачалась, и деревянную часть ее подбросило вверх, в сторону. Щепки ее вместе с ящиками со снарядами разбросало во все стороны вместе с людьми, которые находились в ней на разгрузке снарядов.

Вокруг машины валялось несколько человек. Одни убитые, другие —

тяжело раненые. Среди них лежал головою вниз и замполит дивизиона, капитан Простоян. Когда он очнулся, пришел в себя, он ощущал острую боль правого плеча, головы и всего тела до пояса. К нему наклонилось несколько человек. Кто-то крикнул на ухо: «Вы живы, товарищ капитан? Ранение у вас тяжелое. Мы вас немедленно доставим в госпиталь». Капитан Простоян, потеряв сознание, уснул крепким сном... Никто не знал, будет ли он еще жить, или навсегда в этот октябрьский день 1944 года отдаст богу душу?

Только на вторые сутки ему удалось открыть веки глаз, когда в госпитале, в городе Евкапилсе, врачи боролись за его жизнь, делали все возможное, чтобы спасти жизнь уже в который раз смертельно раненного человека. Чтобы спасти ему, срастить правую разбитую руку в области хирургической шейки и все плечо, его необходимо было одеть от шеи до пояса в пудовый гипс и подготовить для эвакуации в глубокий тыл.

Врачи пришли к выводу, что жизнь капитана Простояна зависит от него самого, от выносливости самого организма.

Когда с недельку в этом госпитале лежал загипсованный офицер, то ему сообщили, что теперь есть все признаки к тому, что можно транспортировать, как только подойдет санитарный поезд.

Через несколько дней начали погрузку раненных в санитарный поезд, который доставил их в эвакогоспиталь №2496 города Галича Костромской области, где капитан Простоян находился на излечении с 29 октября 1944 года по 8 января 1945 года.

Бои по уничтожению окруженных котлов в Прибалтике продолжались. Очень тяжело было артиллеристам истребительного дивизиона. Гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало улучшить свои оборонительные позиции. Дивизион вел тяжелые бои у населенных пунктов Клейн, Иозуми, Толка, Эргле. Противник подтягивал свои резервы на этот участок, с таким расчетом, чтобы пробить себе выход из окруженных котлов.

В одном из неравных, тяжелейших боев погиб командир дивизиона капитан Г. Катковский. В этот район были направлены свежие части 123 стрелковой дивизии. Но когда они прибыли в этот район, то было уже поздно. Много боевой техники и живой силы дивизиона погибло здесь из-за несогласованных действий командования двух смежных фронтов: Ленинградского и 2-го Прибалтийского.

Не имея точных сведений о местах сосредоточения противника, с легкой руки туда направлялся артдивизион, без частей пехоты, что недопустимо было для командования.

С прибытием свежих, переформированных частей 123 стрелковой дивизии и других приданных подразделений в район действий, Курляндская группировка фашистских войск была полностью уничтожена.

123 стрелковая дивизия была направлена на полное освобождение Прибалтики. Дивизия участвовала в освобождении столицы Латвии, города Риги.

После полного уничтожения Курляндской группировки войск противника и

полного освобождения Прибалтики произошло реформирование соединений, частей и подразделений. Часть из них была отправлена за пределы 2-го Прибалтийского фронта. Часть вошла в состав 2-го Прибалтийского фронта в качестве новых боевых единиц для несения боевой службы на освобожденных землях Прибалтики.

7. День Победы

После прохождения курса лечения в эвакогоспитале в городе Галич, капитан Простоян вернулся в Прибалтику, туда, где в составе 229 ОИПТД закончил боевые действия, получив тяжелое ранение.

В штабе 2-го Прибалтийского фронта, который размещался в столице Латвии, городе Риге, Простоян узнал, что 229 ОИПТД, как и всей дивизии, в Прибалтике нет. 123 стрелковая дивизия отправлена на Украину, где вскорости была расформирована, так как в последних боях по уничтожению "котлов" противника она понесла огромные потери.

Капитан Простоян после возвращения из эвакогоспиталя был назначен на должность заместителя по политчасти начальника фронтовых курсов младших командиров. Звено младших командиров готовилось для пополнения частей и подразделений, которые продолжали вести бои по полному разгрому немецко-фашистских захватчиков на его территории и в ряде других европейских стран, где он оказывал яростное сопротивление.

Немного времени капитану Простояну пришлось прослужить на мирной должности в качестве заместителя по политчасти начальника фронтовых курсов младших командиров.

Рано утром 9 мая 1945 года 2-й Прибалтийский фронт получил сообщение о том, что немецко-фашистские захватчики полностью разгромлены. Водружено красное знамя над рейхстагом. Гитлеровское командование капитулировало. День капитуляции объявлен Днем Победы.

Как только была объявлена Победа над врагом, командование фронтовых курсов, которое дислоцировалось в Рижском взморье, в населенном пункте Майори, объявило немедленно всеобщее построение по случаю Дня Победы Советской Армии над немецко-фашистскими захватчиками.

Радость переполняла сердца всех курсантов, офицеров и младших командиров фронтовых курсов. Перед строем выступил с кратким приветствием начальник курсов, подполковник Лунев. В своем выступлении он сказал:

— Дорогие товарищи курсанты, офицеры и младшие командиры! Я с большим чувством радости, от всего сердца, поздравляю всех вас с великим праздником всего советского народа — Днем Победы Советской Армии над гитлеровскими захватчиками. Война закончилась там, откуда она началась. Советские войска водрузили знамя Победы над рейхстагом. Это была самая длительная и самая тяжелая война. Это было великим испытанием для нашей Родины, для советского народа. Сейчас нас всех ожидают новые, не менее

важные дела. Мы должны восстановить и заново отстроить все разрушенные города и села. Многие из нас пойдут в народное хозяйство, многие останутся в кадрах армии. Пожелаю всем вам успехов и личного счастья. С Победой вас!

Буря аплодисментов разнеслась по всем колоннам курсантов.

— А теперь слово предоставляется нашему боевому фронтовику замполиту, капитану Простояну, который прошел всю войну от начала до конца и как никто знает цену Победы, которую мы заплатили в этой войне.

— Дорогие товарищи! Разрешите мне от имени всех фронтовиков, с которыми я воевал, сердечно поздравить вас с этим великим, всенародным праздником — Днем Победы.

Мне довелось пройти боевой путь через всю войну, непосредственно на переднем крае. Ради достижения Победы, многие сотни и тысячи воинов моей 123 стрелковой дивизии отдали свои молодые жизни. В жестоких боях с коварным врагом солдаты и офицеры вписали страницы мужества и отваги.

Солдаты и офицеры непоколебимой стойкостью и бесстрашием, верностью присяге и любовью к Родине, поистине творили чудеса, и внесли свой вклад в достижение Победы.

Их боевые подвиги, яркое свидетельство богатырского духа, патриотизма, нестигаемой воли, беззаветного мужества, их яркие имена будут занесены золотыми буквами в книгу достижения Победы.

Еще раз поздравляю вас, дорогие товарищи, с этим великим всенародным праздником — Днем Победы.

Громкое «Ура! Ур-ра!» разнеслось по всей колонне, и эхом отдалось в зеленых кронах опушки леса на Рижском взморье.

Так под теплым, чистым небом голубым была встречена весть о наступлении долгожданного праздника Победы. Эпопея борьбы всего народа страны с самым коварным и оголтелым врагом, который пытался захватить чужие земли и поработить все народы, закончилась раз и навсегда. Враг разбит и уничтожен на его собственной территории.

Глава V. На Дальний Восток

1. Эшелон в пути

По окончании Великой Отечественной войны капитан Простоян мечтал об увольнении из армии, чтобы вернуться в школу и продолжить свою любимую работу по обучению и воспитанию учащихся. Для этого он подал рапорт на имя командования. Но командование не удовлетворило его просьбу, не уволило в запас, мотивируя тем, что в кадрах армии нужны опытные офицеры, командиры и политработники, а тем более, прошедшие всю войну, от начала до конца.

Капитана Простояна вначале назначили во вновь созданную часть, — в 157 Укрепрайон, на должность заместителя командира по политчасти. Артдивизион Укрепрайона находился на территории Латвии, в населенном пункте

Гробиня. Командиром артдивизиона был назначен майор Фазлиахмет Шакуров, широкоплечий с круглым лицом и плотными черными волосами, татарин по национальности. Внешне всегда спокоен, чуть замкнут и малообщителен.

Начальником штаба был назначен капитан Александр Сухов, среднего роста, худощавый, энергичный, подвижный, многословен и не в меру насмешливый над кем бы то ни было.

После столь длительной войны, которую прошел Простоян, служба в мирное время в армии казалась ему не очень по душе, так как он считал себя прирожденным учителем. А если взять те условия, в которых находился артдивизион 157 Ура, то это еще больше удручало его. Для размещения личного состава: рядовых, младших командиров и офицеров, не было настоящих казарм. Не было клуба, не было оборудованных классов для занятий личного состава.

Работу с личным составом после войны вести было трудно. Среди рядового состава и младших командиров было немало лиц, которые к воинской службе относились с апатией, недобросовестно. Это встревожило замполита Простояна. Он понимал, что более подходящих условий для несения службы не предвиделось в ближайшем будущем. По окончании войны еще многое не известно. Не известно главное: где, и какие войска должны быть расположены, какие военные городки и, где должны будут строиться? Где, какие должны размещаться гарнизоны? Временно, наспех созданные гарнизоны, и расквартирование частей и подразделений не способствовали борьбе за укрепление дисциплины и порядка в войсках. От бытовых условий очень многое зависело в несении воинской службы всем личным составом.

Но армейский уставной порядок во что бы то ни стало надо поддерживать на должном уровне. Отсюда и в политико-воспитательной работе с личным составом надо было находить новый стиль, новые формы и методы.

Отсутствие офицерских клубов, красных уголков, залов для проведения киносеансов и творческих вечеров, все это сильно отрицательно ощущалось в работе с воинами.

Прошло всего около двух месяцев, как капитан Простоян приступил к своим служебным обязанностям в этом лесном гарнизоне, где размещался артдивизион 157 УРа, как совсем неожиданно для него в дивизион пришла телеграмма из города Риги, из штаба округа, в которой указывалось, что капитан Простоян на следующий день к 10 часам утра должен прибыть на беседу.

Такие неожиданности в мирное время у Простояна вызывали настороженность и разного рода размышления. Недоумевало и командование дивизиона.

В точно назначенный день и час капитан Простоян прибыл в столицу Латвии, город Ригу, где размещался штаб ПрибВО. Офицер, дежурный по штабу, к которому обратился Простоян, сообщил, что полковник Толкунов

ждет вас в своем кабинете. Постучав в дубовую, массивную дверь, Простоян вошел в кабинет и доложил о том, что он прибыл по вызову.

— Садитесь, товарищ капитан. Вы догадываетесь, зачем мы вас вызвали? — спросил полковник.

— Никак нет, товарищ полковник. Я вообще удивлен, что меня, как политработника, вызвали в штаб, а не в политотдел или Политуправление. Поэтому, чтобы хоть как-то догадаться о предмете беседы, надо быть, по меньшей мере, пророком или кудесником.

— Да, вы правы. С вами должны были побеседовать в Политуправлении, но они это дело возложили на нас. Мы вас вызвали для выполнения особо важного и ответственного задания Верховного Главнокомандования. Вы назначаетесь на должность комиссара эшелона, который формируется в нашем округе, и через несколько дней по приказу Верховного Главнокомандования должен быть отправленным на Дальний Восток, согласно подписанного нами союзнического с США и Великобританией договора, по включению в новую войну против японских милитаристов. Начальником эшелона назначен подполковник Алексей Лунев. Его вы знаете.

— Как же мне его не знать, когда он был начальником школы младших командиров, а я был там замполитом. Я догадываюсь, что выдвижение меня на эту должность, это его рук дело.

— Да, вы не ошиблись. Но он больше ни с кем не желает принимать эшелон, кроме как с вами.

— Товарищ полковник, для меня назначение на эту должность, — это высокая честь. Но дело в том, что я же прошел всю войну от начала до конца, много раз ранен, еле выжил, какой же из меня вояка может быть? Я изо дня в день жду иного приказа, приказа об увольнении из армии, так как сейчас идет массовая демобилизация. А отправляться в дорогу, да еще на Дальний Восток, я же физически, по состоянию здоровья, не выдержу. Это должно быть ясно каждому, кроме вас и подполковника Лунева, так как для него война была тещей, в хорошем смысле слова. Война его не задела, на нем нет ни одной царапины. Я лично думаю, что моя кандидатура сюда не подходит по моему состоянию здоровья. Я трижды ранен. Из них два раза смертельно.

— Но вы же коммунист, — начал было нажимать на совесть Простояна полковник Толкунов.

— Да, я коммунист. Меня принимали в партию в траншеях, на переднем крае, перед боем, по освобождению Ленинграда от блокады. Это было моим священным долгом. Я воевал не щадя ни жизни, ни своей крови. Об этом хорошо знают мои бывшие начальники и командиры.

— Но вы можете и потерять свой партбилет, капитан Простоян.

— Потерять, теперь, в мирное время, после войны? Да этого быть не может. Мой партбилет, — это моя часть и совесть. Он служил мне как талисман, он помогал мне там, в тяжелейших боях, и обмыт не раз моей собственной кровью. И вот после этого, после войны такой для меня, разве же у кого могут подняться руки на мой партбилет?

— А это делается все запросто, если будет допущено невыполнение приказа, — заявил полковник.

— Но тот, кто отдает приказы и распоряжения, разве же он не человек? Разве же он не соизволит призадуматься над тем, как можно посылать человека на такое ответственное задание за тридевять земель, если он фактически не годен к строевой, даже в мирное время. Если у него перебиты руки и ноги, травмирован позвоночник с корешковым повреждением нервов, и пуля находится в плевре легких, всего в нескольких миллиметрах от сердца.

— Но все же военная медицинская комиссия не уволила вас из армии.

— Да, это так. Но военная медицинская комиссия поступила так лишь только потому, что получила от вас такое указание.

— Я здесь ни при чем.

— Я же не говорю лично о вас, я говорю о вашей системе, о том, кто в действительности так поступил, то есть, о начальстве свыше.

— И все же вам не открутиться от этой поездки. Заменить вас некем. На вас будет отдан приказ. Вы приедете туда, личный состав сдадите на месте, и сами сможете вернуться. Так будет указано в командировочном удостоверении.

— Товарищ полковник, вы говорите то, во что и сами не верите. Там свое начальство, свое командование. Им-то как раз и нужны боевые офицеры, которые прошли огни и воды, и медные трубы, именно в этой войне.

— Я все объяснил. Даю вам сутки на размышление. Через сутки прошу лично доложить о вашем решении, — сказал полковник в категорической форме.

— А что такое сутки в моем положении? Это, значит, не успел приехать к себе в часть, как снова в дорогу. Это будет просто мучительная нервотрепка. А этого допустить нельзя с моим потрепанным здоровьем. Поэтому я заявляю: уж если судьба уготовила для меня свой жребий, то его надо дотянуть до победного конца, и убедиться в том, какая она у меня настоящая судьба?

— Ну вот, так бы и сразу решили. Значит, согласны?

— Да, я — коммунист по своей сути, а коммунист должен быть всегда там, где другие быть не могут, ибо они очень жить хотят, а коммунисты пусть подвергаются самым невероятным испытаниям.

— На сборы вам, капитан Простоян, дается двое суток. Через двое суток вы должны быть здесь у меня.

— Я вас понял, товарищ полковник. Разрешите идти готовиться в путь.

— Идите, разрешаю, — самодовольно ответил полковник.

На третьи сутки, ровно в 9 часов утра, капитан Простоян докладывал полковнику Толкунову о прибытии для выполнения особо важного задания по сопровождению эшелона с военнослужащими на Дальний Восток.

— Это хорошо, что вы прибыли с утра пораньше. Сегодня у вас начинается самая ответственная пора по формированию эшелона. К тому же мы вас, а также начальника штаба эшелона майора Дубчика и начальника эшелона подполковника Лунева представляем высшему командованию округа. А

завтра в 12 часов дня представляем вас офицерскому составу эшелона. После этого начальник эшелона, начальник штаба и вы выступите перед сопровождающим офицерским составом, и поставите конкретную задачу, разъясните обязанности на весь путь следования. Вопросы, на которые вам необходимо будет обратить особое внимание, будут поставлены перед вами сегодня в 11 часов у командующего округом. От себя лично хочу сообщить одну важную деталь:

— Ваш эшелон будет 18 по счету, который отправляется на Дальний Восток. Однако 17-й эшелон не дошел до места назначения без чрезвычайного происшествия. Проследовав через одну из крупнейших станций, группой младших командиров и солдат было совершено преступление. В ходе движения эшелон на одном из уклонов был разъединен на две части. Одна часть пошла вверх, а другая назад, вниз. Спровоцирован был побег части солдат в леса Зауралья. Это сделали бывшие штрафники из числа старшин и младших командиров. После этого ЧП начальник эшелона, начальник штаба и замполит были разжалованы в рядовые. Об этом вам могут и не сообщить, но я решил поставить всех вас в известность, чтобы вы могли сами сориентироваться на месте, и предупредить весь офицерский состав эшелона, который подобран для сопровождения личного состава к месту назначения.

На спецсовещание, ровно к одиннадцати часам дня, были собраны все офицеры штаба округа, которые формируют эшелон, а также были представлены командующему округом генералу Александру Васильевичу Горбатову подобранные для утверждения начальник эшелона подполковник Лунев, его помощник майор Дубчик и замполит капитан Простоян.

Офицер штаба полковник Толкунов доложил командующему о том, что личный состав для отправки эшелона и офицерский состав для его сопровождения подобраны и укомплектованы полностью.

В своем кратком, но четком и ясном выступлении генерал Горбатов указал на весьма ответственную задачу по подготовке всего личного состава к пути следования. Он отметил, что до отправки эшелона остается всего несколько суток. Это время надо использовать для работы с личным составом по соблюдению им строжайшей воинской дисциплины на всем пути следования.

«Командованию эшелона с завтрашнего дня необходимо собрать весь офицерский состав сопровождения и поставить задачу о непосредственной ответственности каждого офицера за личный состав вагона, который будет ему поручен. Вся политико-воспитательная работа среда личного состава должна проводиться непосредственно на всем пути следования эшелона. Каждый офицер должен знать, кто и чем дышит, какое настроение рядового и сержантского состава. Надеюсь, что личный состав эшелона нашего округа не подведет командование, и исполнит его героически так же, как и на фронте в годы войны. Наши солдаты, младшие командиры и офицеры творили чудеса мужества и героизма в борьбе с коварным врагом. Будем надеяться, что и на другом участке фронта они не подведут.

Пожелаю всем, кто подобран для сопровождения эшелона, успехов в выполнении особо важного задания Верховного Главного Командования».

На следующий день в штаб округа был собран весь офицерский состав эшелона, на котором полковник Толкунов представил командование эшелона, а затем предоставил слово каждому из них.

На встрече первым выступил начальник эшелона, подполковник Лунев. Он сообщил, что на долю всему офицерскому составу выпала особо важная и почетная задача в выполнении задания Ставки Верховного Главного Командования по доставке личного состава на Дальний Восток. Эшелон в пути следования будет находиться длительное время. Он проследует от западных до восточных границ страны. «Личный состав с поддержанием высокого морального духа, соблюдением высокой воинской дисциплины мы должны будем доставить в пункт "Х" на Дальнем Востоке. Поэтому каждый из офицеров должен уяснить себе, что от него зависит, чтобы с этой задачей смогли справиться достойным образом.

Очень важный вопрос связан с обслуживанием личного состава продовольствием. Оно будет организовано следующим образом: на крупных железнодорожных станциях, один раз в сутки будем кормить личный состав в местных столовых по заказу, и два раза в сутки, как правило, утром и вечером, личный состав будет получать сухой паек. Кипяток для чая будет готовиться в походных кухнях, оборудованных в вагонах эшелона».

После выступления начальника эшелона, перед офицерским составом выступил его заместитель по политчасти капитан Простоян.

— Дорогие товарищи офицеры! На нас с вами возложена большая и ответственная задача по сопровождению личного состава эшелона на Дальний Восток. Согласно союзническому договору с Соединенными Штатами Америки и Великобританией, наше государство взяло на себя обязательство вступить в бой с японскими милитаристами, освободить оккупированные районы в ряде стран Азии и освободить полностью Сахалин, Курильские острова и другие районы, принадлежащие нашему государству, Монголии, Китаю и Корее. Туда ранее уже направлено несколько эшелонов с личным составом и техникой. Но я должен сообщить вам, что один из эшелонов не дошел без ЧП до места назначения. Сопровождающие офицеры потеряли бдительность и ответственность. В это время группа заговорщиков разорвала эшелон на две части. Во время движения состава по крутому подъему железной дороги, было отцеплено несколько вагонов, которые пошли вниз по колее, а затем группа лиц из числа бывших штрафников, старшин и младших командиров совершила побег. Вы можете себе представить, какое это преступление, какой это позор для всего офицерского состава эшелона. Из этого драматического факта мы все с вами должны сделать надлежащий вывод. Но одного вывода для себя мало. Необходимо перед поездкой в эшелоне проделать большую работу всему офицерскому составу. Что для этого необходимо?

1. Как только получите списочный состав личного состава, который

будете сопровождать по вагонам, вы должны заняться тщательным изучением каждого солдата и младшего командира, вверенных вам. Нужны будут ваши личные беседы с каждым в отдельности.

2. В каждом вагоне должен быть подобран старший вагона. Огромную роль на фронте, в самых трудных ситуациях играли коммунисты и комсомолы, а так же актив беспартийных бойцов. В наших конкретных условиях, в каждом вагоне должен быть актив, состоящий из рядового и сержантского состава. Начальник штаба эшелона вручит вам списки личного состава. Это будут солдаты и младшие командиры, которых вы в основном знаете, так как они до этого находились в вашем подчинении. Но часть личного состава будет для вас совсем незнакома. Вот с ними в первую очередь и необходимо провести личные беседы еще до отправки эшелона.

3. Важным моментом будет проявление заботы о материальном обеспечении каждого военнослужащего обмундированием и продуктами питания.

Начальник эшелона, подполковник Лунев, вам уже доложил о том, что один раз в сутки личный состав эшелона будет принимать горячую пищу в столовых продовольственных пунктов на железнодорожных станциях. Каждый из вас должен особо внимательно следить, чтобы все организованно выходили в строй для следования в столовую под вашим личным командованием, а так же обратно, после принятия пищи, в свои вагоны.

4. Газеты и журналы мы будем получать на агитпунктах военных комендантов крупных железнодорожных станций, через которые будем следовать. Через старших по вагонам будем вручать всем свежий материал, который будем получать на агитпунктах. Политчасть и медсанчасть эшелона будет находиться в шестом вагоне от локомотива. Вместе с вами политико-воспитательную работу будем проводить на всем пути следования. Всем все ясно? Есть ли какие вопросы у вас? Вопросов нет. Тогда слово предоставим начальнику штаба эшелона, который вручит вам списки личного состава и объявит, кто и в каком вагоне-теплушке будет следовать.

Во второй половине июня 1945 года, поздно вечером, воинский эшелон покинул столицу Латвии, город Ригу, и взял курс на Дальний Восток.

Несмотря на сильное разрушение столицы Латвии войной: разрушены целые кварталы города, разрушен огромный мост через реку Даугаву, разрушены промышленные предприятия, город Рига, летом утопая в зелени, выглядел привлекательно. Вдоль канала, проходящего между старой и новой Ригой, красовались пышной зеленью декоративные кустарники, лиственно-хвойные деревья. Здесь всегда было многолюдно с утра и до самого вечера.

Все это ярко бросилось в глаза Андрею Простояну во время пребывания в Риге, перед уездом эшелона. В столице Риге, как и вообще в Прибалтике, Простоян до сих пор никогда не был. Его сюда забросило на гребне войны, когда мало кто в то тяжелое время мог знать, где он еще может быть, куда его занесет от родного края, от родного дома.

И вот теперь, когда уже война закончилась для всех, кто в ней участвовал и остался в живых, для Простояна все еще впереди. Война для него фактически еще не закончилась. Она для него предстоит с не менее сильным и коварным противником — японскими милитаристами, которые захватили у нас не только Курильские острова, остров Сахалин, но оккупировали огромные территории ряда азиатских стран.

Но прежде чем попасть на новый театр войны, Простояну предстояло путешествие на огромное расстояние. Путешествие это не простое, не обычное. Это путешествие налагало на Простояна, как и на весь офицерский состав эшелона, огромную ответственность. Нужно было сохранить дисциплину и порядок среди всего личного состава эшелона. А это значит, надо чувствовать пульс и настроение каждого: от рядового и сержантского состава до всего офицерского корпуса эшелона. Надо знать и чувствовать обстановку в составе эшелона, так как предыдущий эшелон без ЧП не дошел к месту назначения.

В отличие от всей проводимой политико-воспитательной работы на фронте, в бою, где смелость, мужество и личный пример играли особо важную роль, здесь нужны совсем иные формы и методы работы среди личного состава эшелона, иные качества проводимой работы.

Помимо того, что в каждом вагоне имеется свой командир взвода, через которых Простоян будет поддерживать живую связь на всем пути движения эшелона, он особый упор сделал на серьезность подбора ответственных лиц, на подбор старост вагонов из числа бывших фронтовиков, начиная от рядового и кончая сержантским составом, которые умело и с охотой помогали бы своему командиру в поддержании дисциплины и порядка.

Чтобы подобрать таких лиц, необходимо было в ходе движения эшелона Простояну побывать в каждом вагоне. Надо было всерьез поговорить со всеми, и в ходе беседы подобранных лиц наделить особыми полномочиями, которые могли бы информировать командование эшелона, и в первую очередь замполита о каком-то замеченном беспорядке, нездоровом настроении в вагоне. На любой остановке эшелона, большой или малой, без ведома офицера и старосты, никто не имел права покидать вагон без особой на то команды.

Многие из личного состава эшелона считали, что их путь лежит через Москву. Но эшелон пошел совсем по другому маршруту. Путь движения эшелона на Дальний Восток на карте Генштаба был начертан иной. В этом убедились все, когда ночью прошли через станции Резекне, Великие Луки и остановились на станции Бологое, где наверняка менялась бригада дорожников.

По согласованию с военным комендантом станции Бологое, военному коменданту станции Ярославль была срочно направлена телеграмма-заявка за подписью коменданта железнодорожной станции Бологое, начальника эшелона подполковника Лунева и начальника штаба эшелона майора Дубинина о приготовлении обеда на личный состав эшелона.

В период войны здесь по этому направлению немало проходило военных эшелонов. Нередко личный состав кормили горячей пищей на специально оборудованных пищеблоках. И сейчас, когда уже война закончилась, когда народы страны отпраздновали Победу, вся эта система военного времени сохранилась по всем дорогам, от запада до востока.

Процесс кормления личного состава горячей пищей, как на фронте, так и сейчас в пути эшелона, для замполита Простояна имел особо важное значение. От этого во многом зависел успех дела, поддерживалось хорошее настроение и моральный дух каждого солдата. Поэтому он уделял особое внимание тому, чтобы все до единого были накормлены хорошей и доброкачественной пищей. Перед принятием пищи личным составом в Ярославле замполит Простоян вместе с врачом эшелона, капитаном Стрижак, прибыли на пищеблок, чтобы убедиться в том, как идет подготовка к встрече эшелона, и какое качество приготовленного питания. При проверке было установлено, что к встрече эшелона было все готово. Миски, ложки, вилки уже находились на столах. Нарезанный хлеб находился в хлебницах. Весь пищеблок напоминал Простояну огромную полковую солдатскую столовую, в которой их кормили, когда он прибыл в армию перед финской войной, и попал в 113 запасной стрелковый полк, который размещался в Муравьевских казармах, на реке Волхов, что под Новгородом. Когда замполит Простоян и врач эшелона Стрижак проходили с одного конца столовой в другой, то навстречу им из пищеблока вышел высокий, коренастый мужчина в военной форме. Он представился прибывшим представителям эшелона: «Заведующий пищеблоком, старшина Вихров». Замполит и врач представились ему и сообщили, что их интересует вопрос о готовности пищи для кормления личного состава эшелона. Старшина Вихров доложил: «К приему пищи личным составом эшелона все готово. Осталось вам снять пробу».

— Ну, что же, доктор, приступим к своим обязанностям?

Принятие пищи личным составом проводилось в две смены. Большая часть эшелона кормилась в первую смену, а остальные — во вторую.

Весь процесс кормления прошел хорошо, без каких-либо недоразумений. Все остались довольны хорошей и вкусной пищей. О чем и отметили замполит и врач эшелона в книге отзывов.

Для поддержания повседневной непосредственной связи с личным составом в пути следования, капитан Простоян, как правило, находился то в одном, то в другом вагоне, где интересовался всеми вопросами, которые волнуют и беспокоят их. Если особых вопросов не возникало, то их сам ставил замполит, и тогда завязывалась живая и непринужденная беседа. Беседы проводились на военные, политические и экономические темы. Особенно беспокоили и по-особому интересовали солдат вопросы поднятия страны из руин после окончания войны.

Но эшелон шел теперь уже по территории Предуралья, где войны не было. Но следы ее ощущались везде. В стране продукты питания были очень дорогими: буханка хлеба "кирпичик" стоила 150-200 рублей, в старых ценах,

утка стоила 15-20 рублей, курица — 12-15 рублей, яйца — 10-15 рублей десяток. Это видели на каждой станции, каждом полустанке солдаты, где останавливался эшелон.

Одно здесь утешало всех: все архитектурные ценности зодчества, встречавшиеся на пути в городах, рабочих поселках, деревнях, сохранились в первозданном виде, как в заповеднике. Не было замечено никаких разрушений.

Для проведения тех или иных мероприятий с личным составом эшелона, в распоряжении замполита имелось два армейских ящика различной литературы. В том числе — художественной, научно-популярной, а так же справочной. Все это Простоян подбирал лично сам в фондах Политуправления округа перед отправкой эшелона. Кроме того, эшелону была выделена гармошка "хромка", два патефона с набором пластинок. В дорогу Простоян забрал свой миниатюрный радиоприемник немецкой марки "Телефункен".

При наличии различной справочной литературы, замполит имел возможность готовить интересные беседы, с которыми он выступал в вагонах, в пути следования. Одна из таких бесед состоялась о древнем городе Ярославле.

— По преданию, он основан в 1010 году, а известен с 1071 года. Город Ярославль является портовым городом на реке Волге и железнодорожным узлом. Развита промышленность. Машиностроение (автомобильные двигатели, электродвигатели, полимерное и полиграфическое оборудование, дорожные машины и другие). Химическое машиностроение (производство резины, изделий синтетического каучука); нефтеперерабатывающая, легкая, пищевая промышленность, производство стройматериалов. Является историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником (Спасо-Преображенский монастырь, 16в), художественное зодчество 17 век, церкви Ильи Пророка, Иоанна Златоуста в Коровниках, Николы Мокрого, Иоанна Предтечи в Толчкове. Имеется 4 вуза, 2 театра. Развито судоходство по Волге и Рыбинскому водохранилищу.

В области развито земледелие: посевы ржи, пшеницы, гороха, кормовых культур, льна-долгунца, картофеля, овощей, а также садоводство.

Ярославская область славится породой крупного рогатого скота молочного направления, которая выведена была еще в 19 веке в Ярославской губернии.

Судя по тому, с каким вниманием солдаты слушали выступление замполита, и какие они задавали потом ему вопросы, он пришел к выводу, что беседы о тех краях, по которым мы проезжаем, их очень интересуют.

Следующий прием горячей пищи определен совместно с военным комендантом города Ярославля. Он будет на продпункте города Кирова. А еще через сутки, на станции Свердловск.

Как стало известно замполиту Простояну, за движением их эшелона следят многие службы, начиная от Ставки Верховного Главнокомандования и

кончая службами военных комендантов. И пока воинский эшелон не придет на следующую станцию, где имеется военная комендатура, и предусматривается принятие горячей пищи, до тех пор комендатура, отправившая эшелон, несет полную ответственность за предоставление ему "зеленой улицы".

2. Встреча без вести пропавших

Воинский эшелон особого назначения устремился на Кострому. Стояла хорошая летняя погода. Пейзажи садов и огородов сменялись пейзажами лесов, полей и водоемов. Прелесть и красота здешней природы привлекали к себе внимание каждого едущего в эшелоне. Здесь в этих краях войны не было. По Уралу на станцию Свердловск (Екатеринбург) держит путь эшелон, где личный: состав рано утром будет принимать пищу, и в это время замполиту можно будет, хоть в какой-то степени, познакомиться с городом.

Выполнив все то, что необходимо было Простояну по прибытии эшелона, он решил поближе ознакомиться с городом, так как времени для этого в период кормления эшелона было вполне достаточно, не менее двух часов.

Андрей Простоян во время кормления личного состава решил пройтись по прилегающим к вокзалу улицам города.

Утренний теплый ветерок был встречным. Простояну хотелось кого-то встретить, чтобы расспросить о том, как здесь живут люди, что у них в городе имеется интересного, какие имеются достопримечательности?

В это время из переулкa вышел коренастый, широкоплечий мужчина, прекрасно одет в серый, в клеточку костюм и такого же цвета берете.

Простоян подумал: догнать его или нет, чтобы побеседовать с местным жителем? Удобно ли будет останавливать незнакомого ему человека? Раздумывая над этим вопросом, Простоян ускорил шаг. И когда начал приближаться, то просто обомлел. Ему показалось, что походка этого мужчины вразвалку напоминает походку его родного брата Ивана. Простоян еще ускорил шаг и вдогонку крикнул: «Ваня! Ваня!» Но мужчина вначале даже не обернулся. А когда Простоян еще ближе подошел к мужчине и окликнул его, то тот мгновенно повернул голову в его сторону, затем развернулся навстречу идущему Простояну. Встал, руки положил на бедра и словно окаменел. Стоял и даже слова не мог промолвить. Потом, как бы придя в себя, он промолвил:

- Да никак это ты, дорогой мой брат Андрей?
- Да, Ваня, это я, твой родной брат Андрей.
- А говорят, что чудес на свете не бывает. А тут без вести пропавший брат без вести пропавшего встречает, разве же это не чудеса?

Что творилось в это время у каждого на душе, передать словами просто невозможно. Обнявшись, со слезами на глазах, они стояли целое мгновение или целую вечность, ни о чем не расспрашивая друг друга. Около шести лет они два брата друг о друге ничего не могли знать. Вытирая слезы, первым

заговорил брат Иван.

— Но как же так, тебя забрали в армию в 1939 году. После окончания войны с белофиннами мы от тебя часто получали письма. Ты служил на границе с Финляндией. А когда началась Отечественная война, мы получили от тебя всего один маленький солдатский треугольник, в котором ты кратенько сообщил, что развернулись тяжелые бои на вашем участке фронта в Карелии. Больше мы ничего не получали от тебя с самого начала войны до сентября 1941 года. Но в самом конце сентября, когда я находился один дома, а родители — отец, мать и сестра отсутствовали, они находились в народном ополчении — рыли окопы, то в это время я получил из армии извещение о том, что в ходе тяжелых боев под Выборгом ты пропал без вести. Если бы в это время кто из родных был дома, то и они об этом узнали бы. Но случилось так, что вначале я не мог никому об этом сообщить. А потом, когда уже немцы оккупировали Украину, и начали приближаться к нашему городу, то мы все были в таком состоянии, что я и забыл о твоём извещении. Никому из родных ничего так и не сообщил.

Сначала отец меня прятал на чердаке от немцев. А когда немцы начали угонять всю молодежь к себе в рабство, то я с несколькими ребятами, с которыми мы вместе учились тогда в школе, вынуждены были покинуть город и бежать в деревню. Мы бежали подальше в деревню Малиновку. Там вблизи деревни, в овраге, мы вырыли себе землянку, и сделали от нее ходы сообщения. Нас было 7 человек. Вначале, когда еще было потеплее, мы могли жить в этой землянке. А когда стало по-осеннему холодно и стало совсем голодно, то мы вынуждены были с наступлением темноты выходить на добычу пищи и теплых вещей. Мы обращались к жителям за помощью. Вначале шло все не плохо. Нам сочувствовали и помогали. Мы ж не подозревали, что за нами крадемся беда. Нас выследил здешний бывший кулак и сообщил в полицию. Немцы сделали облаву и ночью забрали всех нас, и отвезли в комендатуру нашего города. Вначале нас продержали под охраной за колючей проволокой, а дней через десять целую группу молодых ребят и девушек отправили под конвоем на станцию. Всех погрузили в телячьи вагоны и отправили на запад, в Германию. Как мы не пытались подать хоть какую-то весточку родным, но этого не удавалось. Но когда нас вели под конвоем, мне показалось, что навстречу нам шла наша бабушка Килия, и она меня заметила, подав об этом знак головой. Вот с тех пор и по сегодняшний день и меня все считают без вести пропавшим

— Но как же ты выжил, каким образом попал сюда за тридевять земель на Урал, в этот город Свердловск, вместо своего родного города Бердянска?

— Это целая история. А что я сюда попал, так это, видать, моя судьба такая.

— Давай, рассказывай дальше, чтобы мне хоть самое главное узнать до отхода нашего эшелона.

— А ты что, здесь случайно, проездом, что ли?

— Да, дорогой братик. Я попал сюда проездом. Но случайно ли это или

закономерно, пока еще точно сказать трудно. Если бы меня не назначили комиссаром этого эшелона, который держит путь на Дальний Восток, то я никак не смог бы с тобою встретиться. Вот и считай, что это – случайность или это закономерность? Но продолжай о себе рассказ.

– Нас везли долго, через всю Украину на запад, через Польшу, и выгрузили в западной части Германии. Всех мужчин загнали в бараки, где мы находились несколько суток. Затем всех одели в брезентовую робу с нашивкой каждому своего номера. У меня была нашивка на спине и на рукаве брезентовой куртки "Ост 13737". Через несколько дней нас повезли на шахты по добыче угля. Вначале, несколько месяцев, мы были на одной шахте, а затем меня и еще нескольких ребят перевезли на другую угольную шахту, где мы и находились в подземелье с конца 1941 года по 1944 год. Находились мы в ужасных условиях. Кормили свекловичной похлебкой, да выдавали по маленькому сухарику или по галетинке. Надсмотрщики издевались над нами. Кто изнемогал, падал и не мог даже двигаться, того избивали до полусмерти. Спали мы все здесь же в подземелье, на соломе или на сене. Это была наша постель с первого до последнего дня, до дня освобождения нас армией Великобритании. Как только нас освободили в 1944 году, то всех поместили в бараки, которые находились под охраной армии Великобритании. Конечно же, никто не знал, что с нами дальше будет? Но одно мы твердо знали и понимали, что хуже, чем было, уже не будет. Нас хорошо кормили, три раза в день. Одели в более приличную одежду. Иногда нас водили даже в баню.

Через несколько месяцев нас начали вызывать на допрос, составляли какие-то списки. Пошли слухи, что будет репатриация для тех, кто желает попасть к себе на Родину. Мы жили теплой надеждой на то, что рано или поздно можно будет попасть в свою страну. Мне в этом смысле повезло больше других. А случилось это так: Офицеры армии Великобритании с русским переводчиком ходили по баракам и объявляли, что в городке создается две команды по футболу. Одна команда из русских, а вторая команда из солдат британской армии. Поставили условие: если русские из трех матчей выиграют у британских футболистов три или хотя бы два матча, то все они будут вознаграждены. Будут одеты в новые костюмы, и в первую очередь будут репатриированы к себе на Родину.

Но ты же понимаешь, как я любил футбол, как ты гонялся за мною по городу и возвращал домой, чтобы я готовил уроки, а затем уже в футбол гонял. Вот я и решил записаться в сборную русских ребят. Когда я сообщил, что немного играл в футбол, то меня даже назначили капитаном команды.

Дали нам по две недели на тренировку, на сыровку команды. А затем наступил ответственный момент. Была назначена встреча двух команд. На специально оборудованном футбольном поле собрались не только солдаты, но и офицеры британской армии. Встреча была очень напряженной. Были моменты и с нашей стороны, и со стороны соперника, когда можно было забить гол. Но игра уже заканчивалась, а голов не было. И вдруг, на последних минутах, судья преднамеренно засудил нашу команду, и назначил

пенальти. Вратарю удалось парировать удар, но мяч он не удержал в руках. Подскакивший их игрок нанес удар, и под самый конец счет стал 1:0, в пользу британской команды. Мы пытались оспорить эту игру, но это было бесполезным, так как судья был за них.

Мы приуныли, но понимали, что силы у нас есть, что судьба наша в наших руках. Мы не теряли надежды в том, что еще не все потеряно. Сделали некоторую перестановку игроков в команде и усиленно готовились к следующему матчу. Во втором матче было еще больше людей. Дан свисток. Игра началась. Игра была еще более упорной. Наша тактическая задача заключалась в том, чтобы выстоять первый тайм. Изучить ходы и приемы соперника, а затем во втором тайме дать бой.

Второй тайм начался спокойно, более уверенно с нашей стороны. Защита у нас была сильной. Я тоже находился в линии защиты. Но ударов было мало. И вот один из наших нападающих вырвался вперед, прошел по левому краю, сделал удар вдоль ворот, и центральному нападающему ничего не оставалось, как подставить ногу под мяч. Он оказался в сетке ворот. Второй гол был забит со штрафного удара. На стадионе поднялся свист, крик. В нас начали бросать различные предметы. До конца оставалось всего несколько минут. Британцы с углового удара забивают гол. И тут свисток. Конец игры. Победа за нами со счетом 2:1.

А еще, примерно через неделю, состоялся третий матч. Нам сообщили, что на матче будут находиться представители Красной Армии, которые занимаются вопросами репатриации. Это нас еще больше окрылило. В этом матче мы одержали уверенную победу со счетом 3:0.

После этого, как нам и обещали, всех одели в приличные, серые в клеточку, костюмы с беретами того же цвета, которые ты и видишь сейчас на мне.

Вскорости мы узнали, что в числе первых будем репатрированы в свою страну. И вот нас, группу молодых репатрированных ребят, направили прямо на Урал, в город Свердловск, на Верх-Исметский завод черной металлургии. Мы плавим металл для страны. Работа очень сложная и тяжелая. Еле хватает сил выстоять смену.

Я нахожусь на квартире у хозяйки, где живу и питаюсь. Сейчас я работаю во вторую смену. И сегодня утром какая-то неведомая сила потянула меня на привокзальную площадь. И в это самое время моей прогулки нам суждено встретиться с тобою через шесть лет разлуки.

— Да, Ваня, когда освободили наш край от немцев, то мне удалось разыскать наших родных. Я писал во все концы, писал и умолял, чтобы хоть кто-нибудь отозвался и сообщил о наших родных. Не сразу, а лишь спустя почти три месяца, я получил от родных, от матери и сестры Кати письмо, в котором они сообщили о той трагедии, которую они пережили во время оккупации. Они сообщили, что знали о том, что тебя вместе с другими ребятами отправили в неволю, в Германию. Об этом узнала сестра нашего отца, бабушка Килия. Она действительно видела тебя, когда немцы вели по городу под конвоем на

вокза. Через нашего учителя, преподавателя немецкого языка, который работал переводчиком в полицейском участке, ей удалось уточнить, куда вас направили. И с тех пор, как тебя отправили, а затем, когда уже освободили Украину, и даже после конца войны от тебя не было ни слуху, ни духу. Вот почему дома считали, что ты без вести пропал. Теперь даже трудно поверить в то, что два родных брата, считавшихся без вести пропавшими, через шесть лет встретились, и где? — на Урале, на привокзальной площади в Свердловске. Все это похоже скорее всего не на быль, а на сказку или на сон.

— А теперь, дорогой мой брат, я попрошу пройти тебя со мною к эшелону. Это совсем рядом. Пока личный состав заканчивает прием горячей пищи, мы с тобою хоть немножко посидим в моем вагоне-квартире.

Когда Андрей Простоян со своим братом подходили к эшелону, то первая смена уже была накормлена, и весь личный состав находился на перроне-площадке, сооруженной из тесаных досок, по которой на товарной станции производится разгрузка или погрузка различных грузов.

Когда зашли вдвоем в вагон Простояна, то в нем находился лишь один его ординарец, Миша Лопатин.

— Миша, ты здесь? Как хорошо. Я вот через шесть лет нашей разлуки нашел своего брата Ивана, которого при оккупации немцы увезли в Германию, а затем войска союзников освободили, и по репатриации его забрали сюда. Ты понимаешь, Миша, какое это радостное событие? Мы его должны отметить. Там у нас есть резервы "главного командования?"

— Да, конечно, нам же на праздники давали. Но вот во фляге я так и вожу, словно знал, что когда-нибудь очень понадобится.

В один миг ординарец Миша сообразил закуску. Миша налил братьям в кружки спиртного, и они на радостях опрокинули по сто грамм.

— Ну, а теперь ты хоть немного расскажи о себе. Ты был учителем, а теперь вдруг стал не просто солдатом, а даже офицером.

— Дорогой братик, я готов тебе рассказывать целые сутки подряд обо всем, но у нас остается так мало времени. Буквально через несколько минут наш эшелон уходит на Дальний Восток. И если мне будет суждено остаться в живых в дальневосточной войне, то тогда я тебе с удовольствием расскажу, через какие горнила испытания я прошел, как перед войной, так и в самой войне. А сейчас, Ваня, ты срочно запиши адрес матери в городе Бердянске.

В период оккупации немцы застрелили нашего отца. Мать-старушка осталась одна с нашей сестрой Катей. После освобождения нашего края от немцев, я узнал, что мать со своей дочерью живет в пригороде, в одной из халупок в рыбацком поселке, где они скрывались под конец оккупации, и так там и остались, так как дом, в которой мы жили, немцы взорвали перед уходом из города. Тебя, дорогой мой брат, я попрошу немедленно написать им письмо. Опиши им подробно о себе. Ведь они до сих пор так ничего и не знают о тебе. Напиши им и о нашей, чисто случайной, но весьма важной и трогательной встрече здесь в городе Свердловске.

А теперь, в память о нашей встрече, прошу принять от меня этот

скромный подарок: мой гражданский костюм, вот этот радиоприемник, и заодно мы с Мишей оставляем тебе наш велосипед. Он нам, видимо, больше не понадобится ездить за продуктами, как это было в нашем гарнизоне.

Уложив все на перроне перед вагоном, Андрей Простоян также трогательно, как и встретился, прощался со своим братом Иваном, у которого невольно потекли слезы и от горя всего пережитого, и от радости такой важной и такой дорогой встречи.

Все это происходило на глазах у личного состава эшелона. Никто ничего не знал, что это за встреча у Андрея Простояна. Но пока братья расставались, ординарец Миша Лопатин успел рассказать, что это встреча чисто случайная двух без вести пропавших братьев, что брата нашего замполита немцы увозили в рабство, где он находился целые годы на шахтах в подземелье, пока и не освободили их войска союзников.

Плотным кольцом окружили солдаты и офицеры двух братьев. Начали их расспрашивать обо всем, и удивлялись такому невероятному случаю, когда шесть лет они не встречались, и не могли знать ничего друг о друге и о своих родных. Из-за оккупации их связь была нарушена.

Подшло время отправки эшелона. Раздалась команда: «Всем по вагонам!» Кто не успел заранее сесть в свой вагон, тот делал посадку в любой вагон медленно двигавшегося эшелона.

Эшелон набирал скорость, а замполит Простоян стоял на перроне в обнимку со своим братом, словно движение состава его не касалось.

Солдаты от вагонов начали кричать: «Садитесь, товарищ капитан, садитесь!» На ходу Простоян вцепился в деревянную перегородку-засов одного из вагонов. Его подхватили солдаты за руки и втащили к себе. Брат Иван неподвижно стоял на перроне и сквозь влажные глаза наблюдал за своим братом, беспокоясь о том, чтобы он благополучно сел на ходу в какой-либо вагон. И когда его брата Андрея солдаты схватили за руки и втащили внутрь вагона, то на душе у него отлегло. Он заулыбался, и начал махать ему вслед то одной, то обеими руками.

Через некоторое время эшелон пришел на станцию Синарскую, где была недолгая остановка. Андрей Простоян поспешил в свой вагон, чтобы приступить к своим делам, и заодно сделать в своем дорожном блокноте очень важную и памятную запись о непредвиденной встрече со своим братом.

Весть о том, что встретились чисто случайно два, без вести пропавших брата, разнеслась по всем вагонам. Когда капитан Простоян подошел к своему вагону, то там встретил толпу солдат и офицеров. Все они в один голос тепло и сердечно поздравили его с такой трогательной встречей, с тем, что нашелся его брат, о судьбе которого всем хотелось узнать более подробно, как и о судьбе самого замполита в ходе многолетней войны. Поэтому все они приглашали Простояна в свой вагон. Простоян от души поблагодарил всех собравшихся за их сочувствие и поздравления, и сообщил, что впереди путь велик, и он постарается побывать во всех вагонах, чтобы побеседовать с личным составом по душам, и рассказать обо всем том, что кого будет

интересовать.

Эшелон набирал ход. Капитан Простоян развернул вновь перед собою карту-схему железных дорог страны, чтобы спланировать, где и на каких вероятных остановках он может пересест с вагона в вагон. Оказалось, что впереди еще так много возможных больших и малых остановок, что он не менее как по два раза может побывать в каждом вагоне.

Впереди были крупные станции и железнодорожные узлы, как Курган, Петропавловск, Омск, Новосибирск, Красноярск. Перед священным озером Байкал, станция Иркутск. А там за Байкалом еще впереди простирался длинный путь через крупные станции Улан-Удэ, Читу и множество менее известных и более известных станций, таких как Биробиджан и Хабаровск. Со станции Хабаровск неизвестно куда пойдет эшелон: строго на юг в сторону Владивостока или строго на север, на Комсомольск-на-Амуре.

Среди командования эшелона, начинал от врача, замполита и кончая начальником эшелона, строго определились исполнительные функции, и поэтому в ходе движения все занимались своим делом, и не было надобности начальнику эшелона подполковнику Луневу часто собирать своих помощников, чтобы давать им какие-то особые указания и распоряжения по выполнению ими своих обязанностей.

Несмотря на то, что в эшелоне имелась временная связь между основными вагонами: первым, шестым и последним, где были установлены полевые телефоны, за первые пять суток движения эшелона, к замполиту Простояну не было ни одного звонка. Но вот после станции Свердловск, подъезжая к станции Курган, вдруг раздался звонок телефона. Трубку взял врач эшелона.

— Слушаю вас.

— Это говорит начальник эшелона, — раздался крутой голос на том конце провода. Он спросил: «Замполит у себя?»

— Да, вот он рядом.

— Передайте ему трубку.

Андрей Простоян, услышав разговор, взял трубку и бодрым, звонким голосом сказал: «Я слушаю вас, Алексей Леонтьевич!»

— Ну, как у вас идут дела? — слышалось в трубку.

— По-моему, у нас идет все нормально, как и полагается в гвардейском эшелоне.

— Андрей Петрович, ты почему же не заходишь в штаб? У тебя такое событие, а мы ничего не знаем.

— Но ведь это совсем неожиданное событие, и при том событие личного характера. Разве же оно так интересует штаб?

— Встреча с родным братом, и при том через много лет — это такое событие, которое интересует не только штаб, а весь личный состав эшелона. Ведь слухи дошли до всех, до каждого вагона. Все стараются как можно больше узнать правды из ваших уст о том, что творили немцы с нашим народом в период оккупации. Не многим удалось выжить. Многие расстреляны, многие замучены за колючей проволокой, а многие просто-напросто сожжены. Вот

оно — лицо фашизма. Вот "новый порядок", который несли народам страны гитлеровские оккупанты. Об этом и не мешало бы рассказать личному составу эшелона.

— Алексей Леонтьевич, вы правы. Рассказать у нас есть о чем. Я уже составил график выступлений по всем вагонам, согласно остановок на станциях, на которых можно будет мне переходить из вагона в вагон. Это живой, достоверный материал, а тем более, что встреча эта происходила у многих на глазах. Я заметил, что многих из них, или почти всех, это живо заинтересовало. Такие живые беседы помогут нам сплотить и сблизить личный состав со своими офицерами, которые их сопровождают, а так же с командованием эшелона. В политико-моральном вопросе это может сыграть немаловажную роль, так как цель бесед будет заключаться в возбуждении, воспитании нравственной мудрости, а нравственная мудрость побуждает каждого к самостоятельности, к самостоятельной работе ума и сердца в вопросах морали. А ведь известно, что мораль есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья.

Алексей Леонтьевич, подняв трубку, вы задали мне вопрос, как идут дела? И чтобы вы ничуть не сомневались в том, что дела наши шли и будут идти как можно эффективнее, я должен доложить, что, применяя новые формы и методы работы, я уже разработал новые темы бесед о ценностных ориентирах жизни, таких как добро и зло, счастье и несчастье, справедливость и несправедливость, долг и обязанность, достоинство и честь. Все это во власти нравственных сил. А нравственность в наших поступках придает красоту и достоинство нашей жизни. Сделать ее живой силой и помочь личному составу ясно осознавать ее значение — главная задача не только моя, как замполита, но и всего офицерского состава эшелона, несущего полную ответственность за сохранение и соблюдение воинской дисциплины и порядка при выполнении особо важной государственной задачи. Надеюсь, вы согласны со мною? Вот все эти формы и методы работы — соединение аргументов и фактов из личной жизни с живыми примерами, умноженными на теоретические вопросы нравственности и морали, и будут положены в основу всех моих бесед с личным составом.

— Андрей Петрович! Это уже будет с вашей стороны университет на колесах по раскрытию "тайн" нравственности и морали.

— Алексей Леонтьевич! Возможно это и не университет, но это форма нравственного воспитания, без которой невозможно пробудить человека, а тем более солдата, к исполнению высокого долга, к проявлению смелости, мужества, доблести и героизма. Ведь все это нам предстоит впереди. Мы не зря туда едем.

— Ну, что же, я рад за вас, за ваше усердие в исполнении своего высокого долга на этом посту. Рад, что не ошиблись в подборе вашей кандидатуры на эту должность. Заканчивая нашу беседу, пожелаю вам успехов и удач в вашем благородном деле.

— Спасибо вам, Алексей Леонтьевич, за добрые пожелания. Можете смело

на меня нежелательно и ничуть не сомневаться в том, что университет на колесах будет работать без остановки.

После обстоятельной беседы с начальником эшелона, замполит еще и еще раз продумывал формы и методы работы с личным составом на всем пути следования. Успех дела мог быть в изыскании все новых и новых форм, которые бы вызывали интерес у всех и доходили бы до ума и до сердца каждого. Его педагогический опыт работы в прошлом, в школе, позволял разнообразить и сам стиль работы и обогащать содержание бесед.

Находясь в одном, а затем в другом и в последующих вагонах, замполит непринужденно завязывал беседу с солдатами. Но в каждой беседе преследовалась цель патриотического воспитания на примерах из жизни, на примерах из истории нравственного воспитания.

Если раньше, в первые дни, беседа в тех же вагонах не всегда достигала цели, то сейчас, после встречи с братом, что происходила на глазах у всех, ситуация резко изменилась. Простояну это очень помогло в проведении бесед, так как солдаты сами задавали с интересом вопросы, на которые с удовольствием отвечал замполит.

Удивило Простояну то, что во взаимоотношениях его с личным составом после Свердловска, после неожиданной его встречи с братом, как бы произошло что-то магическое, душевное и более взаимодоверительное к нему, чем было до этого, начиная от самого начальника эшелона и кончая рядовыми солдатами, с которыми он общался ежедневно, проводя душевные беседы с ними или делая обзор тех или иных событий.

Но главное и то, что они выражали свое какое-то сочувствие столь неожиданной и трогательной встрече двух братьев. Солдаты стали больше интересоваться и задавать вопросы из личной жизни своего комиссара эшелона. Вопросы были самыми различными, начиная от того, откуда он родом, кто его родители, кем он работал до армии, как складывалось начало его жизненного пути до того, как он стал офицером?

Простояну стало самому интереснее встречаться с солдатами и рассказывать о той нелегкой жизни, которой жили его родные до революции, после революции, как он вырабатывал в себе свою самостоятельность, как приобрел свою любимую профессию учителя.

У озера Байкал на перевалочном пункте стояли недолго. Но для всех важным было то, что по железной дороге, огибая Байкал, эшелон проходил в светлое, дневное время. Можно было всем увидеть красоты высоких скалистых берегов, покрытых лесом. Увидеть глубины прозрачной водной голубизны, видеть местных рыбаков и то, как лодки, баркасы, пароходы бороздят воды священного Байкала.

Самые восточные области России, расположенные по берегам Тихого океана, называются Дальним Востоком. Главная река здесь Амур. По нему проходит часть нашей границы с Китаем. Амур самая длинная река в России — 4500 километров. Китайцы зовут ее рекой Черного дракона, потому что она

очень бурная и стремительная. Река Амур действительно своеобразная и порой неукротимая. В некоторые годы на реке сохраняется, скапливается толстый крепкий лед. Когда начинается ледоход, образуются огромные ледяные заторы. Громадные льдины загораживают реку. Вода выходит из берегов и затопливает много селений. Борьбу с заторами приходится вести как настоящее сражение, — взрывать их с самолетов и вертолетов.

После зимы, позднее, в конце мая - начале июня, Амур показывает свою неукротимую силу. Когда в горах проходят ливни, то река снова разливается. Мощные потоки воды разрушают скалы, перекатывают громадные камни, выкручивают с корнями, словно игрушечные, огромные деревья. Потоки воды срывают и разбивают плоты заготовленного леса. Затопливаются большие площади полевых, разрушаются многие животноводческие фермы, разрушаются дома и целые поселки.

По берегам реки, в глухих лесах, находят золото. Пароходы перевозят по Амуру много различных грузов.

На правом берегу Амура расположена железнодорожная станция и город Хабаровск. Город Хабаровск на Дальнем Востоке — это конечный пункт, куда держал путь воинский эшелон особого назначения. В конце июля, на 24-е сутки своего пути, рано утром прибывший эшелон в город Хабаровск встречали — военный комендант с представителями штаба Дальневосточного фронта, которым командовал генерал армии М.А. Пуркаев.

С прибытием эшелона представители высшего командования провели совещание с командованием эшелона у военного коменданта. На совещании было отдано распоряжение: весь личный состав накормить горячей пищей, согласно поданной накануне заявки. После кормления личного состава, военному коменданту отцепить шесть вагонов с личным составом во главе с сопровождающими офицерами и весь списочный состав передать командованию спецвойск местного гарнизона. Остальной состав направить на станцию Комсомольск-на-Амуре, где произвести полную высадку всего личного состава, отвести в лес, оборудовать палатки и приступить к подготовке личного состава к боям по освобождению Сахалина.

3. Освобождение Сахалина и Курил

Оборудовав палатки в лесу, личный состав начал готовиться к военным действиям по освобождению острова Сахалина от японских милитаристов. Отрабатывались приемы по десантной высадке войск с захватом плацдарма и дальнейшему укреплению своих позиций с целью перехода в наступление.

В составе эшелона было около четырех рот солдат и офицеров, а также и младших командиров, которые уже принимали участие в боях по освобождению Прибалтики от фашистских захватчиков.

В ходе подготовки к предстоящим боям особое внимание уделялось сколачиванию рот и батальонов, как самостоятельных единиц при выполнении боевых задач по освобождению оккупированной японскими

милитаристами территории Сахалина и Курильских островов.

Для более тщательной подготовки к предстоящим боям, после укомплектования войск по взводам, ротам и батальонам, представителями командования Дальневосточного фронта со всем офицерским составом было проведено совещание. На этом совещании была более четко поставлена задача перед всем личным составом.

Сообщив о том, что часть войск отсюда возможно будет направлена в другие районы военных действий, было указано и на то, что основная часть будет находиться во втором эшелоне наступающих войск по освобождению Сахалина, и должна тщательно отрабатывать приемы высадки десанта, немедленного вступления в бой, вплоть до рукопашных схваток.

Один из представителей штаба фронта по карте рассказал о Сахалине. Остров Сахалин от материка отделяется Татарским проливом. Длина острова 948 километров. Высота гор до 1609 метров. На севере – Северо-Сахалинская равнина. В горах преобладает елово-пихтовая тайга. На равнинах – лиственная тайга. С 1855 года Сахалин находился в общем пользовании России с Японией. С 1875 года Сахалин принадлежал только России. Как известно, в 1904 году японцы напали на Порт-Артур, разгромили русскую армию при Мукдене, разгромили морской флот при Цусиме. В 1905 году подписан Портсмудский мирный договор, по которому Южный Сахалин отошел к Японии. Сахалинский залив находится между побережьем материка и северной оконечностью острова Сахалин. Ширина до 160 километров.

Татарский пролив проходит между материковой Азией и островом Сахалин. Длина пролива 633 километра, ширина на севере до 40 километров, на юге до 342 километров. Наименьшая глубина на фарватере 7,2 метра. Главные порты: Холмск, Корсаков, Александровск-Сахалинский, морская паромная железнодорожная переправа. Все эти краткие данные о районе и природе Сахалина дают определенное представление для офицерского состава, который будет вести бойцов на штурм укреплений на острове, которые много лет сооружались и оснащались японцами.

Южно-Сахалинск до освобождения назывался – Тойохара. Южно-Сахалинск является главным центром Сахалинской области и железнодорожным узлом. Южно-Сахалинская операция очень тщательно готовилась. Советские войска 56-го стрелкового корпуса во взаимодействии с морскими десантами и кораблями Тихоокеанского флота сломили сопротивление японских войск и освободили южную часть Сахалина.

На третьи сутки после начала Южно-Сахалинской операции по тревоге был поднят лагерь с личным составом, прибывшим воинским эшелоном. Все ждали этого дня: все понимали, что рано или поздно второй эшелон войск должен вступить в бой, взамен потрепанным войскам, которым пришлось взламывать укрепленную оборону японцев.

В ходе подготовки своих войск к наступательным боям, Андрей Простоян так и остался замполитом всех прибывших сформированных частей. С ними он и пошел в наступление. Высадка десанта, после прорыва нашими

войсками укреплённых районов противника, проходила организованно, успешно. Но за несколько дней перед боем, капитан Простоян почувствовал себя довольно плохо. Его угнетало сердце. Но так как до этого, ещё будучи в Прибалтике, он, несмотря на свои тяжёлые ранения, чувствовал себя терпимо, то и здесь сейчас он решил не обращать особого внимания на некоторые отклонения в самочувствии. Имея огромный опыт боев против немецко-фашистских захватчиков, он во главе со своим батальоном, после высадки на Сахалине, быстро связался с находящимися там войсками. Высадка была произведена в районе наступления 179 стрелкового полка. На КП полка он узнал подробно, как началась операция, какую тактику полк применял в ходе наступления. В полку сообщили, что японцы сильно сопротивляются, и некоторые населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Для прибывшего пополнения была определена полоса наступления в центре с населённым пунктом Катона. Когда с двумя батальонами капитан Простоян прибыл в этот район, то там увидели удручающую картину: перерывы все ходы сообщения, разрушены землянки и блиндажи, в которых находилось много солдат полка. Не хватало боеприпасов, длительное время не было пищи, а главное, что не было и питьевой воды, многих мучила жажда. Но пресная вода на острове, а тем более в ходе боев, на вес золота.

Вот почему командование полка возлагало большую надежду на новое подкрепление. И, действительно, рано утром полк, получив подкрепление, пошел в атаку, на штурм противника.

Вначале противник предпринял несколько контратак, но затем, видя свою беспомощность, начал сдавать позиции одну за другой. Преодолев сопротивление противника, полк пошел вдоль железной дороги на юг, встречая отдельные очаги сопротивления.

На третьи сутки боев, к вечеру, капитан Простоян почувствовал себя очень плохо. Он не мог даже двигаться, свалился и лежал на песке с гравием у полотна железной дороги. У него помутнело в глазах, закружилась голова. И когда он очнулся, то не понял, где находится. Заметив, что замполит внезапно свалился с ног, солдаты подбежали к нему и спросили, что с ним случилось?

— Ребята, дела мои очень плохи, видимо подействовали климатические условия.

Солдаты немедленно доставили его в медпункт. Там он пролежал ночь, но улучшения не было. Кто-то из офицеров полка отдал распоряжение, чтобы капитана Простояна доставили на материк, в Комсомольск-на-Амуре.

В Комсомольске-на-Амуре в полевом госпитале капитану Простояну пытались оказать помощь. Он двое суток пролежал там, а улучшения не было. Врачи решили, что капитана Простояна необходимо отправить в Хабаровск, на стационарное лечение.

Неделю Простоян пролежал на стационарном лечении. Из беседы с ним врачи установили, что он несколько раз был ранен на фронте, из них дважды был тяжело ранен, дулей был перебит позвоночник, получил корешковое

повреждение нервов позвоночника. Скрикошетив, пуля запуталась в плевре легких, и остановилась в нескольких миллиметрах от сердца.

Узнав об этом, врачи были удивлены: каким образом дважды тяжело раненный офицер попал на фронт, и участвовал в боях по освобождению Сахалина?

Врачи пришли к выводу, что главной причиной ухудшения здоровья явилась резкая перемена климатических условий с перепадом атмосферного давления между Западом и Дальним Востоком, что и отразилось на спазматическое состояние коронарных сосудов сердца.

Узнав о том, что капитан Простоян, согласно командировочного предписания, по прибытии на Дальний Восток должен был сдать свои полномочия и вернуться обратно, врачи приняли решение: подлечить здесь больного, улучшить его состояние здоровья и вернуть немедленно в Прибалтику, где, по их мнению, состояние здоровья должно нормализоваться, и не исключена возможность, что можно будет продолжать службу в армии.

4. Возвращение

Находясь в госпитале на стационарном лечении, капитан Простоян услышал по радио о том, что сухопутные войска во взаимодействии с военным флотом 28 августа 1945 года полностью освободили Южный Сахалин от войск противника.

Андрей Простоян, услышав это сообщение, очень сожалел о том, что всего несколько дней не хватило ему, чтобы довести начатый так удачно бой на Сахалине до победного конца. Видать, он больше уже не вояка, и его дороги зовут к исполнению его заветной мечты: вернуться в свою родную школу, к своим дорогим ученикам. Теперь хватило бы сил вернуться снова на запад в свой военный округ, где и будет решаться его дальнейшая судьба.

Через несколько дней, подкрепив здоровье, Простоян получил проездные документы, продовольственный аттестат, и начал готовиться в обратный путь из города Хабаровска в Прибалтику, в город Ригу, откуда он был направлен на Дальний Восток.

Когда капитан Простоян находился в поезде, возвращаясь в Прибалтийский военный округ, то здесь на Дальнем Востоке еще гремели пушки, рвались бомбы и снаряды, стрекотали автоматы и пулеметы. Война против японской Квантунской армии продолжалась. Но продолжалась совсем недолго. В пути движения стало известно, что под мощным натиском Советских войск были разгромлены главные сухопутные силы японской Квантунской армии, что обусловило безоговорочную капитуляцию Японии. Был полностью освобожден и Сахалин, и Курильские острова. 2-го сентября 1945 года подписан акт о капитуляции Японии, и окончательно подведена черта под 2-й мировой войной.

Теперь Простоян уже окончательно был уверен в том, что его больше

никуда не пошлют воевать, что наступят долгожданные мирные дни, когда народы не только Советского Союза, но и всего мира смогут легко вздохнуть, и вместо разрушений начнут создавать новый мир, начнут сотрудничать и созидать.

По возвращении в Прибалтику, в свой военный округ, Простоян прибыл в штаб, чтобы встретиться с полковником Толкуновым, который ему подписывал командировочное предписание на Дальний Восток. Но на его месте уже находился другой офицер, который сообщил, что полковник Толкунов больше здесь не служит, он уволен из рядов Советской армии. Узнав об этом, капитан Простоян доложил по всей форме новому работнику штаба о выполнении им задания командования по доставке личного состава воинским эшелоном на Дальний Восток в распоряжение командования Дальневосточным фронтом.

Подполковник Шмелев принял доклад капитана Простояна и сообщил, что штаб ПрибВО подготовит предписание, с которым он будет направлен в распоряжение Политуправления ПрибВО.

В Политуправлении ПрибВО приняли капитана Простояна в тот же день. Провели предварительную беседу и сообщили, что на некоторое время он оставлен в резерве Политуправления. Через неделю ему необходимо будет прибыть на очередную беседу.

Через неделю, ровно к 10 часам утра, Простоян прибыл в Политуправление, о чем и доложил одному из офицеров. Тот сообщил, что через несколько минут вас примет начальник отдела кадров Политуправления, полковник Паршин. А пока вам необходимо заполнить лист по учету кадров. Простоян четко и аккуратно заполнил лист по учету кадров. Подождал еще несколько минут, и был приглашен в кабинет начальника отдела кадров.

Капитан Простоян, войдя в кабинет, представился по всем правилам. Полковник Паршин, довольно приятной наружности, с пышной прической и острым взором, поднялся, подал руку капитану, и пригласил сесть напротив себя.

- Как вы себя чувствуете сейчас?
- Чувствую я себя хорошо, в пределах нормы.
- Какие ваши планы на будущее?
- Товарищ полковник, если бы наши планы зависели от нас, то, наверняка, я уже не попал бы сюда к вам на беседу.
- А в чем же они заключаются?
- Заключаются в том, что я уже писал рапорт о том, чтобы меня уволили из армии. Я учитель, физик-математик, и очень люблю свою профессию. Но меня не отпустили, оставили в армии.

— Да, товарищ капитан, вы прошли всю войну, имеете огромный опыт партийно-политической работы. Выросли на фронте от солдата до офицера — капитана. Нам нужны такие кадры, как костяк Вооруженных сил. Мы предполагаем вас направить в аппарат одного из политорганов. Как вы

смотрите на это?

— Если вы доверяете, товарищ полковник, то я не возражаю. Но нельзя ли сейчас узнать, в какой именно политорган, и на какую должность?

— Это мы скажем вам сейчас. Мы хотим направить вас пока на должность инструктора по учету партийно-комсомольских документов в политотдел спецчастей гарнизона города Двинска. Пока там у нас имеется вакантная должность.

— Но эта должность технаря мне как-то не с руки. Ведь я учитель, политработник. Для меня ближе всего лекторская, пропагандистская, воспитательная работа.

— Ну, что же, мы это пожелание ваше учтем. А пока рекомендуем вам поработать в политотделе спецвойск города Двинска. А затем мы вас переведем.

— Я согласен, товарищ полковник. Что мне для этого нужно делать?

— Вам необходимо завтра утром прибыть к нам, получить предписание, и отправиться в политотдел спецчастей гарнизона города Двинска в распоряжение начальника политотдела подполковника Шалабина.

Политотдел спецчастей гарнизона города Двинска с прибытием капитана Простояна был укомплектован полностью.

Не легко было Простояну поначалу справиться с этой должностью, так как речь шла не просто об учете партийно-комсомольских документов, но, главное, — это было составить регбланк на того или иного коммуниста, а затем собственноручно заполнить спецчернилами кандидатскую карточку или партбилет. Это просто ювелирная работа. Имея двойное ранение правой руки, очень трудно было Простояну каллиграфически выводить каждую букву. Поначалу ему казалось, что он напрасно согласился пойти на эту чисто техническую работу. Как бы он ни старался освоить этот участок работы, однако это у него не совсем качественно получалось, а тем более, что все это было ему не по душе.

Шло время, шли месяцы, прошел год с лишним, и вдруг, начальник политотдела подполковник Шалабин вызывает инструктора по учету партийно-комсомольских документов к себе в кабинет.

Уходя из своего кабинета, Простоян подумал, что это будет очередное ЦУ (ценное указание) на ковре.

Через несколько минут капитан Простоян доложил своему начальнику о прибытии по его вызову. Тот осмотрел своего подчиненного с ног до головы, ничего не говоря. А затем вынул из письменного стола бумажку, телеграмму, и сказал: «Ну-ка прочитай, что там написано». В телеграмме сказано: «Подполковнику Шалабину. Срочно направить капитана Простояна в Политуправление ПрибВО на переговоры. Подпись. Начальник отдела кадров ПУ ПрибВО Паршин».

— У вас что же, там имеется своя рука, что ли, капитан Простоян?

Простоян дерзнул и сказал: «У меня там не только рука, не только ноги, а все мое личное дело».

Даже очень строгий и суровый начальник политотдела, который никогда не улыбается, вдруг рассмеялся и сказал: «Ну, что же, готовьте дела для передачи помощнику начальника политотдела по комсомолу, и завтра выезжайте в Ригу».

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Повернулся на 180 градусов и пошел к двери, на выход.

Проходя через комнату, где находились работники политотдела: пом. нач. ПО по работе среди комсомольцев капитан М. Фазлиахметов, пропагандист политотдела майор И. Тихонов и другие, все хором спросили: «Ну, что там, Простоян?»

— Да ничего особенного. Просто вызывают в Политуправление на беседу. Сразу все ахнули и спросили: «На какую беседу? Ты что подавал рапорт, что ли?»

— Нет, никакого рапорта я никому не подавал. Но завтра я уже должен быть там на беседе.

На следующий день капитан Простоян прибыл в отдел кадров Политуправления ПрибВО. Начальник отдела кадров шел в это время по коридору, и, увидев капитана Простоян у кабинета, пригласил его к себе на беседу. В кабинете он спросил:

— Ну, как у вас идут дела?

— В основном, все в порядке.

— Мне доложили наши работники из отдела кадров, что когда вас вызывали в Политуправление в числе с другими офицерами из частей помочь нам навести порядок с личными делами на офицеров-политработников, то вы очень усердно работали. Раньше всех приходили, и позже всех уходили с работы. Правда это?

— Да, товарищ полковник, это верно. Я свою работу закончил раньше всех, без каких-либо замечаний. Закончив обрабатывать свои дела, я помогал другим.

— Значит, вы усидчивы в работе, прилежно относитесь к выполнению своего служебного долга?

— Да, это мой стиль. Взявшись за дело, я пытаюсь доводить его до конца, понимая, что при этом все должно быть сделано добросовестно, от души.

— Это очень хорошо с вашей стороны. Мы это поощряем. А теперь приступим к делу. Я помню наш разговор при направлении вас на вакантную должность в политотдел спецчастей гарнизона города Двинска.

По вашему личному делу видно, что вы давно ходите в "капитанах". У нас имеется вакантное место на должность начальника агитпункта на железнодорожной станции города Риги. По штатному расписанию там должность "майора". Мы думаем туда вас перевести. Вы будете подчиняться непосредственно военному коменданту железнодорожной станции Риги. Как вы на это смотрите?

— Товарищ полковник, я буду очень рад и благодарен вам, если вы сможете перевести меня на эту должность. Это будет ближе моему

призванию. Ведь на агитпункте необходимо будет выступать перед проезжающими солдатами и матросами с беседами, лекциями и докладами. Это то, чем я должен заниматься, как политработник, как бывший учитель.

— После присвоения вам очередного звания "майор", мы переведем вас на другую должность.

— Я буду готов ко всему. Время зря терять не буду. Здесь имеются огромные возможности в повышении своего кругозора, своих знаний. Имеется при Доме офицеров много вечерних университетов.

— Это верно. Кто желает идти вперед, повышать свои знания и свой кругозор, тот имеет полнейшую возможность продвинуться и по службе.

Через три дня после возвращения в Двинск работники политотдела спецчастей гарнизона города Двинска провожали Андрея Простояна на новую службу, в новый город, столицу Латвии — город Ригу.

Прошло два месяца работы Простояна начальником агитпункта станции Рига. Капитану Простояну было присвоено очередное воинское звание "майор". А еще через месяц он был переведен на новую должность лектора-пропагандиста политотдела спецчастей гарнизона города Риги, где он с большим желанием и охотой прослужил там целых 15 лет. А затем сбылась его гражданская мечта. Он уволен из армии в запас с почетным правом ношения военной формы. Началась у Андрея Простояна новая гражданская жизнь.